

На боевом посту

ВВ

10'91

ЖУРНАЛ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК



Генерал Нечуев и его сыновья

«Заложником можно взять каждого...»

Агата Кристи. «Свидание со смертью»



КРАСНЫЕ МАКИ



На зеленом поле аэродрома — красные маки. Для одних они предвестники близкого окончания службы и скорого пути домой. Для других это цветы того края, где прожита жизнь и который теперь предстоит покинуть. А кому-то еще продолжать нелегкую службу в Нагорном Карабахе, терпеть лишения, рисковать жизнью, прощаться с погибшими товарищами. Им эти маки видятся пятнами крови. Когда же они станут просто мирными цветами прекрасной земли?

За нашу Советскую Родину!

На боевом посту **50**

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК**

10'91

Издается с 1958 г.

Учредитель — МВД СССР

Главный редактор

А. Г. ГОРЛОВ.

Редакционная
коллегия:

В. Ш. АМЕРХАНОВ

(зам. главного
редактора),

В. В. АФАНАСЬЕВ,

Б. Р. БОРУКАЕВ,

В. И. БУСЫГИН

(ответственный
секретарь),

В. П. ВОРОЖЦОВ,

Ю. В. ДУРНЕВ,

Э. В. КАЛАЧЕВ,

И. Т. КОЗЛОВ,

Н. П. КУЗЬМИН,

В. В. МУРАТОВ,

Е. А. НЕЧАЕВ,

Л. А. ПАНКРАТОВ,

Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,

Н. Н. ПРОКОПЕНКО,

Л. Л. СМЕРНОВ,

П. А. СТУДЕНИКИН,

В. Н. УСКОВ

(зам. главного
редактора),

А. Г. УШАР,

В. С. ФРОЛОВ,

А. А. ШЕМАЕНКОВ,

В. И. ЯКУБОВСКИЙ.

**НА ПЕРВОЙ СТРАНИ-
ЦЕ ОБЛОЖКИ: у ка-
литки.**

Фото Р. РЯЗАНОВА.



КАРАБАЖА







Казачество возрождается... Это стало бесспорным фактом. Мы еще можем улыбнуться: ну, какой казак без коня и шашки в наш-то атомный век! Конечно, полностью возродить казачий быт теперь уже невозможно, но главные устои, традиции — вполне.

Это мы увидели на лагерных сборах атаманской сотни станицы Незлобной. Тут все было "не понарошку", а всерьез: атаки, джигитовка, казачьи песни и пляски. И горячие споры о судьбе Отечества в казачьем кругу, прерываемые нередко вопросом атамана В. Киреева: "Любо, братья-казаки?" и дружным ответом — "Любо"...

Фото А.АЛЕКСАНДРОВА.

КАЗАКИ: ЛЮБО, БРАТЬЯ? ЛЮБО...





СОДЕРЖАНИЕ



505

■ В ОСОБОМ РАЙОНЕ

ГОРЛОВ А. Генерал Нечаев и его сыновья (очерк) 3
Лейтенант Олег Бабак — Герой Советского Союза 12

■ К 50-ЛЕТИЮ БИТВЫ ЗА МОСКВУ

МУРАТОВ В. В сорок первом, под Вязьмой . . . 16

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

КУЗЬМЕНКО В. На произвол судьбы, или О том, как поживают войска на фронтах войны законов . . . 31
Письма читателей 37
СТУДЕНИКИН П. «Заложником можно взять каждого из нас...» 34
ШАХОВ А. Бюрократы при погонах 39

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

КАСМИНИН Г. Есть вопросы... (стихи) 20
ВОЙНАКОВ А. Раз, два, три, четыре... (рассказ) . . . 22
ДМИТРИЕВ П. Трудный хлеб (стихи) 55
КРИСТИ А. Свидание со смертью (роман, начало) 57

■ ПУБЛИЦИСТИКА

ОВЧИНСКИЙ В. Больше тени — больше социализма? 42
ПРОХАНОВ А., СУЛТАНОВ Ш. Измениться, чтобы выжить 47
БОРИСКИН А. Военные в правовом государстве . . . 52

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

ТОВКАЙ Г. Айкидо — бой без насилия 84
МАГОНОВ И. С возрастом не стареет (к 70-летию со дня образования Военно-охотничьего общества Вооруженных Сил СССР) 89
Рыболовам и охотникам 90
СЕВОДНЯЕВ В. На помощь надеяться.. (о жизни собачьей: советы специалиста) 92
Шахматный клуб 93
Клуб знакомств «Возможна встреча» 94

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

■ *Между двух огней находятся внутренние войска в Нагорном Карабахе, защищая людей от произвола вооруженных экстремистов.*

Ю. КИСЛЫЙ.
«Эта «странная» война».

■ *О срастании мафии с отдельными работниками довольно высокого ранга правоохранительных органов — записки старшего оперуполномоченного Московского уголовного розыска.*

А. СТАШКОВ.
«Смерть «Хамелеона».

■ *Продолжение романа Агаги Кристи «Свидание со смертью».*

Журнал
зарегистрирован
в Госкомпечати СССР
25 сентября 1990 года
под № 241

ATTENTION FOREIGN READERS!

East View Publications handles:
o subscriptions
o back issues
o advertising
for *Na boevom postu*.

For further details,
please contact us at:

EAST VIEW PUBLICATIONS,
12215 North 28th Place,
Minneapolis, MN 55441 USA
voice: (612) 550-0961
fax: (612) 559-2931

Адрес редакции:
107120, Москва В-120,
Сыромятнический
проезд, 8.
Телефоны:
361-82-57,
361-81-71



Художественное
оформление
Е. К. Селиковой,
Э. П. Копылова.
Корректоры
Е. Ю. Гаврилова,
И. Ю. Семибратова.

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы материалов.

Сдано в набор 5.08.91 г.
Формат бумаги 70×108^{1/16}.
Уч.-изд. л 13.3. Тираж 105000 экз.

Подписано к печати 14.10.91 г.
Усл. печ. л. 8,4 п. л.
Зак. № 2279 Цена 90 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда».
123826, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.



Изю дня в день перед глазами солдат — брошенные дома и целые деревни, доведенные до отчаянья люди. В ушах, не смолкая, стоит треск стрельбы, и на плечах — тяжелая, изматывающая усталость. Ни днем ни ночью нет им покоя. Где присел, там и уснул. Когда же будет конец этим мятарствам? Кто же здесь прав, а кто виноват? Чего ждать завтра? Кто ответит за происходящее в Карабахе? Вопросам нет числа, и нет пока на них ответов.

Фоторепортаж Б. БУЛГАКОВА

...ИХ СНОВА РАЗБУДИТ ТРЕВОГА



АЛИНА НИКИТИЧНА не удивилась позднему звонку: мужа срочно вызывали к командующему. Она привыкла за многолетнюю жизнь ко всяким неожиданностям. Но насторожило то, что дежурный взялся разыскивать генерала буквально сразу после его выхода из кабинета. Что там случилось?

— Вот что, мать, — всего несколько минут назад рокотал в трубке его глуховатый (значит, чертовски устал, вымотался за эти сутки), но бодрящийся голос, — разогревай пельмени, которые с утра обещала.

рощицы и шел по вечерней аллейке к дому, и дверь лифта как назло не хлопнула, а мягко открылась, — поняла, что сдержаться и не сказать о звонке не сможет.

Но слов-то и не понадобилось. Несмотря на внешнюю бодрость и даже нарочитую говорливость жены, Евгений Александрович сразу почувствовал в ней внутреннюю напряженность. Встревожился, догадываясь, что она что-то скрывает, но спрашивать не стал. Спокойно помыл руки, но переодеваться не спешил, а Галина Никитична не предложила, что еще раз его убедило в том, что она пытается от него скрыть нечто неприятное.

Полковник А. ГОРЛОВ

ГЕНЕРАЛ НЕЧАЕВ И ЕГО СЫНОВЬЯ

ОЧЕРК

— Кто же пельмени разогревает? — пошутила она.

— Ну так готовь. — Она, кажется, увидела, как прояснилось в улыбке его усталое лицо.

— Два часа жду этой команды, мой генерал. Не верится, что едешь.

— Еду, мать, еду... Завтра отосплюсь как следует...

— Неужто на работу не пойдешь?

— Не пойду. Забыла, что ли, — воскресенье, и мы приглашены на день рождения?

— Я ничего не забываю, а вот сможешь ли ты?

— Смогу, мать, точно смогу. Я так шефу (она знала, что речь идет о командующем) и сказала: «Отключаюсь на целые сутки»...

«Неспроста этот вызов, — думала она, ожидая, когда за окном послышится шум подъехавшей автомашины, когда хлопнет за дверью остановившийся лифт. — Неужто опять ушлут?...»

Села в какой-то отрешенности посреди не кухни, не зная, что делать, как поступить. Если тут же сообщить о вызове, то и к столу не присядет, сразу же помчится.

«Нет, — про себя решила Галина Никитична, — ничего пока говорить не стану. Пусть поужинает спокойно, а потом раскажу».

И теперь, что бы ни делала: готовила ли салат, заваривала чай или в задумчивости проверяла, осматривала в который раз его походный чемодан, ее не покидало смутное ощущение нарастающей тревоги.

А когда вошел муж, — шума машины она не услышала, видимо, остановился у

Однако сделал вид, что не догадывается о ее волнении, присел к столу.

И тут она не выдержала.

— Звонили тебе.

А сама смотрит, какое впечатление произведут на мужа ее слова. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

«Значит, насторожился, — догадалась она, — Чего уж тут томить...»

— Звонили, говорю, тебе, — повторила она.

— Что, просили перезвонить?

— Нет, сказали, что командующий тебя ждет.

— Я же только что у него был, — впривалось у Евгения Александровича.

Она неожиданно взялась его успокаивать, почувствовав, что муж встревожился.

— Что-то серьезное? — спросила она, сама не понимая зачем. Ведь знала, что все равно не ответит.

Он действительно промолчал. Галина Никитична его молчание расценила по-своему: волнуется, ибо знает, по пустяку командующий за полночь приглашать не будет.

Интуитивно чувствовал, что опять проврал где-то на юге. Снова и снова вспоминал он последние сводки, поступающие в Министерство внутренних дел, эти бесконечные совещания то в прокуратуре, то у железнодорожников, где в центре внимания всегда рельефно выпирал вопрос о гревожной обстановке в Армении, провокациях боевиков на железной дороге в Азербайджане.

«Может быть, опять Ош?» — подумал он. Но тут же отогнал от себя эту мысль. Говорил он с начальником штаба части, которая находилась там, человек

серьезный, взвешенно произносит каждое слово — там потрясения не должно быть, вроде бы спокойно.

Так где же? Где оборвалась та ниточка, что подняла в полночь командующего генерал-полковника Шаталина, а значит, на местах уже и многие офицеры и генералы штаба внутренних войск, где требуется связать все в узелок, предостеречь, пресечь?..

Ответов не находил. Раньше ему казалось, что все события развиваются по строго определенным законам: сначала причины, а они, конечно, на виду, потом повод, затем сам конфликт, и событие стало явным. Как ком снежный стремительно катится с горной вершины, все время увеличиваясь, так и событие вспыхнуло на пятачке и вдруг охватило площадь, улицу, поселок. И вот уже завихрился целый город. Это, как говорится, когда имешь действия с алгеброй, когда любой новый человек, вовлеченный в конфликт, становится для тебя не только неизвестным, но и аксиомой, в то же время со своим иском и игроком и оказывается, что тут дело вовсе не в высшей математике, не в геометрической формуле, которую надо доказать, а в простой арифметике. Только задачи почему-то получаются до того сложные, что решать их приходится ой как нелегко.

Кажется, совсем недавно встречался он с начальником управления МВД одной из среднеазиатских республик. Разговор зашел о тревожных событиях в Закавказье. «У нас подобного просто не может произойти, — говорил полковник. — Люди у нас совершенно другие. Им нет дела до националистических амбиций. В народе моем укоренилась доброта. Не надо быть злым, а нужно стараться делать добро». Правильные слова говорил полковник, говорил о гордости, о чести своего народа и наверняка на все сто процентов был уверен, что так оно и есть: национальные конфликты, взрывы происходят где-то в стороне, словно на другой линии взаимоотношений, а у него в республике это нонсенс.

А несколько дней назад этот «нонсенс» обернулся погромами, зверскими убийствами женщин, стариков в одном из отдаленных сел, казалось, самых тихих районов. Произошло это в разгар весны, когда только-только вылупились из семян и стали прорезаться зеленые стебельки хлопка. Неужели здесь никто не подозревал, что самыми скорыми на всхожесть окажутся семена межнациональных распрей?..

КОГДА Евгений Александрович снял трубку и соединился с порученцем командующего, то в ответ услышал, что его ждут и за ним уже послана дежурная машина. И по тому, что оперативный дежурный по войскам не стал дожидаться, пока вернется закрепленная за генералом «Волга», а направил другую машину, стало ясно, что дело архисрочное.

Но уже от двери его вернул телефонный звонок. На проводе был сам командующий внутренними войсками генерал-полковник Шаталин.

— Я думаю, что вы, Евгений Александрович, походный чемодан догадались захватить? — коротко заметил Шаталин.

— Так точно, выезжаю в штаб, — ответил Евгений Александрович.

— А вот в штаб не надо. Встретимся в аэропорту. Самолет уже заказан.

— Так вы тоже летите? — спросил Нечаев, все еще терзаясь в догадках, где же на этот раз прорвало, куда снова бросают гасить пожар внутренние войска, коль сам командующий возглавляет оперативную группу. Но Шаталина спрашивать об этом не резон. Если можно будет, командующий сам скажет.

И он действительно раскрыл карты.

— Очень сложная обстановка в Армении. Боевики вконец распылялись. Будем принимать меры.

Так вот всегда неожиданно вспыхивают эти «горячие точки». Генерал Нечаев хорошо помнит, как в июне 1989 года он прилетел в Фергану. Прилетел вместе с командующим, когда обстановка была накалена до предела. По всему чувствовалось, что местная власть парализована. Нерешительность правоохранительных органов привела к тому, что в области начались погромы. Дирижерская палочка чувствовалась во всем. В Маргилане, например, почти открыто проводилась запись «добровольцев» — участников будущих беспорядков, а затем все они получили оповещение: «Ждите сигнала!» В Коканде прошли религиозные собрания, в которых приняли участие делегаты практически всех областей Узбекистана — на этих собраниях речь шла об объединении мусульман, образовании независимой исламской республики Узбекистан.

— Вот что, Евгений Александрович, — сказал тогда командующий, — главная наша опасность — отсутствие информации. По области вспыхивают погромы, обрушиваются на головы людей слухи, один страшнее другого, а местные газеты, радио, телевидение словно в рот воды набрали.

— Я так понимаю, товарищ командующий, — ответил Нечаев и раскрыл свой блокнот с наметками плана, — без опоры на трудовые коллективы, без широкого информирования трудящихся нам с ситуацией не справиться. Мною подобраны группы офицеров-пропагандистов. Лично я на нефтеперерабатывающий завод еду, другую группу в строительный трест...

— Это очень хорошо, — поддержал командующий. — Я тоже поеду к людям. Скажем, на автопредприятия.

Чем больше встречался генерал Нечаев с простыми людьми — рабочими и колхозниками, женщинами и стариками, тем больше убеждался: оба народа — узбеки и турки-месхетинцы — чисты и ни в чем не повинны. Никто не хотел трагедии, ко-

торая разыгралась в Кувасае и Фергане, затем в Ташлаке и Маргилане, Коканде и Яйлане. Но откуда тогда больше сотни трупов, разрушенные дома, люди, потерявшие кров и веру?! Происшедшее — дело рук отщепенцев, ярых националистов. Ведь только за последние три года в Узбекистане было обезврежено около 700 организованных преступных групп, вооруженных банд, из которых можно сформировать полнокровную дивизию.

До десятка встреч в день в разных коллективах было у генерала Нечаева. Не знали сна, забыли об отдыхе и многие его подчиненные. И то, что люди стали прозревать, активно включались в поддержание общественного порядка, свидетельствовало, что семена дают всходы.

На одной из встреч пожилая узбечка сказала Евгению Александровичу:

— Мы не верим обкому, не верим облисполкому, верим войскам, не уходите.

В тот же день командующий — генерал-полковник Шаталин выступил по местному радио и успокоил население:

— Войска останутся на территории Ферганской области до тех пор, пока не будет создана полная гарантия безопасности граждан.

Такое решение, безусловно, некоторым не по вкусу пришлось. В безумии своем они пошли на шантажи и угрозы.

Вечером Евгений Александрович позвонил домой. Жена прочитала ему полученное письмо.

«Шаталину Ю. В., Нечаеву Е. А. Немедленно дайте команду своим войсковым частям, чтобы покинули Фергану сроком до 28 июня (!) В противном случае ваши семьи погибнут от рук сторонников мира и московских «наркотов». 14 миллионов представителей узбекского народа не оставят вас, как после событий в Тбилиси... Группа представителей Узбекистана ждет сообщения о выводе внутренних войск МВД СССР...»

— Штмпель какой? — поинтересовался он.

— Московский. Дата отправления — 22 июня.

— А телефон?

— Звонят. И не только мне. Семье Юрия Васильевича угрожают. Но мы не из пугливых. Работайте спокойно.

ХОРОШО, когда у тебя крепкий тыл. За свой тыл Евгений Александрович спокоен. Сколько дорог исколесил он, прежде чем попал служить в столицу, сколько гарнизонов сменил, прежде чем получить московскую прописку. И комнату снимал в многолюдных квартирах, жил в бараках, и ютился с женой и двумя ребятишками в солдатской каптерке. Как-то они с Никитичной прикинули: девятнадцать переездов выпало на их долю. Но ни разу не слышал он слов упрека, ни разу не встретил укоряющего взгляда жены: понимала, на что шла. Любила, потому и легче было идти по

жизни, терпеть, бороться с невзгодами, растить сыновей.

Не эти ли девятнадцать переездов причина тому, что когда, казалось, можно бы спокойно жить, любоваться внуками, наконец-то сполна отдать себя театру, книгам, жена месяцами лежит в больницах. Не помогают полностью восстановить утраченное здоровье ни самые современные лекарства, ни забота и внимание мужа. Врачи говорят — сердце, что латаный перелатанный движок, который не знаешь, когда и подвести может. А к сердцу уйма и других болезней, одна хуже другой. Но терпит, мужественно переносит свои недуги, не хочет лишней раз волновать мужа. А ее воле и мужеству можно позавидовать.

С первой встречи он знает ее такой. Кажется, и сейчас, стоит только закрыть глаза, видит он хрупкую девчушку я не верит, что именно она мастер спорта СССР, именно она с трехмесячным сыном на руках прибыла на соревнования. Солдат держит ребенка, а она после двух неудачных попыток словно сжалась в комок, устремила вперед, нашла в себе силы победить, выиграть первенство на спартакиаде.

И вот сейчас, как бы ее ни гнула, ни ломала жизнь, она держится, потому что есть у нее тот внутренний стержень, который является основой всему — ее воля, выдержка. Порой как-то незаметно Евгений Александрович чувствует и на себе ее влияние. Знает, как нелегко ей, однако ж находит она все новые и новые возможности, чтоб поддержать его в тяжкие минуты. А сколько их, таких минут, в жизни генерала, который каждый третий день в году проводит на кспсах. Не на день, не на два отрывается от дома, а неделями, месяцами живет в разных гарнизонах, зачастую в палатках, в разного рода временках, приспособленных под жилье солдат внутренних войск.

ОН ПЕРВЫМ был среди тех, кто прибыл в Чернобыль. Спасательные работы у аварийного блока в Припяти, угрюмые лица пожилых людей, все время просящих ребят в военной форме, что встали сначала вдоль тридцати, а потом и десятикилометровой зоны, пропустить их в оставленные села, непрерывная служба контрольно-пропускных пунктов, постоянный дозиметрический контроль, валившиеся с ног от усталости офицеры — все это было на его глазах, и все это никак не вязалось с удивительной красотой природы, с необычным урожаем в садах, с грибами, которые на редкость, казалось, переполняли леса, с одичавшими в одночасье вчера еще домашними животными. Ребята молодые; смотрят на окружающее с любопытством. Радиация! А кто ее видел, радиацию?! Не верят. Таком рвут фрукты, клубнику, которая чуть ли не с куриное яйцо... А старшина, помнится, на год старше своих солдат, вдруг решил пожерить грибы.

В этой обстановке самой большой политработой для Нечаева и всех, кого он возглавлял, была забота о людях. Разъяснить, довести, предупредить, уберечь от рокового шага, но при этом обеспечить службу.

Может быть, потому, что у него самого росло двое парней, он в солдатах видел мальчишек и относился к ним по-отцовски. А отец — это не только внимание, забота, но и строгость, требовательность. Наверное, шло это от Александра Ивановича Нечаева, довольно известного в предвоенные годы на Магнитке человека. Он хорошо помнит рассказы отца о том, как создавалась первая доменная печь, гордится, что вслед за Сергеем Орджоникидзе второй кирпич в нее положил молодой начальник участка Александр Нечаев. И сыновьям часто напоминает, что их дед является ветераном «Магнитогорстроя», а бабушка Мария Павловна — депутат городского Совета первого созыва.

Александр Иванович очень хотел, чтобы его сын стал строителем, чтобы вернулся на Южный Урал и продолжал его дело. Главный инженер на «Магнитогорстрое», он всем сердцем прикипел к родному городу. С Магнитогорском связана вся его трудовая биография: рабочий, мастер руководитель треста. Всегда, когда образовывалась брешь на строительстве, — он ее прикрывал. Нужен бетон — Нечаев возглавляет бетонный завод, началась закладка доменной печи — он начальник участка. Ордена Трудового Красного Знамени, Знак Почета, много других государственных наград свидетельствовали о признании его заслуг перед Родиной. Сталинская машина уничтожения чуть не подмяла и его — уж больно строптив и несговорчив был главный инженер в тресте. В считанные часы сняли с должности, исключили из партии. Спас Дымшиц, знавший его по совместной работе.

Но никогда Александр Иванович не терял веры в торжество дела, ради которого отдавал всего себя без остатка. Эта вера передавалась и детям. Евгений пошел в пограничное училище — отец прелатский чинить не стал, а младшая Оля решила стать инженером (кстати, сейчас она кандидат наук, преподает в Магнитогорском горно-металлургическом институте).

Вроде совсем недавно он был самым молодым начальником политотдела полка (ему не исполнилось тогда 28 лет), потом возглавил политорган соединения, много лет работал в Высшем политическом училище имени 60-летия ВЛКСМ. МВД СССР, руководил отделом пропаганды и агитации Политуправления внутренних войск. Сейчас заместитель начальника управления.

Так уж повелось у них в семье, что каждый выбирает судьбу сам, определяет, как жить дальше. Когда старший Саша (кстати, сейчас он уже стал подполковником)

решил пойти в военное училище, отец, в душе радуясь за своего первенца, все-таки настойчиво спросил: «А ты хорошо все продумал?» Тут еще Галина Никитична встала: «Тебе что, походная жизнь отца не надоела?» А Саша только и сказал: «Я все серьезно обдумал». Старший уже учился в Военно-политической академии имени В. И. Ленина, когда настал черед определить дальнейшую судьбу Павла: сам он твердо решил служить во внутренних войсках.

А что такое внутренние войска сегодня?! Это пожарные, если можно так сказать, это люди, стоящие на водоразделе добра и зла, на переднем крае борьбы за перестройку, которая ой с какими потугами идет по стране, особенно в ряде союзных республик.

Евгений Александрович находился в бурлящем Баку, где страсти накалились и вот-вот могла приключиться беда. И, как всегда, шел в толпу, затеяв диалог с мужчинами и женщинами, стариками и подростками, азербайджанцами и армянами, с коммунистами и беспартийными, неформалами разных мастей. Кажется, удалось найти общий язык: митингующие стали расходиться. На утро у него была назначена встреча с представителями народного фронта. И вдруг телефонный звонок.

Дежурный передал приказание из Москвы — срочно вылетать в Ереван. Он еще не знал, что там произошло, но чувствовал: событие неординарное. И только в аэропорту услышал — Армению постигло землетрясение.

В Ереване он встретился с генерал-майором Ю. И. Богуновым, которого знал много лет по совместной службе в Главном управлении внутренних войск.

— Тысячи погибших и раненых, сотни людей остались без крова, — сообщил Юрий Иванович.

Обстановка была неясной. Повреждена телефонная связь с Ленинканом, Спитакком, Степанаваном и Кироваваном. Пограничники, военный комендант также не могли соединиться с этими городами ни по радио, ни по ВЧ.

Вскоре стали известны районы бедствия. — Сила землетрясения в эпицентре, в Спитакском районе, достигла 10,7 балла, — доложил Нечаев в Москву. — Спитак разрушен полностью. В Ленинкане разрушено более 80 процентов домов, производственных построек. Под развалинами остались люди. В 15 часов два сводных отряда направлены в эти города. Прошу разрешения выехать лично.

Разрешение было получено. С группой солдат Евгений Александрович выехал в Спитак.

Уже при спуске с перевала взору открылась страшная картина. Город буквально лежал в развалинах. Грязный туман, гарь, несмолкаемые стоны людей.

Улицы сплошь в завалах. Машины пришлось оставить. Но пройти военным не удалось.

Вдруг откуда-то из-под арки, одиноко возвышающейся над грудой щебня и кирпичика, показалась женщина. В сгущающихся сумерках трудно было определить ее возраст. Она то подтягивала на голове платок, то сбрасывала его, и тогда на плечи свисали скомканные клоchyя волос. Лицо ее было не то в садинах, не то в копоти.

— Дети мои там... Спасите!

Из-за ее спины неожиданно показалась согорбленная мужская фигура.

— Помогите. Моя жена... Я слышу ее голос.

Мгновенье, и Евгений Александрович уже в окружении жителей. Для обезумевших от горя людей любой человек в форме был символом реальной силы, кто мог немедленно, вот сейчас же избавить всех их от страданий и сразу, незамедлительно помочь. Будто только его и ждали, чтобы сразу, в одночасье гнетущая тишина нарушилась новыми стонами, причитаниями, истерическими криками о помощи.

Он старался успокоить, образумить людей, но чувствовал, что они не в состоянии воспринять ни одного его слова: слишком велико горе, слишком бездонна чаша их страдания.

Покореженные бетонные перекрытия, чудом держащиеся на одной петле на втором этаже дзери, расщепленные доски, кучи камня, а между ними сломанная мебель, детские коляски — и во всем этом хаосе люди, которые, казалось, в эту минуту не имели ни своего лица, ни характера, ни походки. Они двигались неуклюже, словно тени, останавливались над каждым бугорком, прислушивались, потом снова двигались все так же бессистемно. Растерянность, страх, отчаяние в миг сломали их, сделали в общем горе похожими друг на друга. И девочка семи лет, и пятидесятилетний мужчина, и поседевшая женщина, возраст которой трудно было определить, старик с наброшенным на плечи обгорелым пледом — все они вроде бы были на одно лицо: впалые щеки, оспившие голоса и безумно горящие глаза, в которых застыла непроходящая боль. Но где-то в душах их теплилась надежда: «А может быть, их родные живы?» И эта тоненькая надежда то одного, то другого человека вдруг взвизгивала, выводила на плач, который нередко переходил в истерику.

— Я же войну прошел. Море горя, страданий пережил, — шепчет старик с пледом. — Но чтоб такое... И сердце не выдерживает, отказывается понимать, и глаза — не мои глаза — такого я не в силах видеть, и уши — заткнуть бы их, чтоб людской боли не слышали.

Евгений Александрович осторожно подходит к старику.

— Ведь вы солдат, отец, значит, должны понимать.

— Я все понимаю, товарищ генерал, все хочу осознать, да не могу.

Плечи старика содрогаются в плаче.

— Там, на третьем этаже было то, что называлось квартира, семья... Да о чем я говорю, жилье чепуха—старуха моя, внучка в гости приехала, что я невестке скажу, как я детям в глаза посмотрю: не уберег, лучше бы я сам там вместо них оказался. Угораздило за табаком спуститься...

И вдруг рядом останавливается крытый фургон.

— Люди, налетай!

Голос не сиплый, а молодой, звонкий, вроде кликуши на базарной площади.

Старик поднял воспаленный взгляд, недоверчиво посмотрел на фургон, потом на генерала.

— Люди, вещи привезли!

Из фургона прямо на груды щебня и бетона полетели куртки и сапоги, тюки с одеялами и простынями... Бородачи в темных очках разрывали мешки, вспарывали картонные коробки с продовольствием — и все это в один миг оказалось на земле.

Старик изрек что-то похожее на: «И-и...», вдруг засеменил к фургону.

Не прошло и минуты, как возле беспорядочной груды вещей образовалась толпа. Люди хватили друг у друга вещи, прижимали к груди булки с хлебом, консервы, роняли их, снова поднимали, суетились, толкая один другого. А молодые, сытые лица с прикрытыми от людей глазами все так же кричали:

— Берите...

И вот уже не толпа, а свалка.

Сердце сжалось от возмущения: «Это же провокация...»

Рядом появился майор. Подошел к генералу, представился.

— Прокретить этот балаган, — категорически потребовал Нечаев.

— Есть, товарищ генерал.

В этой чрезвычайной ситуации военный является эталоном и символом власти. Стоило майору подойти и сказать несколько слов бородачам, как те в один миг преобразились. Успокоилась толпа. Выстроилась ровная, спокойная очередь. Выдача вещей и продуктов проходила тихо, без лишней суеты и спешки. Нечаев поймал себя на мысли и отметил, что это был как раз тот случай, единственный и. быть может, уникальный, когда людям, стоящим в очереди, спешить было ни к чему. Им просто некуда и незачем было идти.

Вскоре фургон отъехал, а люди вновь разошлись по развалинам. Каждый останавливался возле своего сокровенного бугорка и терпеливо ждал, когда подойдет кран.

Подъемный кран в эти часы был самым желанным в любой точке города, но пока их — единицы.

— Вот что, товарищ майор, — неожиданно произнес Нечаев. — Когда подойдет техника, сказать трудно. Дорог каждый час. Прикажете: где только можно,

необходимо использовать бэтэзры и грузовики.

Майор козырнул и исчез где-то в развалинах соседнего дома.

А через несколько минут Нечаев услышал, как зафырчали двигатели бронетранспортеров, натужно заревели моторы грузовиков.

Вокруг техники скапливались толпы. Люди настороженно всматривались в развалины, ждали, что из-за выдернутой плиты вот сейчас, сию минуту появится дорогой и близкий человек.

И ЧУДО происходило. Но довольно редко. Внимание генерала привлек один из солдат. Он снял гимнастерку и сноровисто работал то лопатой, то ломом.

— Уже три часа копает, — сообщил майор.

Нечаев подошел ближе. Солдат только на мгновение выпрямился, словно представляясь начальству, и еще быстрее в его руках замелькала лопата.

— Коваленко, передохни, — попросил кто-то из сослуживцев. — Давай мы поможем...

— Ваня, ну что ты... Смотри, весь мокрый.

Коваленко лишь отмахнулся от этих просят.

— Отойдите, может обрушиться. Я все-таки шахтер, сам управлюсь, — тяжело переводя дыхание, отселил солдат.

Генерал кивнул сопровождавшим его людям.

— Мешать не будем.

Уже поздно ночью Евгений Александрович заинтересовался: как там Коваленко, справился?

Полковник Анатолий Петрович Белаш доложил ему:

— Справился не то слово. Под развалинами женщины была. Когда Коваленко откопал ее наполовину, медики подключились, сделали ей антишоковые уколы. Коваленко же продолжал работу, пока Аида Варданян не была спасена. Надо было видеть, как она, ее родственники благодарили солдата.

Да, самых теплых, искренних слов глубокой, сердечной признательности труженников Спитака, Лениканана, многих других населенных пунктов заслужили в эти дни многие солдаты и офицеры внутренних войск. Непосредственно спасательными работами они занимались первые двое суток. Затем, когда стали прибывать профессиональные спасатели из разных стран, подъехали спелеологи, альпинисты, подразделения внутренних войск переключились на охрану объектов, поддержание общественного порядка.

На третьи сутки пребывания в зоне бедствия, а прошла ночь фактически без сна и отдыха, Евгений Александрович решил ночью обойти караулы. Солдаты охраняли разрушенные магазины, базы, всевозможные склады, куда, как мотыльки на свет,

тянулись разные проходимцы, пытались проживиться. Происходили странные метаморфозы. Не успел пробыть тот или иной авиалайнер из сопредельного государства с вещами и продовольствием для пострадавшего населения, как буквально на другой день многие предметы продавались на рынках разных городов Закавказья. Этой информацией владел Евгений Александрович. Вместе с другими генералами и офицерами делал все возможное, чтобы исключить случаи хищений.

Пункты выдачи продуктов и одежды в Спитаке, например, организовали на рынке. Едва распаковывали ящики, как машины буквально окружались людьми, Нечаев приказал выставить войсковую цепочку перед толпой, чтобы как-то упорядочить получение людьми необходимых предметов.

Но тут произошло непредвиденное. Невысокий толстоватый человек выскочил из толпы.

— Люди, — начал кричать он, — Солдаты нас обирают. Не получайте ничего, пусть они подавятся этими подачками.

Кое-кто клюнул: толпа стала рассеиваться.

— Выясните его личность, — приказал Нечаев.

Выяснить кто есть кто в той весьма сложной обстановке было весьма трудно. Многие жители, лишившиеся своих жилищ, не имели и документов.

Толстяк тоже стал уповать на то, что его паспорт под развалинами. Однако случай помог солдатам. Рядом оказался инструктор горкома партии, которого солдаты хорошо знали.

— Так что его слушать, — обратился он к людям. — Этот радетель за народ только что отправил автомашину с дефицитными вещами из нашего города. Я сам видел, как он без разборки набивал рафик чем придется. Мы его помним по прежним делишкам — словом, спекулянт и халуга.

Толстяк, почувствовав, что ему несдобровать, попытался нырнуть в толпу, слиться с людьми, уйти от человеческих глаз, но толпа неожиданно для всех расступилась — в центре увидели его, сжавшегося, испуганного, молящего о пощаде.

— Отправьте его в милицию, — приказал Нечаев.

Приказание это охотно выполнил молодой сержант с девичьим лицом. В сопровождении двух добровольцев из местных жителей он тотчас же повел спекулянта к горотделу.

ГНЕННЫЕ лапы прожекторов там и тут разрезали тьму. Гудели двигатели, непрерывно карабкались сквозь развалины грузовики, ревя моторами, бульдозеры сдвигали плиты, расчищали дороги — и ночью ни на минуту не прекращались работы по спасению людей.

Но с каждым часом все меньше и меньше становилось счастливых раскопок. Чаще всего из-под развалин извлекались те-

ла погибших. Однако люди не теряли надежду.

Увидев Евгения Александровича в окружении военных, неожиданно к нему протиснулся мужчина лет сорока в рабочей спецовке. Его усталое лицо было все в копоти, но глаза возбужденно горели.

— Товарищ начальник, как же так можно, — путая русские слова с армянскими, начал он, — там же семья. Я слышал голос. Утром слышал.

— Спокойно, товарищ, спокойно, — остановил его Нечаев. — Расскажите по порядку.

— А что тут рассказывать, он взял и уехал.

— Ничего не понимаю, — недоуменно произнес Нечаев. — Кто уехал?

— Разрешите доложить, — вмешался старший лейтенант.

Армянин замолчал, с надеждой глядя на протиснувшегося сквозь толпу офицера.

— Бульдозерист тут работал. У гражданина под развалинами вся семья осталась. А бульдозерист вдруг уехал к тому дому.

— Почему вдруг? Деньги большие ему дали. А я вот нищий, со мной все что имею, — с этими словами мужчина распахнул спецовку. — Как ушел на работу, в этом и остался.

— Это верно, товарищ генерал. Завелись тут сволочи, начинают на людском горе спекулировать. Уже такса установлена. Бульдозер чтобы к дому подошел, надо полторы-две сотни.

— Анатолий Петрович, срочно свяжитесь с секретарем горкома партии. Надо эти попытки пресекать, — приказал Евгений Александрович полковнику Белашу. А потом обратился к мужчине: — А вы не беспокойтесь, мы сейчас бульдозер возвратим.

— Уже послал я наряд, — сообщил старший лейтенант.

— Спасибо, товарищ начальник, — поблагодарил армянин.

А генерал Нечаев пошел к кострам, возле которых сидели отдыхающие группы солдат.

За разговорами время летело быстро. Уже было где-то около трех часов, когда Евгений Александрович услышал у одной из палаток возбужденные голоса.

Чей-то хрипловатый басок властно требовал от собеседника не бегать впереди паровоза, мол, не то можно надорваться.

— Разве можно так?.. Две ночи ты без сна. Если сегодня не отдохнешь, завтра у меня не будет замполита, — твердил басок.

— Об отдыхе ли сейчас думать, товарищ капитан, — осипшим голосом отвечал другой. — Вон, посмотрите, людей еще выкапываем из-под развалин.

— Все, лейтенант, — уже раздраженно говорил тот, кого называли капитаном. — Политбеседу я с тобой заканчиваю, приказываю отдыхать.

— Но, товарищ капитан, я хотел, — робко

возражал до боли знакомый голос. — Мне еще надо...

— Никаких «но», — сказал, как отрезал, басок, — Спать — и баста.

Евгений Александрович остановился, пораженный неожиданным открытием. Кажется, до него дошло и он начинает понимать, кто этот лейтенант с осипшим, но до боли знакомым голосом. Однако то, что он слышал, не вязалось с тем, что он знал. Учебный полк еще не прибыл. Он бы знал...

Но вдруг сопровождающий его полковник Белаш сообщил:

— Здесь рота учебного полка.

— А когда она прибыла?

— Накануне землетрясения, — охотно пояснил Анатолий Петрович.

«Значит, я не ошибся, — заговорил в нем внутренний голос. — Это он...»

— О чем они спорят? — только и спросил генерал.

В палатку шагнул майор. Не прошло и минуты, как из нее, застегиваясь на ходу, выскочил высокий офицер. При свете костра Нечаев не успел рассмотреть его лица, однако по хрипловатому баску понял, что это и есть тот самый капитан, уговаривающий своего замполита ложиться спать.

— Чего не поделили? — широко улыбаясь, спросил генерал.

Капитан замялся, потом сконфуженно произнес:

— А вы слышали наш разговор, товарищ генерал?

— Вот мимо проходил и малость подслушал. Так где ваш замполит?

Из черного проема палатки шагнул худенький лейтенант. Представился.

— Что же вы не слушаетесь командира? — вроде бы и строго спросил генерал, но в голосе его была какая-то теплота, а на лице по-прежнему блуждала улыбка.

— Да мы так...

— Товарищ лейтенант, отвечайте, как положено, — строго заговорил майор.

Но генерал махнул рукой:

— Лейтенант, зайдите в палатку.

И тут, когда они остались наедине, генерал обнял сына. Говорили не больше пяти минут. Евгения Александровича ждали дела.

— Маме звонил?

— Перед отлетом, отец. Но я не знал, что в Спитаке окажусь. Ты же был в Баку, как сюда попал?

— Пора тебе уже, сын, уяснить, что наша солдатская дорога непредсказуема.

— Это уж, верно, отец. А Сашка как?

— А что ты меня все расспрашиваешь? Сам ведь тоже связь поддерживаешь со старшим братом.

— Отец, у меня есть радиостанция, чтобы связаться с нарядом, со штабом, но нет междугородного телефона, как у тебя. А почта, сам понимаешь, сюда и телеграммы не идут.

— С Сашкой все в порядке.

— Отец, ты меня должен понять. Со мной что-то страшное происходит. Мне кажется, душа моя черствеет. Я вроде бы

живу, как тебе сказать... Ну, когда сочинение пишешь на черновик, а потом, дескать, набело... И я как бы все на черновик, а самое значительное, важное, что должен сделать, на потом оставляю.

— Понимаю тебя, отлично понимаю: сомнения, угрызения совести при виде того, что происходит, когда нужна помощь, а ты бессилён. Трудно, ой как трудно каждый день жизни писать, как бы набело, не признавая черновиков. Нельзя брать от жизни, не оплачивая счета. Мы вечные должники перед ней...

— Сколько крови, отец, сколько горя... Я спать при виде всего этого не могу... Мне делается страшно. Посмотрю на солдат — и одергиваю себя: каково им, восемнадцатилетним?

— Это верно, большая беда, страшная беда выпала на долю армянского народа. Да разве только армянского? Это для всех, для всей нашей страны беда. Сколько служу, подобного не видел. Это напоминало город после бомбежки или артобстрела.

— Я бы еще сказал, отец, что и паника налицо.

— О-о нет, сын. Тут я с тобой категорически не согласен. Чего-чего, а паники здесь нет. Паника — это когда люди мечутся, не знают, куда уйти, где укрыться. А тут другое... Старуха сидит на развалинах своего бывшего дома, и куда ее не уведешь, мужчина, а я с ним сегодня столкнулся, как столкнулся и с подлостью, крохоборством — думаю, и тебе это довелось увидеть, — хочет одного, чтобы бульдозер раскапывал место его бывшей квартиры. А что отвечают они на предложение уехать?! Наотрез отказываются.

— Откуда только крохоборы, настоящие мародеры берутся?

— Причин тут много: и объективных, и субъективных. Вот кое-кто утверждает, когда в мире все будут сыты, тогда нравственные люди, мол, заставят аморальных действовать по своему подобию. Однако это не так. Война доказала это. Твой дедушка Александр Иванович говорил, как голодно в те годы в Магнитогорске было, но все же такой подъем, желание выжить и выстоять сегодня нам и не снятся.

— Но то война.

— Да, то война, а сейчас нам жизнь кое-что похлеще подбрасывает: Чернобыль... Который, кстати, и сравнить не с чем. Потом Нагорный Карабах — настоящие бои между конфликтующими сторонами... Не успела утихнуть боль от полученных ран, и на тебе — землетрясение. Это и наше с тобой испытание. Ты же знал, что потребует служба?

— Знал, отец. И не раскаиваюсь, что получил погоны офицера. Я тебя не подводил.

— Верно, сын, верно. Ну, мне пора. Держись!

При свете слабенькой лампочки лицо сына было до неузнаваемости осунувшимся и, наверное, бледным, только его бледный блеск его глаз, решимость сына, за которой стояла твердость духа и уверенность в себе, в собственных силах.

«Как он изменился за полгода, пока мы не виделись», — подумал Евгений Александрович. Кажется, с каждой минутой общения он находил в младшем сыне все новые и новые черты. «А не вчера ли у тебя была легкость во взглядах, фривольность в общении, даже дома держался таким петушком. А сейчас? Неужели вам, сыновьям, нужны не просто встряска, и не просто передрыги в жизни, а вот такие испытания, что как проба на прочность? В каких только измерениях можно просчитать проявление новых духовных начал, которые мы постигаем вместе с возмужанием?»

ГОРИТСЯ своими сыновьями Евгений Александрович. Оба пошли по его дороге, стали офицерами внутренних войск. Младший вот только опереться начал, а старший Сашка уже заместитель командира полка.

Глядя на сыновей в короткие часы встреч, а они стали довольно редки, разбросала судьба сыновей по разным гарнизонам, Евгений Александрович вспоминает свою офицерскую молодость. Как он рвался в свои неполные двадцать пять в военно-политическую академию, но пробить стену солдафонства и бюрократизма так и не смог. После окончания гражданского вуза, а вот мечта по академическому образованию осталась на всю жизнь. Наверное, он с таким вдохновением рассказывал сыновьям об этом, что старший, он тогда еще замполитом роты был, так и заявил ему: «А я, отец, все равно в академию поступлю...» «А чего же тебе не поступить, сейчас в двух академиях — имени Ленина и имени Фрунзе — создали факультеты для пограничных и внутренних войск...» И все-таки старшему пришлось попотеть — конкурс был на редкость большим. Прошел. Учился Александр усердно. А после окончания добился, чтоб направили его подальше от отца, чтоб не корили сослуживцы, дескать, отец генерал, при высокой должности в Москве, потому и растешь...

Как-то к Евгению Александровичу зашел знакомый генерал. Они знали друг друга не один десяток лет. Делились самым сокровенным.

— Ты знаешь, Александрович, — начал он. — За сына мне стыдно. Что подлецу надо?! Академию окончил, высокая должность была. Шалит, подлец. К бутылке пристрастился.

— У меня ведь с младшим вначале тоже не все гладко было, ты же знаешь,—

по-товарищески поделился Нечаев. — И в этом виноваты мы — отцы. С нас спрос. Зачем было излишне опекать после училища?

— Это ты верно, Александрович. Но вот у тебя-то парень выправился. А у меня? Все думал, поймет, сделает зарубку, однако же вон как выходит. Словом, я не меняю принципов в зависимости от погоды. Подлость она всегда подлость, в какие бы одежды ни рядилась. Так что звоню сегодня комдиву, благо он у меня ротным был, когда я полком командовал — попрошу, пусть его, подлеца, офицерским судом чести судят и в должности снижают. Хватит отцовским авторитетом жить... Все по чести хотел, по совести. А оно выходит на деле: суд совести повесток не шлет. Ты знаешь, Александрович, на своем жизненном опыте я еще более убедился — нравственное падение начинается с семьи. Как воспитать человека не пьющего? Раньше твердили, мол, не пейте, плохо это, не пейте. А что сами мы делали? Какой пример показывали?

Евгений Александрович с грустью слушал исповедь пожилого человека. Знал, что репутация у того была человека-выпивохи неважная. И вот сейчас, когда наступил час расплаты, седой генерал излагал свою боль.

— А почему сейчас пьют?

— Да, наверное, потому же, отчего и вчера и позавчера пили, — осторожно вставил Евгений Александрович.

— Ой нет, — не согласился генерал. — Все от того, что уверенность в завтрашнем дне мы теряем. Твердили нам, и мы повторяем, что счастье в труде, в борьбе. А выходит, борьба наша была ненужной.

— Я так не считаю, Борис Иванович, — ответил Нечаев. — Пены на волне перестройки действительно много всплыло. Подвергнуто сомнению все, что раньше было незыблемым. Это факт. Но критически надо относиться к самим сомневающимся. И я твердо верю, что умение быть человеком счастливым — в том, что он служит людям. А как нарушается это равновесие, человек впадает в крен, клонится в ту или иную сторону, неизбежен срыв. Центровка тут должна быть сильная. Это меня больше всего волновало в сыновьях, чтоб крена у них не было.

— Тут ты прав. Центровка у твоих капитальная. А я вот где-то не сумел.

— Но еще не все потеряно, Борис Иванович. Может быть, он сумеет взять себя в руки. Вы бы помогли ему...

— И каким же это образом? — напустился генерал. Похоже, собеседник нажал на его больную мозоль.

— Поговорите по-отцовски, по душам...

— Да я уже с этим подлецом, — загорячился генерал.

— И все-таки надо, Борис Иванович. Ведь он сын ваш.

Генерал как-то обмяк, осунулся. Помолчав, наконец ответил:

— Пожалуй, ты прав. Надо попытаться.

ГЕНЕРАЛ ушел, а Евгений Александрович еще долго думал над разговором, думал об отце, который не служил примером для сына, о сыне, который перечил отцу и чья жизнь пошла наперекосяк. В чем причина? Конфликт ли тут между детьми и родителями? Вспомнил своего отца. Александр Иванович был весь в работе, казалось, и дела у него до детей никакого. Но порой за короткие минуты общения он будто в душу заглядывал. Хорошо запомнился разговор, который состоялся после неудачного побега из дома для поступления в мореходку. Он думал, что отец будет вне себя, да еще за ремень возьмется (хотя это и не в его правилах). Александр Иванович посмотрел ему в глаза, тяжело вздохнул и тихо сказал: «А я думал, ты у меня уже взрослый!» А ведь он, Евгений, конечно же, считал себя взрослым, и тут такое. И обида, и стыд, а больше всего стыд, казалось, переполнили его всего без остатка. Почему-то хотелось, чтобы отец изменил свое мнение о нем, ну как бы взял свои слова назад. Где-то внутренне осознавал, что нужно иначе себя вести. Но как? Тут пришла на помощь мама.

— А ты делай все, сын, так, чтобы самому себе не казаться взрослым, а быть им, чувствовать меру ответственности. Вон отца, когда ночью на стройку вызываю, о чем он думает? Сожалеет, что не удалось выпастись? Гневается на всех и вся, что без него не разобрались? Нет, скорее корит себя: где-то недосказал, недоглядел, недоработал лично он, потому и непредвиденная остановка строительного конвейера. Ответственность он в себе чувствует — вот главное в его характере.

Наверное, вот эта внутренняя потребность советоваться со своей совестью, ответственно подходить к порученному делу передалась не только Евгению Александровичу, но и его сыновьям.

САМОЛЕТ взял курс на Ереван. В маленьком салоне, отгороженном от грузового отсека, генерал-полковник Юрий Шаталин склонился над картой. Мучительно долго изучал каждую извилину горных хребтов. Потом решительно указал на маленькую точку.

— Здесь у них база, тут склады с оружием. Сегодня должны наши подразделения захватить, — задумчиво произнес он. — Нужно обо всем этом рассказать простым людям.

— Сделаем, Юрий Васильевич, — ответил Нечаев. — Я лично сам выступлю по республиканскому телевидению. Будем использовать все формы и средства, чтобы донести до людей правду.

И слушая Евгения Александровича, я несколько не сомневался, что такие, как он, делают все, чтобы справедливость восторжествовала. Ведь именно во имя ее, во имя мира и спокойствия живут и служат во внутренних войсках генерал Нечаев и его сыновья.

Лейтенант Олег БАБАК — Герой Советского Союза

7 апреля этого года неподалеку от азербайджанского села Юхары Джибикли в неравном бою с армянскими национал-террористами погиб лейтенант внутренних войск Олег Бабак. Он не допустил расправы боевиков над мирными жителями, а потом, приказав своим подчиненным отходить, остался их прикрывать.

Указом Президента СССР за мужество, героизм и самоотверженные действия, проявленные при исполнении воинского долга, лейтенанту Бабаку Олегу Яковлевичу присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Газетные и журнальные публикации о последнем бое лейтенанта Бабака, о службе молодого политработника в воюющем Закавказье вызвали большой поток читательских писем. Со всех концов страны идут они в редакции нашего журнала, газеты «Труд», родителям Олега Бабака на Полтавщину.

«Дорогие Надежда Ивановна и Яков Андреевич!

С болью огромной прочли о вашем сыне. Знаем, что все слова тут бессильны, но примите наше искреннее соболезнование. Пусть вам поможет пережить самое трудное время светлая память о вашем чудесном мальчике. Очень бы хотели, чтобы трое наших сыновей были хоть немножко похожи на Олега, ведь на таких ребятах держится земля.

Семья БАРАШКОВЫХ,
г. Киев».

* * *

«Я уже бежала на работу, когда по телевизору услышала о вашем Олежке и увидела открытое, милое, доброе лицо молодого парня. Сердце рванулось куда-то, ноги стали ватными и только одна мысль билась: «До каких пор? Сколько же можно терять таких ребят? Как страшно, когда гибнут сыновья, особенно в мирное время, от рук своих же соотечественников!»

Конечно, Олег сам выбрал себе профессию. Профессию воина, а значит — защитника. И он выполнил свой долг. Но ведь много на свете военных, а закрыть грудью товарищей может не каждый. И я уверена, что, будь Олежка гражданским парнем, он поступил бы так же. Он исполнил не просто профессиональный долг, это было призвание его души — защищать слабых.

Дорогие Надежда Ивановна, Яков Андреевич! Низкий поклон вам за такого сына! У меня взрослая дочь, и если когда-нибудь у меня будет внук, я очень хотела бы, чтобы он был таким же мужественным и добрым к людям, каким был Олег.

С глубоким уважением
МОЛЧАНОВА Вера Алексеевна,
Краснодарский край, г. Ейск».

* * *

«Моему сыну двадцать три года, он так похож на вашего, просто удивительно! Учится в школе МВД, женат, 19 апреля у него родился сын. Я как увидела фотографию вашего сына и прочитала о нем, у

меня аж сердце зашлось. Гляжу на фотографию вашего сына и плачу. Что же это такое творится! Сколько полегло наших ребятшек в «мирное» время! Кто виноват и кто ответит?

Таня ОКСАНЫЧ,
Оренбургская область, г. Орск».

* * *

«Мне всего лишь четырнадцать лет, а ему было двадцать четыре. Но эти десять лет ничего не значат. Его красивое лицо меня свело с ума. На меня напала грусть, я не могу забыть его лица. Я вырезала фотографию и статью. Если ваш сын совершил такой подвиг, который не каждый может совершить, то он достоин самой высокой награды. А Бог накажет тех, кто убил его.

Ангела СОКОТУХИНА,
Амурская область, п. Полярково».

* * *

«Добрый день, дорогие бабушка и дедушка! Пишут вам ученики I «Ж» класса и Татьяна Григорьевна из школы № 259 г. Киева.

Всем сердцем хотим разделить вашу скорбь. Понимаем, что никакие слова не помогут вашему горю, и низко кланяемся вам за то, что вы воспитали такого сына — честного, доброго, умного, справедливого. Мы хотим быть похожими на него.

С уважением Андросенко Наташа, Василенко Майя, Левченко Слава, Шевченко Аня, Кваша Алеша, Поцяпун Саша, Ропало Саша, Кулик Елена, Тофисто Наташа, Агапов Стас, Гармата Оксана, Ропало Наташа, Нусь Саша, Мацюк Сергей, Коломиец Володя, Хижняк Оксана.

* * *

Дорогие далекие люди! Целую ваши руки. Пусть земля будет пухом вашему сыночку. Пусть дарует вам Бог веры, терпения и сил выстоять перед лицом страшной беды.

ИВЖЕНКО Т. Г.,
учительница, 19 лет».

* * *
«Вот уже много дней только и думаем, и говорим про вашего сына. У нас сын тоже служит в армии. Мы так боимся за него. На их часть несколько раз нападали экстремисты, погибли пять молодых солдат. Как так можно! Гибнут лучшие сыны в мирное время! До каких пор?»

Статью про вашего сына — Героя прочитала всем на работе.

Антонина ТЮРНИНА,
Тюменская область, г. Сургут».

* * *
«Читала статью об Олеге и плакала навзрыд. Сколько несправедливости в жизни! Когда всякие гады сойдут с лица нашей земли? Очень сочувствую вам. У самой сын два года отслужил в армии. Как я переживала! Как только где что вспыхнет, так и думала, не послали ли туда Сашу.

А теперь племянник служит во Львове. У сестры моей был муж узбек, естественно, и племянник — узбек. Сестра умерла шесть лет назад. Теперь переживаю, чтобы его в армии не обидели. Ведь есть еще такое отношение к другим народностям — чуть что, так «чурка» и т. д. Съездила во Львов, убедилась, что часть хорошая, успокоилась. Взяла в выходной племянника Рафика и его друга Умида в увольнение. Мальчишки такие хорошие, вежливые, хвалят их в части. В городе встретили офицера из их части, коренной житель, украинец. Он три часа водил нас по городу. Многие увидели, спасибо ему. Я об этом почему пишу — чтобы вы не озлобились на весь белый свет, на народы, проживающие в Нагорном Карабахе. Не все там подлецы, убийцы. Очень много хороших людей. Я сама с Северного Кавказа, там много разных национальностей. Я давно поняла: есть две «нации» на свете — хорошие и плохие люди, других нет. Я сама наполовину украинка.

А статью о вашем сыне я буду бережно хранить вместе с портретом священника Александра Меня. Тоже ни за что ни про что взяли, да и убили человека. Сколько горя, сколько еще страданий на земле. Не замыкайтесь в своем горе, помогайте ближним и вам станет легче.

С уважением Любовь Ивановна,
г. Кишинев».

* * *
«Дорогие родители погибшего Олега! У родителей горе и скорбь. Но по чьей вине?»

Есть еще письма из Москвы и с Сахалина, из Казахстана и Эстонии, из Азербайджана и Узбекистана. В большинстве своем — добрые, сочувствующие, скорбящие. У кого-то в семье случилось горе — эти люди сопереживают с родителями Олега Бабака, предлагают поддержку и помощь. Многие справедливо возмущаются кровавым беспределом, продолжающимся в Закавказье четвертый год. Попалась и пара подметных, клеветнических писем из Еревана, где авторы немилосердно пытаются навязать убитым горем родителям Олега свою, армянскую версию трагических событий. Оставим ложь на их совести.

На могиле Героя Советского Союза лейтенанта Олега Бабака всегда будут принесенные добрыми людьми цветы...

Два народа испокон веку то дружно живут, вместе свадьбы справляют, то вместе советскую власть грабят, начинают счеты сводить. Так вот пусть сами и выясняют свои отношения, нечего вмешиваться в их дела. Оба хороши. Мужским полом республика перенаселена, а не нет, своих берегают, а русский иди в горячую точку. За что, за кого? Что за напасть: везде русский в бороне, а они — в стороне! И долго ли так будет продолжаться? Неужели русские не могут за себя постоять?

Без подписи.
г. Баку».

* * *
«Мне очень больно и обидно, что такой кошмар происходит в наше мирное время, и еще больше знать, что это происходит на моей родной земле, в моей республике. Ваш сын проявил героизм, защищая мирных жителей от расправы боевиков. Олегу было всего 24 года, он даже не успел насладиться радостями жизни.

Пусть все знают, сколько молодых жизней уносит эта беспощадная война. Неужели зло восторжествует над правдой? Нет, этого не случится, пока есть такие воины, каким был ваш сын. Вы должны гордиться своим сыном. Добрая память о нем навсегда останется в сердцах людей.

С уважением ТАГИЕВА Севиндж,
ученица 10 класса, г. Баку».

* * *
«Олег погиб за нас, за людей. Как мало в наше время тепла, мы обозлились друг на друга. Как жаль парней, погибших в мирное время.

Прошу положить от нас на могилу Олега красные тюльпаны — символ добра, красоты, мужества, такие же красные, как святая кровь Олега, погибшего за правое дело.

С уважением Ольга Сергеевна, Виктор Николаевич, Наташа и Виктория
БОНДАРЕВЫ,
г. Волгоград».

* * *
«Чем помочь вам, как развеять печаль? Если бы я знала. Высылаю вам семена цветов, которые привезла из Венгрии. Посадите на могилку — пусть цветут красиво в память о вашем красивом Олежке.

С уважением Лариса и Василий
СТЕЦЕНКО,
Луганская область, г. Красный Луч».

ЧТО ОЖИДАЕТ СОЮЗНОЕ МВД?

КАКИМИ БУДУТ ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА?..

На эти и другие вопросы журналистов отвечает
министр внутренних дел СССР
генерал-полковник
В. П. БАРАННИКОВ

Неудавшийся государственный переворот в корне изменил политическую ситуацию в стране. Еще вчера казавшиеся незыблемыми бастионы центральной власти вдруг стали рассыпаться, словно карточные домики. Демонтаж тоталитарных структур управления государством не обошел стороной и союзное МВД. Год назад тогдашний министр внутренних дел страны В. В. Бакатин предпринял (и безуспешно) попытку передать часть полномочий МВД СССР республиканским правоохранительным органам. Это вызвало большое недовольство у консервативно настроенной части парламентариев страны, и под давлением депутатской группы «Союз» он был отправлен М. С. Горбачевым в отставку. Сегодня же то, что казалось немыслимым до путча, становится реальностью. Суверенные государства — бывшие союзные республики не желают больше подчиняться центру. А значит, и МВД СССР должно стать совершенно иным. Этими словами новый министр внутренних дел генерал-полковник В. П. Баранников открыл встречу с представителями средств массовой информации, которая состоялась в Центре общественных связей МВД СССР вскоре после его вступления в должность.

Руководство министерства, заявил В. П. Баранников, ставит перед собой цель — на прочной правовой основе провести коренную реорганизацию МВД СССР. Такой громоздкий и неповоротливый аппарат, каким сегодня выглядит союзное министерство, не нужен. В ведении центра должны оставаться те службы, в которых заинтересованы республиканские МВД, поскольку республики будут теперь выступать по отношению к союзному министерству и заказчиками, и финансирующими органами. И мы станем выполнять только те функции, которые делегируют нам республики. Но предстоящее сокращение штатной чис-

ленности МВД не должно волновать профессионалов высокого класса: такие люди всегда нужны — они-то и составят основу министерства после его реорганизации.

Не следует также, сказал министр, отождествлять проводимую в системе МВД реконструкцию с ломкой в тем более с чисткой правоохранительных органов в связи с известными августовскими событиями. Не чистка нужна союзному МВД, а пересмотр всего действующего аппарата по структурам. В первую очередь, освобождаясь от балласта, мы будем укреплять оперативные службы по борьбе с преступностью. Не исключается также возможность объединения КГБ и МВД, что, впрочем, уже случилось в истории этих ведомств.

По глубокому убеждению В. П. Баранникова, пересмотру должно быть подвергнуто и ныне действующее уголовное законодательство. Нужны законы об оперативно-розыскной деятельности, о контроле над оружием, о борьбе с коррупцией и наркоманией и некоторые другие. Необходимо, считает министр, закрепить в союзном законодательстве и положение об освобождении от ответственности должностных лиц (военнослужащих) за невыполнение противозаконных приказов. Показателен в этом случае пример с образованием антиконституционного ГКЧП, в который тем не менее вошли представители высшей государственной власти, а также председатель КГБ, министры обороны и внутренних дел страны. И если для лиц гражданских учреждений выполнение или невыполнение решений данного комитета было лишь делом совести, то для людей, находящихся на военной службе, все обстояло гораздо сложнее. Как им можно было отказаться от выполнения, пусть и незаконных, приказов высших должностных лиц своих ведомств, если ни Конституция СССР, ни общевойсковые уставы таких действий не пре-

дусматривают? А в уголовном порядке к невыполнившим приказ, да еще в условиях чрезвычайного положения, могут быть приняты самые серьезные меры. Следовательно, в союзном законодательстве надо предусмотреть освобождение от ответственности за невыполнение преступных приказов.

В ряде республик создаются воинские подразделения, именующие себя национальной гвардией. Министр внутренних дел СССР назвал свое отношение к подобным формированиям неоднозначным: более того, по его словам, а ряде регионов страны комплектование вооруженных отрядов и вовсе нежелательно, так как может привести к очень серьезным последствиям. Самая главная опасность, которую включает в себе национальная гвардия, — это реальная возможность ее использования отдельными политическими силами или группировками против народа.

Что касается какой-либо партийной деятельности в правоохранительных органах и внутренних войсках, то ее, по мнению министра, следует полностью исключить и не допускать впредь. «У работников внутренних дел, — сказал В. П. Баранников, — должен быть один бог — Закон». А вот использование бывших политработников в воспитании трудных подростков — дело стоящее, считает Виктор Павлович, тем более, что эти офицеры имеют богатый опыт работы с людьми.

Немало проблем поднимает перед руководством МВД СССР и предстоящая реорганизация внутренних войск. Разбросанные практически по всей стране, они выполняют важные и ответственные государственные задачи. В настоящее время о солдатах с буквами «ВВ» на краповых погонах знают в основном по сообщениям из горячих точек, где они выступают своеобразным буфером, сдерживающим противоборствующие стороны в межнациональных конфликтах. Но ведь есть и внутренние войска, конвоирующие осужденных, охраняющие судебные процессы и исправительно-трудовые учреждения, особо важные объекты, и специальные моторизованные части милиции, охраняющие общественный порядок на улицах городов и других населенных пунктов. Все они пока подчинены центру, но уже в ближайшем будущем их целостность, по-видимому, нарушится. Связано это прежде всего с тем, что некоторые суверенные республики изъявили желание иметь собственные национальные внутренние войска и даже пытаются переподчинить себе те соединения и части, которые дислоцируются на их территории. Как быть в этой ситуации, какие части оставить под юрисдикцией центра, какие передать республикам?

Многое, видимо, в разрешении этого вопроса будет зависеть от того, каким будет Союзный договор между республика-

ми, но сегодня уже ясно одно, что в ведении центра должны быть войска оперативного реагирования, которые бы являлись своего рода «голубыми касками» ООН, только на территории нашей страны.

В связи с этим, как сообщил журналистам министр внутренних дел СССР, разработан и находится в стадии реализации концепция межреспубликанских оперативных частей. Эти воинские формирования будут подчиняться Президенту страны и применяться в исключительных случаях по решению Государственного Совета.

На вопрос чашего корреспондента, что ожидает конвойные и специальные моторизованные части милиции, В. П. Баранников ответил: следующее: «Будет проводиться поэтапный вывод войск из республик с обязательной их заменой местными национальными формированиями. Исправительно-трудовые учреждения нельзя оставлять без охраны. Литва и Латвия уже поставили перед нами вопрос о выводе с их территории конвойной дивизии. С министрами внутренних дел этих государств мы договорились, что как только их республиканские подразделения примут под охрану места лишения свободы, то части конвойной дивизии незамедлительно покинут пределы Прибалтики.

Подобное произойдет и со специальными моторизованными частями милиции. По желанию республик мы им эти части передадим. Республики будут комплектовать их национальными кадрами, содержать на полном обеспечении и нести ответственность за их применение.

Будут ли внутренние войска находиться в Нагорном Карабахе? «До тех пор, — сказал В. П. Баранников, — пока руководители Армении и Азербайджана не сядут за стол переговоров и политическими средствами не решат проблему НКАО, внутренние войска вынуждены будут находиться в этом регионе».

Несколько вопросов было задано министру внутренних дел по поводу действий (или, вернее сказать, бездействия) внутренних войск в дни путча. В частности, некоторых журналистов интересовало, чем занималась с 19 по 21 августа дивизия имени Дзержинского.

Как оказалось, на совещании, проводимом у заместителя председателя КГБ Грушко в первый день государственного переворота, командование войск категорически отказалось выводить части, в том числе и дивизию имени Дзержинского, из мест постоянной дислокации для выполнения задач, поставленных ГКЧП.

— Внутренние войска остались верны конституционному долгу и Президенту страны, и буквально на следующий день, — сказал министр внутренних дел СССР В. П. Баранников, — я выразил им за это свою признательность.

Отчет с брифинга подготовил
майор А. СИМОНОВ.

Читатель может подумать, что я отвлекаюсь от темы. Нет, сражение под Вязьмой прямо связано с тем, о чем я говорю. Иные исследователи нашей истории, обеляя предателей, очерняют истинных героев. Пример? Газета Академии наук СССР «Поиск» № 21, 17—23 мая 1991 года.

Академик Павел Волобуев рекомендует читателям статью кандидата исторических наук Николая Коренюка «Армия обреченных». Там есть такие «перлы»: «Не было бы Власова, нашелся бы другой генерал, согласившийся сотрудничать с немцами. Ведь помимо тех, кто перешел на сторону гитлеровцев (Малышкин, Трухин, Закутный, Благовещенский), свое желание пойти против Сталина высказывали на допросах в октябре 41-го года пленные генералы Егоров, Крупеников, Шаповалов, Ткаченко, Куликов, Зыбин, Алавердов, комкор Потапов, но они ставили определенные условия, а генерал-лейтенант, командующий 19-й армией М. Ф. Лукин, находясь в лагере, изложил немецкому командованию целую программу по созданию русского правительства и русской армии. Странно: после освобождения из плена в 1945 году Лукин был доставлен в Москву как герой, возглавил затем Советский комитет ветеранов войны».

Допустим, академик П. Волобуев не знает о судьбе генерала Михаила Федоровича Лукина — ему не до таких мелочей... Но кандидат наук Коренюк, прежде чем писать такое о Лукине, хотя бы поинтересовался архивными документами и протоколами допросов. Да не фашистских. Фашисты были мастерами фальсификаций. Узнал бы Коренюк о командующем 28-й армией генерале Качалове. Гитлеровцы разбрасывали листовки с воззванием к советским воинам сдаваться в плен, подписанным Качаловым. А его уже не было в живых, он погиб в танке во время прорыва из окружения.

«Лукин был доставлен в Москву как герой». Доставлен в Люберцы вместе с другими бывшими пленными генералами. Пять месяцев в Люберцах и два месяца в Голицыно — тщательная проверка. Да наши органы и так знали все о Лукине с начала плена, иначе репрессировали бы семью согласно приказу № 270. А дочь легендарного командарма Юлия получала в годы войны стипендию. И не возглавлял Лукин Советский комитет ветеранов войны. Неужели все это трудно было проверить двум ученым мужам, прежде чем строчить клевету на такого человека?

Посоветовал бы я Коренюку заглянуть в материалы судебного процесса над предателями-власовцами. Трухин на суде сказал:

«С Михаилом Федоровичем Лукиным я знаком примерно с 1925 года. Мне пришлось служить вместе с ним в Украинском округе. Затем Лукин был переведен в другой округ. Находясь в лагере Вустрау в качестве руководителя курсов восточного министерства, я узнал, что Лукин находится в Пинтенхорсте, и выехал к нему. При

встрече Лукин произвел на меня впечатление сильно истощенного и истрадавшегося человека. Я сообщил ему, что освобожден из плена и состою на службе у немцев. Лукин в ответ высказал свое враждебное отношение к немцам и уверенность в победе Красной Армии.

Позднее, когда я уже служил у Власова, мне стало известно, что Лукин за отказ перейти на сторону немцев переведен во французский лагерь военнопленных и содержится там на общих основаниях. Договорившись с немецкой администрацией о размещении Лукина в Дабендорфе, я с офицером-«добровольцем» послал Лукину письмо, в котором приглашал его приехать в Дабендорф. Лукин ответил мне на письмо, но в устной форме через офицера передал, что предпочитает оставаться в лагере военнопленных».

Да мало ли что еще можно сказать в защиту чести и достоинства генерала Лукина. Я в соавторстве с его дочерью Юлией Городецкой (Лукиной) опубликовал книгу «Командарм Лукин». Проверка фактов и документов была весьма основательной. Вот и перейдем к фактам.

Первые месяцы Великой Отечественной войны. Великие и трагические одновременные... В день двадцатилетия Победы Г. К. Жуков сказал о них: «Долго обходили это время молчанием. Начинали повествование только с контрнаступления под Москвой. А между тем все было решено уже в первые месяцы».

Одним из героев тех первых сражений был командующий 16-й, 20-й, а затем 19-й армиями генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин. Всего с одной дивизией и собранными из отступающих подразделениями под Шепетовкой он семь суток сдерживал значительно превосходящие силы врага. По словам Г. К. Жукова, выиграть тогда у врага семь суток — это, конечно, было подвигом...

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

В самые критические дни сражения командование всеми войсками, оборонявшими Смоленск, штаб Западного фронта поручил генералу Лукину. По опыту шепетовских боев генерал Лукин создал и здесь подвижные отряды, закрыл ими бреши.

Гитлеровцам не терпелось доложить фюреру о полном захвате Смоленска, и они поспешили доложить, что в Смоленске не осталось ни одного советского солдата. 24 июля, выступая по радио, Гитлер рекомендовал оспаривавшему это утверждение премьеру Черчиллю запросить командующего 16-й армией генерала Лукина, в чьих руках находится Смоленск. Бойцы Лукина дали свой ответ мощной атакой на южную часть города. И после этого бои в Смоленске продолжались еще две недели...

Когда группа Рокоссовского прорвала кольцо в районе Соловьевой переправы, Лукин вывел свои части из окружения. На переправе он был ранен в ногу, но продолжал руководить войсками с носилок. Позже маршал Василевский скажет: «А

разве могут быть забыты героические действия войск 16-й армии генерала М. Ф. Лукина в борьбе непосредственно за город Смоленск. Задержка наступления врага на главном—московском направлении явилась для нас крупным стратегическим успехом».

Враг усиленно готовился к наступлению на Москву. По плану операции «Тайфун» группа армий «Центр» должна была тремя мощными ударами танковых группировок из районов Духовщины, Рославля и Шостки расчлнить оборону советских войск в районе Вязьмы, охватить Москву с севера и юга и одновременным ударом с фронта захватить нашу столицу.

Командарм-19 Лукин (в сентябре он принял эту армию от генерала Конева, назначенного командующим войсками Западного фронта) ясно видел изъяны в построении линии нашей обороны, растянутость армии по фронту. Да и место для оборонительных рубежей было выбрано не совсем удачно. Западнее Днепра простиралась огромная долина, зади река с высокими берегами.

...Операция «Тайфун» началась 30 сентября ударом 2-й танковой группы Гудериана по Брянскому фронту в районе Шостки. А 2 октября рано утром враг нанес главный удар по Западному фронту севернее Ярцева. Между 19-й и 30-й армиями образовался разрыв шириной до 40 километров, куда устремились фашистские моторизованные части.

На четыре дивизии армии Лукина наступало двенадцать вражеских дивизий. На левом фланге армии к концу первого дня враг завяз в предполье, как и рассчитывал командарм. Но к 4 октября гитлеровцам все же удалось выйти к Днепру в районе Большева, форсировать реку и захватить плацдарм.

Армии Западного фронта оказались под

угрозой окружения. Об этом командующий фронтом доложил Сталину, но тот решения не принял. Тогда Конев доложил обстановку начальнику Генштаба маршалу Шапошникову. Конев просил разрешения отвести войска на Гжатский оборонительный рубеж. Однако ответа из Ставки в тот день так и не последовало.

И тогда Конев приказал вывести в район Вязьмы управление 16-й армии Рокоссовского, потребовал от Лукина снять с фронта 50-ю и 166-ю стрелковые дивизии и перебросить их туда же.

Такое указание крайне удивило Лукина. Он понимал и внутренне соглашался с решением Конева создать кулак южнее Вязьмы, не дать врагу замкнуть там клещи. Но неужели у командующего фронтом нет резервов, если он снимает с фронта дивизии, ослабляет и без того обескровленную армию? Почему Ставка не выделила из своих резервов войска в район Вязьмы? Или Ставка не знала о решении командующего Западным фронтом?

5 октября Лукин получил приказ Конева оторваться от противника и отойти к Днепру, где занимала оборону 32-я армия Резервного фронта.

6 октября дивизии Лукина подошли к Днепру. Здесь командарм узнал, что севернее противник с ходу прорвал фронт 32-й армии. 7 октября враг вышел к Вязьме с севера и юго-востока. В окружение попали 19, 20, 24, 32-я армии и группа генерала Болдина...

ПОКА ДЕРЖАЛ ОРУЖИЕ

Военный совет фронта подчинил все эти войска командарму Лукину и приказал организовать их прорыв из окружения.



На снимке: Г. К. Жуков, М. Ф. Лукин, Б. К. Рокоссовский, И. С. Конев.

514

И Лукин предложил начать прорыв 11 октября в полосе севернее и южнее села Богородицкое.

Вместе с членом Военного совета Ваневым командарм выехал к месту прорыва, чтобы лично руководить операцией. Трудно было узнать Лукина, когда ему доложили, что 2-я и часть 91-й стрелковой дивизии ушли вперед, не сдержав фланги прорыва, не расширив коридор для вывода остальных частей и соединений. Противник, быстро опомнившись от удара и осветив местность сотнями ракет, открыл по выходящим колоннам мощнейший огонь. На участке прорыва все перемешалось: люди, машины, лошади. Управление выходом было потеряно, немцы вновь замкнули кольцо окружения...

Весь день 12 октября продолжались бои. Наши части на реке Бебря пытались вновь прорвать кольцо окружения, а немцы предпринимали усилия окончательно рассечь и задушить окруженных. В бой вступили артиллеристы, оставшиеся без снарядов, танкисты, потерявшие в боях машины. Это значительно усилило возможность противостоять наступающему врагу, и в течение дня немцам удалось продвинуться лишь на 2—3 километра.

13 октября войска армии разделились на две группы: одну возглавил Лукин, другую — Болдин. Прошла еще ночь. Враг не разжал свои тиски. Весь день не утихала перестрелка, но это уже вели бои отдельные разобщенные подразделения.

С небольшой группой красноармейцев и командиров командарм шел по густому сумрачному лесу, с трудом продираясь сквозь кустарник, минуя просеки и тропинки. Он тяжело опирался на крепкую сучковатую палку. Неожиданно раздался выстрел. Гитлеровцы словно ждали советских бойцов в этом месте. Открыли огонь орудия, минометы, пулеметы. Упал, сраженный пулей, член Военного совета Ванев. Осколком мины Лукину обожгло правую руку. От резкой боли потерял сознание. А когда очнулся, вокруг никого не было. Кровь хлестала из раны. Лукин попытался подняться, но сил не оказалось. Вдруг он услышал звонкий девичий голос:

— Что с вами, товарищ генерал? Вы ранены?

Над Лукиным склонились две девичьи головки в солдатских пилотках. Санитаркам было лет по восемнадцать. Они перетянули рану и остановили кровь. Идти Лукин не мог. От большой потери крови кружилась голова. Девушки уложили его на плащ-палатку и потащили.

В овраге разорвалась мина, и Лукина ранило снова — в правую ногу. Едва выбрались из оврага, опять попадание, да еще в ту же ногу. Вражеские осколки словно искали Лукина.

Вскоре подошла группа Болдина. Теперь с Лукиным, кроме Болдина, были командующий «автобронетанковым» войсками фронта генерал-майор Мостовенко, заместитель командующего армией по тылу

генерал-майор Андреев, начальник штаба комбриг Малышкин.

В лесу неподалеку от станции Семлезо решили сделать привал. Едва бойцы развели костры, как ударили минометы. Лукин, собрав последние силы, бросился в чащу леса, но навстречу вышли немецкие автоматчики. Пуля ударила в правую ногу и раздробила коленную чашечку. Лукин потерял сознание...

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

До завершения войны Лукин находился в гитлеровском плену. Вел он себя мужественно, стойко. Несмотря на увечья (ему ампутировали правую ногу, не действовала правая рука), гитлеровское командование настоятельно предлагало Лукину возглавить русскую освободительную армию, считая его имя более авторитетным, чем имя предателя Власова. И сам Власов уговаривал Лукина подписать «Воззвание к русскому народу», принять командование РОА. Ни уговоры, ни издевательства не помогли фашистам склонить генерала к измене Родине. Потому Лукина первого из всей группы генералов, бывших в плену, восстановили в звании и в рядах партии.

В 1956 году создается Советский комитет ветеранов войны. Лукин избран членом ревизионной комиссии и председателем секции инвалидов.

...Ни в Смоленске, ни под Вязьмой, ни в Москве нет памятника командарму Лукину. Еще при жизни Михаила Федоровича Маршала Советского Союза Тимошенко, Рокоссовский, Конев, Еременко и генерал армии Курочкин писали письмо Л. И. Брежневу. Были там такие строки: «Убедительно просим вас поддержать наше ходатайство о присвоении генерал-лейтенанту в отставке Лукину Михаилу Федоровичу звания Героя Советского Союза».

...Мы считаем, что присвоение генерал-лейтенанту в отставке Лукину высокого звания Героя Советского Союза является справедливым признанием и оценкой его больших заслуг перед нашим государством, партией и народом».

Был тот же месяц май. Страна только что отпраздновала 25-летие Победы. В московских скверах буйствовала весна, начинала цвести сирень. На подступах к Новодевичьему кладбищу собрались толпы людей. Вдоль дороги, ближе к тротуарам, выстроились инвалидные коляски, «Запорозжцы» с ручным управлением.

Гроб с телом Лукина вынесли из автобуса и на руках понесли через кладбищенские ворота. Неожиданно скорбную тишину взорвали автомобильные сирены. Не предусмотренные траурным ритуалом гудки набирали силу, сливались в один мощный тревожный гул. Этот гул разносился над Москвой-рекой и плыл выше, к Ленинским горам. Так прощались ветераны войны со своим командармом. Так прощался народ со своим Героем.

Виктор МУРАТОВ,



Геннадий КАСМИНИН



Геннадий КАСМИНИН родился в послевоенном со-рок восьмом году в селе Казачка Саратовской облас-ти. После школы работал, служил во внутренних войсках. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького, автор шести поэтических книг, член Союза писателей СССР. Живет в подмосковном городе Реу-тово.

ЕСТЬ ВОПРОСЫ...

* * *
Временами — с именами,
Временами — без имен
Падал в слякоть рядом с нами
Шелк изношенных знамен.

И не то еще бывало...
Но рывком и на века
Знамя снова поднимала
Пролетарская рука.

Груды птичьего помета
С той поры упали в след,
И знамен не видно что-то,
И портретов тоже нет.

Есть общага, место, койка,
Есть куда надежно сесть,
Денег нет, а перестройка,
Говорят, повсюду есть.

Так чего ж народы ищут
В слепоте который год?
Соловей в лесу не свищет,
В поле птаха не поет,

Только звякает защелка
На воротах вглубь времен,
Вырывая клочья шелка
Из оплеванных знамен...

* * *
...И составы падают с откосов,
И народы заняты войной...
Траурные головы вопросов
Низко наклонились надо мной.

Тень моя, как стрелка часовая,
На закат указывает дню,
Музыка стихает плясовая, —
Знаки восклицанья хороню.

Скажем, после слов — успех, удача,
Дружба меж соседей, тишина...
Есть вопросы, значит, есть задача,
Лишь бы не гражданская война.

В будущее вглядываюсь снова
С траурным вопросом на лице...
Нет причин для радостного слова,
Нет и восклицания в конце.

ОЛИМП

Давно мыслители солгали
И для мечты солгут опять,
А люди гимны им слагали
И шли за ними — умирать.
И скука скушная с тобой мне
О благе спорить, человек,
Пути не видящий без бойни,
Без жертв, без крови, без калек;
Обычной медленной дороги
Среди польни и олив,
Которой шли с улыбкой боги,
Взбираясь в гору — на Олимп.
Нет никакого укорота
Творцам прекрасных наших дней...
Не ломит истина ворота,
Они открыты перед ней.

СВЕТЛЯЧОК

От друга в летний вечер выйдем
Мы — сумрачных фигуры две —
И на руках детеныш виден,
Как светлячок в ночной траве.

Теплынь и нам навеет дрему,
Пойдем помедленней, жена.
Без светлячка дорога к дому
Была бы не освещена.

Хотя и так всю ночь зеленый
Провинциальный полумрак
Идет вздыхающим гуленой
За нами следом кое-как...

ВЫХОД

Мужик с медалью «За победу»
Лежит на лавке в горсаду...
Приподнимаю тяжесть эту,
И обнимаю, и веду.
Пока мы вместе ищем выход,
Мужик опять слетает с ног
И хочет выругаться: «Вы вот...»
И просит: «Подними, сынок!»
Отец, вставай!
Дорога — та же,
Найдется выход, будет свет,
Хотя сбивает с ног поклажа
И поражений, и побед...

* * *

Снежинка вернулась в Россию,
В озимое поле вросла,
И тут же ее попросили
Растаять седьмого числа.

Я думаю, сколько веселых
К отлету готовится птиц
И сколько останется в селах,
На улицах мрачных столиц?

Одни воробьи на мякине,
Вороны летают одни,
А ласточки сгнули ныне,
Пропали за морем они.

Всегда возвращаются птицы,
Вернутся и те, кто рожден
На тополе в Туле гнездиться,
Кружить под рязанским дождем.

А прочие... Впрочем, какое
Мне дело, ведь я — домосед...
И не помашу им рукою,
И не оглянусь им вослед.

* * *

Очухаюсь от гнева и печали,
От разрешенной смелости речей,
Не стану ни локтями, ни плечами
Подталкивать медлительный ручей.
Пойду за ним, поверю и доверюсь
Забывчивости, звонкой чистоте...
В тюрьме свободы

пусть бунтует ересь,
Проходят дни, они уже не те.
В чечетке сердца,

в бешеном порыве,
В обычной торопливости людской
Не стало места ни ручью, ни иве,
Ни мостику с единственной доской.
Опять за кровью выстроились

массы,
Опять явились мудрые вожди,
Опять лицо распалось на гримасы,
Воспетой силы, яростной вражды.
Возьму себе осмеянное право
Кулак расправить в теплую ладонь.
Веди, ручей, налево иль направо,
Учи меня течению... Долдонь!



Старший прапорщик
Анатолий ВОЙНАКОВ

Постоянные читатели нашего журнала наверняка вспомнят если не самого Анатолия Войнакова, то героя его рассказов Николая Денисова (1990, № 2). Кроме всех лучших качеств воина прапорщик Денисов еще и просто интересный человек.

То же можно сказать об авторе. Много лет, включая и срочную службу, он сам участвовал в операциях по розыску преступников. Сейчас — старшина роты. Писать начал недавно, но рассказы его — отнюдь не робкие попытки новичка — так отмечали руководители VII семинара литераторов внутренних войск, участником которого был А. Войнаков.



РАССКАЗ



○ **СУЖДЕННЫХ** сначала вели по поселку, потом — по широкой просеке, которую они же и проложили, а теперь возводили здесь объект. Строили караульное помещение, вышки для часовых, корпус будущей пилорамы.

Сержант Малышев всю дорогу поглядывал, недовольно хмурясь, на Микитенко. Трудно ему с этим подчиненным. Тот уже считал дни до дембеля и хоть явно не стариковал, но младших командиров снисходительно называл по именам, в столовую норовил пройти вне строя и даже на службе вел себя порой на грани фола. Вот и сейчас: вышагивает рядом с осужденным, чуть ли не по плечу того похлопывает, толкует с ним о чем-то. А сердитые взгляды Малышева будто не видит. Нет, надо на место Микитенко ставить, решает сержант, но тотчас задает себе до противности трудный вопрос: а как?

Пришли. Малышев расставляет часовых — двое на дальний пост, что в конце просеки, трое и сам он здесь, где будет вестись основная работа. Солдаты заняты привычным

делом: собирают дрова на костер. Микитенко и тут выделяется: расселся на чурке, расстенулся до пуга, загорает.

— О чем это ты с осужденным толковал, Микитенко?

— О жизни, Гриша. Толковый зек, между прочим. Обещал мне дембельский альбом оформить, и всего за две пачки чаю. Ты поймей его в виду, когда срок придет. Пахомом его зовут. Ему еще четыре года у нас торчать, так что...

Хам, однако, Микитенко, о связях с осужденными так запросто говорит, что не придумает, чем и крыть.

— Ты кончай это. Доиграешься, что или в дисбат, или на тот свет попадешь. Зеки — они народ такой.

Микитенко весело прищурил глаз:

— Не надо меня учить, Гриша, я два года с ними, понимаю кое-что. Обычные люди, потолковой некоторых из нас бывают. Тот же Пахом: сел за то, что любовника жены калекой сделал. А ты бы стерпел, если б был женат и к твоей половине кто повадился, а?

— Он тебе еще и не то мог бы рассказать, — сказал сержант. — Их послушать — никто не виновен, все сели по недоразумению. Завязывай с ним, Микитенко, а то...

— А то что, командиру донесешь? Так ты же вроде не способен на это, Гриша. Ты вроде ничего сержант.

Ну что на это ответить? Вздыхает Малышев, идет проверять дальний пост.

* * *

* * *

К ПРИХОДУ Николая Ольга пирогов напекла, курицу в фольге приговонила, грибы открыла и в салатницу выложила. Двадцать шесть лет сегодня мужу. Какой это возраст? На службе его, как это ни смешно, чуть ли не стариком считают. На февральские праздники в роту полковник приехал, вручил мужу ценный подарок. Я, говорит, столько о вас слышал, что, думал, сегодого мудрого человека увижу, а наш профессор розыска, оказывается, вот какой!

Вот такой! Двадцать шесть. На службе и одногодки его порой по имени-отчеству величают, а дома — дома никакой серьезности и солидности. Впрочем, это хорошо. Когда в доме смех и радость — хороший, значит, дом.

Калитка стукнула, знакомые шаги под окном. Сейчас войдет, пироги увидит — про все на свете забудет.

Вошел. Пирогов не увидел. Подхватил Ольгу, закружил ее по комнате и забыл про все на свете...

Ну как, скажите, не любить такого?! Ночь не спал, и не просто бодрствовал, а в карауле был. Другой на его месте на солдат бы сейчас жаловался, на начальство — это пока сапоги стягивал, — а стянул бы и сразу бан-баньки...

— Оленька, я тебе сейчас что-то важное скажу.

— Случилось чего?

— Ага. Я люблю тебя, Оленька.

— Вот сумасшедший. Отпусти меня и садись пироги есть.

— Потом пироги, потом...

Потом он действительно садится за пирог. За свой любимый: с картошкой ломтиками и строганым мясом, огромный, килограмма на три. Уминает его за обе щеки, пять минут — и нету ничего на блюде.

— Не распробовал. Впрочем, по-моему, ничего. Эх, еще бы один такой!

— Ко-ля... — деланно изумляется она.

— Ежели б не надел форму, в пекари бы пошел. Организовал бы с тобой частную лавочку по производству пирогов с мясом и картошкой, и закупали б их и Москва, и Париж. Людям ведь чего по сути надо, а, Оль?

— Чего?

— Как и всему живому — что лебеду, что соколу — питаться! Хорошее питание — и рост нормальный, и башка варит.

— Так увольняйся, беги в хозгаз за сковородами, пока есть. На ночь и опару поставим.

Николай молчит так, будто всерьез раздумывает над словами жены. Потом говорит уже без ноток иронии, с некоторой даже грустью:

— Так и в форме ж я нужен, Оля. Оберегать и кормить — это по значимости одно и то же... Ладно, давай я сейчас воды натаскаю, в базу управлюсь, а потом подремлю чуток.

О СУЖДЕННЫЙ Пахомов в небольшой деревянной будочке гнет из жести трубу для печки-буржуйки. Гнет и зло смотрит на свои, в садинах, руки. Еще три года назад они его исплохо кормили, тогда были гибкими, чувствительными и не клянку держали, а кисти. Писал Пахомов иконы под старину, сбывать было куда. А потом клиентам захотелось не подделки, а настоящую старину иметь, и деньги за это сулили немалые. Пришлось отмычками учиться пользоваться, чтоб церкви по ночам чистить. Дело настолько выгодным оказалось, что поехал Пахомов с двумя напарниками в длительную командировку по северным селам. Попадались там ничего иконки, хоть и недешево доставались. Не в плане денег: старух, стариков из-за них крушить приходилось. Поначало страшно было, да и жутко: вроде как ни за что по головам хилым лупить. Но когда первую партию добра продал и Пахомов смог сразу машину купить, все сомнения пропали: игра стоит свеч. Старики один черт на ладан дышат, может даже, они и обуза кому...

Не на этом попался Пахомов. При дележе второй выручки не паншла тронца обшего языка, ну и схватились за ножи.

Вернуть бы все вспять... Нет, промысел не бросил бы, но действовал бы умнее.

Есть газовые баллончики, шприцы...

Четыре года еще до лучших времен. Четыре. Но если подвернется удачный случай... Уйдет и затеряется Пахомов. Домой ему незачем возвращаться, если родная мать на суде крикнула: «Лучше б я тебя не рожала, ирод!» И это она еще не знала всего... Незачем возвращаться. Свое дело в любом уголке может открыть Пахомов, благо, опыт есть. А раздобудет кучу денег — тогда и в Москве ему никто страшнее не будет, от любого откупится.

Уйти бы только.

— Пахом, ты здесь?

Краснопогонник, пшина вонючая, опять пришел об альбоме договариваться.

— А где же мне быть, начальник.

— Слышь, а тебе что, действительно из-за драки столько лет дали?

— Ни за что, — качает головой Пахомов. — Да тут, начальник, вообще половину зеков выпустить надо, ни за что ни про что многих сажают. И в газетах вон об этом пишут.

— Что с альбомом, Пахом?

— Сделал кое-что. Вот, на чурке в углу лежит.

Солдат наклонился, затылок его как раз под правой рукой Пахомова, а в руке той — княжка тяжелая. Знакомое дело...

Обмякшее тело солдата он потащил в угол, стал прикрывать его кусками жести, поленьями. Управился, схватил автомат, второй магазин вытащил из подсумка, пришлось опять жечь разбрасывать. И тут — дверь скрипнула. Чудом не бабахнул в ее сторону Пахомов. Нет, не солдат там, слава богу — тоже зек. Голубь, стоит, глаза туда пялит, где хозяин дембельского альбома покоится.

— А я видел, Пахом, все видел. Бери меня с собой, я тайгу знаю.

Не больно хотелось Пахомову компаньона в таких условиях, одному уйти тише можно, но, во-первых, не бить же и этого, а во-вторых, тайга для него действительно страшновата, не знает он тайги.

Показалось, или действительно жечь над солдатом чуть шевельнулась?

— Голубь, вон долото на верстаке, бери. Мочи этого, если со мной хочешь.

Голубь побелел:

— Ты чего, Пахом? Он же и так готовый.

— Мочи. Или чистым хочешь остаться? Мне чистый ты не нужен.

Голубь взял долото, прошептал, себя уговаривая:

— Он же все равно...

Шагнул туда, где лежал солдат...

— Вот так. А теперь, птица мира, ступай к костерику, где сержант с другими ментами сидит, травани чм парв анекдотов, сделай так, чтоб они тебе в рот смотрели, а я сзади подойду. Тебе зедь тоже оружие нужно? И будем знать, что в спину никто не стрельнет, по крайней мере, сейчас.

Автоматы караул сложил возле радиостанции, метрах в семи от костра. Вроде и

близко, а и прыжком не одолеть это расстояние, если смотришь тебе в переносицу дуло. Сержант Малышев все же рванулся к оружию, но прямо в лицо, в рот угодил ему долотом Голубь. Кровь и в глотку, и заруку хлынула. Упал, но опять вскочил, туда, к беспечно брошенным автоматам. Теперь уже в висок удар, и хочется, да не получается встать второй раз.

— Ложись, суки, менты поганые! — это Голубь завизжал, а Пахом только стволom чуть-чуть водит, сквозь зубы цедит:

— Кто дернется — пришью.

Из вагончика-временки зеки выскочили, стали толпой, наблюдают за тем, что происходит.

— Кто с нами? Два ствола свободны, — так же тихо говорит Пахомов, но люди молчат.

— Вы двое, — говорит Пахом ближним к нему, — свяжите солдат, и в темле, а то и вас пришью. Голубь, забирай оружие, ломай радиостанцию, — и опять к тем двоим, которые солдат связывают. — С нами пойдете. Только сначала берите лом и кроите башки этим краснопогонникам.

— Хренушки тебе, Пахом, — один из зеков, молодой худощавый парень, затянув узел на ногах одного из солдат, встает с колен, без страха смотрит на бывшего художника. — Я на мокрое дело не пойду.

— Пойдешь, пойдешь как миленький, — палец Пахома ложится на спусковой крючок.

И тут из толпы выходит пожилой мужик, складывает на груди руки:

— Кончай беспредел, Пахом. Уходишь — уходи, но солдат мы тебе убить не дадим.

Пахом, похоже, стусевался под взглядом мужика, хоть виду и не подает:

— Я не сам уйду, со мной Голубь и эти двое, Смирнов и белорус... Шостак, да? Будет не по-моему — всех положу, патронов хватит.

Мужик опять вроде не боится:

— Стреляй, поселок недалеко, оттуда и с дальнего поста солдаты прибегут быстрее, чем думаешь. Слабо, да? А Шостак и Смирнов — что ж, пусть идут. Но если ты с ними расправиться захочешь — перед зоной ответ держать будешь. Розыскники тебя, может, и не найдут, но мы — найдем.

* * *

КОЛЯ!

— **К** Денисов приподнял от подушки голову, непонимающе посмотрел на Ольгу:

— Что, Оленька, утро уже?

— День еще, Коля. Прибежали за тобой. Удин срочно вызывает.

...Командир роты капитан Удин объяснил все быстро и толково. Убит солдат, захвачено четыре автомата, четверо же осужденных ушли в тайгу. Надо получить оружие, взять побольше патронов и с группой в семь молодых — по следам.

Дик взял след намертво, шел уверенно, не сбиваясь. Первый передых группа сделала часа через полтора.

Сержант Магомадов, отдуваясь от бега, сказал:

— Дик умница у вас, товарищ прапорщик. Но мы бы пока и без него их следы не потеряли. Грязно идут.

— Грязно, — согласился Денисов. — Траву мнут, ветки ломают. Из четверых трое — люди степные, по тайге не хаживали. Вот только Голубь... Но как знать, может, и он голову от страха потерял?

* * *

НЕ ПОТЕРЯЛ Голубь от страха голову. Сам же он при беге веточки на кустах и надламывал. Это Пахомов заметил:

— Ты что, гад?..

— Не суйся, после мне же спасибо скажешь, — шепотом ответил Голубь.

Стемпело, когда они к лесной речке выскочили.

— Налезо пойдем, — сказал Голубь. — Но не все сразу. Смирнов и Шостак — первыми, а мы малость покараулим: вдруг хвост близко. А вы, Смирнов, привал сделаете не раньше, чем через час. Там и встретимся. Бегите.

Минут через десять после того, как исчезли среди деревьев Смирнов и Шостак, Голубь повернулся к Пахомову:

— А нам, если нет возражений, в другую сторону надо подаваться. И не по лесу, а по воде. Да так, чтоб ни одного камешка не зацепить, ни одну ветку не задеть, когда опять посуху пойдем.

— Ну голова у тебя, Голубь.

— А ты что, не затем еще двоих в нашу компанию пригласил?

— Не затем. Думал, отстреливаться легче будет. Или вместо заложников. А затем ты ветки ломал, можешь сказать?

— Чтоб следопыты подумали, что мы профаны. Что если даже не наследить не можем, то уж точно — ни на какую хитрость не способны.

* * *

ВСУМЕРКИ уже группа вышла к лесной речке. Бывал здесь Николай: по осени на том берегу, в заболоченных местах, клюкву с Олей собирали...

— Товарищ прапорщик, может, передохнем минутой? Беляков ногу растер, — сержант Магомадов показал глазами на солдата, замыкающего их семерку.

Беляков — последнего призыва, парень рослый, крутой в плечах, скорый на шаг, да на ж тебе — не научили его портянки наматывать. Виновата смотрит на прапорщика Беляков, и напрасно: не его, солдата, вина. Не научили...

Денисов смотрит по сторонам, срывает аккуратно, стебелек к стебельку, одному ему ведомую травку:

— Пожуй, Беляков, чтоб кашка была, и к ранке приложи. А наверх — лейкопластырь, сейчас я его тебе выну. Ты чего же, до армии никогда в сапогах не ходил?

— Нет, товарищ прапорщик.

— Не беда. Научишься. Портянки — такое дело, что и на гражданке пригодятся. Не беда.

Дважды про беду повторил. А про себя отметил: вот когда Белякову в человека стрелять придется — тогда беда действительно будет. В мишени-то он лупить умеет, стрелок отличный, но одно дело мишени, а другое...

— Отдышались? Тогда послушайте внимательно. Против нас — четыре ствола. Двое из зевов убили Микитенко, понятно, что сейчас они будут драться до последнего. Голубев и Пахомов. По ориентировке, Голубев высокий, плотный, острижен наголо, левое плечо чуть выше правого. Сел за то, что, браконьерствуя, открыл огонь по егерям, ранил одного из них. Ему около сорока лет. Дальше: Пахомов. Высокий, худощавый, немного сутулый, волос светлый, двадцать шесть лет. Дальше: Смирнов. Высокий, худощавый, двадцать один год, без особых примет. Дальше: Шостак. Ниже среднего роста, плотный, волос светлый, тридцать четыре года, выглядит значительно старше. Шостак и Смирнов, вполне возможно, заложники у тех, кто убивал Микитенку.

Помолчали. И тогда сержант Магомадов спросил:

— Значит, в них не стрелять, товарищ прапорщик?

Руслан Магомадов. Денисов вспомнил, как полгода назад в роту приезжал отец сержанта, столяр из Дагестана, человек смешливый и очень контактный. Перед ротой выступал. «Вы тут научите Руслана хотя бы кур рубить, он крови боялся, топор в руки дома не брал, чтоб пугуха порешить». У Руслана десять братьев и сестер, он из детей старший. Служит полтора года, при нем это первый побег, оружие на поражение, естественно, не применял никогда. «В них не стрелять?..»

Вместо ответа Денисов махнул рукой: мол, идем.

Дик со следа не сбился ни разу, и все же здесь, у реки, кто-то из бежавших мог по воде уйти в противоположную сторону. Было такое уже в практике у Денисова, и тогда он пошел не за тем, кто ломился в открытую, а за тем, кто хитрил. Хитрый — опасней.

Но ныне, в наступающую ночь, сложно отыскать доказательство того, что четверка разделилась. И потом, он знал, что идет быстрее беглецов и вот-вот их настигнет. Пусть не всех. Пока. Но дробить группу, когда преследуемые вооружены и когда их столько, просто нет целесообразности, и потом, это же просто предположение, что беглецы разделились...

СМИРНОВ, а зачем они нам дали автоматы, а? Патроны отобрали, а автоматы дали?

Шостаk сидел на берегу речки и тревожно смотрел в ту сторону, откуда он двигался. Очень уж долго не было Пахома и Голубя. Не бросили ли их посреди тайги? С одной стороны, это вроде и к лучшему — существовать без этих мордovorотов, а с другой, тайга есть тайга, и можно загнуться в ней не за понюх табаку. Такого страшного конца Шостаk не заслужил. Да, не совсем праведно жил, грабил квартиры, где были «видики», золото, меха. Но не подыхать же из-за этого! Если б не боязнь столкнуться с Пахомом и Голубем, по своим же следам побежал бы обратно в зону. Но шлепнут его те, кто в «командировку» потащил. Да и неизвестно, как Смирнов к этой его задумке относится. Молчит всю дорогу.

— Смирнов, чего молчишь, а?

— А чего говорить? Тяжело им было четыре ствола переть, вот и дал нам.

— А зачем? Они же могли их выкинуть.

— Оружие сейчас в цене.

— Ты что, Смирнов? Думаешь, они бы захотели засветиться? Им на дно задло упасть и лежать — не пикать. Нет, тут что-то другое. И нет их чего-то долго.

Смирнов долгим взглядом тоже посмотрел туда, откуда ожидался приход Пахома и Голубя. Потом вскопчил на ноги, взял автомат и, ни слова не говоря, шагнул в гущу деревьев. Все произошло так быстро, что Шостаk не успел ничего предпринять. Слишком запоздало, уже никому, сказал он:

— И я с тобой, слышь? Не бросай, я один не выйду, не бросай.

При свете луны пугающе черно выглядели сосны, меж которыми исчез Смирнов.

Шостаk, держа автомат в руках скорее как дубинку, а не как оружие, пошел вдоль речки туда, откуда он пришел. Пошел сначала тихо, пугаясь шелеста сухой травы под своими же ногами, потом ускори́л шаг и вскоре почти бежал, подгоняемый жутким страхом, который вызывала у него ночная тайга.

* * *

ДЕНИСОВ подал условный знак, и группа замерла. Кто-то торопился навстречу им. Не лось, не кабан, это Николай определил быстро. Бежал человек, и это было загадкой: зачем бежит, к кому или от кого? И какую встречу готовить ночному визитеру? Не завяжется ли бой? Если завяжется, как проявят себя в нем солдаты?

Почти рядом с Денисовым стоит, прижавшись к стволу дерева, рядовой Хахалев. Ему домой скоро, но только перед грядущим дембелем он и остепенился. А так — единственным из роты дважды на «губе» сидел. Один раз за драку, второй — за самоволку. И ведь в принципе парень хороший, до беззастенчивого горд, но

кто сказал, что это плохое качество? Вот выдержка изменяет — это да, минус.

Возле Хахалева, чуть правее, замер Боря Икрамов, Мухач — кличка. И потому, что он как борец в легчайшем весе за часть выступает, и потому, что вот похож на муху — и все.

Дик заворочался, словно проверяя упругость задних лап. Почти рядом тот, кто бежит вдоль речки на группу. Денисов судорожно глубоко вдыхает и делает короткий сильный выдох. Страшновато все-таки ему. Теоретически все семеро работают неплохо, он же не раз проводил с ними занятия, но одно дело преследовать парня со своего же или соседнего отделения, и другое — когда на тебя с оружием идет как раз, может быть, тот, которому нечего терять в этой жизни.

Метрах в семь впереди Денисова — небольшая поляна, кое-что при луне здесь можно рассмотреть. Правда, при условии, если это «кое-что» хоть пару секунд постойт на месте, а не преодолет поляну одним махом и не столкнется лбом с розысником. Пора!

Николай громко ухает филином, и звук этот так неожидан для человека, выскокившего на середину поляны, что тот сдавленно вскрикивает и замирает.

Ниже среднего, этаким поленьки́й коротышка. Шостаk.

— Стой, оружие на землю.

Шостаk пришел в себя, автомат, понятное дело, бросил под ноги, истерически похихикивает:

— Это я, гражданин начальник, я это! Я к вам бежал. Сам. А автомат — он пустой, без патронов. У меня и у Смирнова.

Денисов мельком осматривает свою группу. Все в норме, кроме родового Ломовца: тот по-прежнему держит Шостака на прицеле и не убирает палец со спускового крючка. Ломовец. Прослужил год, ничем особым не выдвинулся. Отец у него алкаш, мать лупил, парню, надо полагать, тоже доставалось. Ломовец, кстати, уже подходил к Денисову с вопросом, как прапорщиком стать. Не хочет домой возвращаться, отца продолжает бояться. Вот причина, чтоб в армии остаться.

— Ломовец, подберите автомат Шостака. А ты, Шостаk, рассказывай, где остальные.

* * *

СВЯЗЬ с полком была скверной, но начальник штаба информацию Денисова принял, а сам Николай со слов подполковника понял главное: как можно быстрее надо задерживать Смирнова. Сидел он по делу об ограблении банка. Вполне заслуженно сидел, но, как установили сейчас оперативники, взял во время суда на себя и чужую вину. Прикрыл кого-то, чтоб те о семье его позаботились, то бишь, о матери и сестре. Из обещанных за это пять тысяч ни рубля семья не получила. «Выйду — рассчитаюсь, — сказал Смирнов одному из своих корешей по зоне. — С

прошлым завяжу, но за то, что так меня обманули, — они пожалеют».

— Шостак, а у Смирнова точно автомат пустой, без патронов?

Шостак, оьяненный радостью от того, что кошмарная ночь для него закончена, затряс было головой, но потом сказал уже менее решительно:

— Нам дали пустые магазины. Но когда мы зчетвером к речке подошли, передыхали там... Смирнов магазин отсоединил, на ладони его как подбрасывал... А рядом снаряженный магазин лежал, Голубя, сам Голубь в кусты отскочил... Может, и поменял, а, гражданин начальник?

— Ты, выходит, меня об этом спрашиваешь?

— Я... не уверен... Во всяком случае, он мог и заменить магазины. Иначе зачем ему было с автоматом от меня уходить?

Смирнов и Шостак расстались минут двадцать назад. Всего ничего. Брать его надо немедленно Сержанта Магомадова, Ломовца и Белякова оставить с Шостаком, а остальные пойдут с ним. Хахалев, Икрамов, связист ефрейтор Иванчицкий и Коля Бородин. Тезка. Солдат, на котором держится весь ротный тыл. И оконные рамы делать умеет, и краны чинить, и стекло резать, и свиней кастрировать. Толковый следопыт. Вот кому бы Денисов предложил остаться в розысниках. И даже предлагал уже. Но Бородин ответил честно:

— Нет, товарищ прапорщик, сейчас время такое, что я на гражданке не пропаду. Сначала в мебельный кооператив пойду, потом свое дело открою. А чего, руки есть, голова варит. Батя вон всю жизнь механиком на молокозаводе проработал, а только на мотоцикл денег и собрал. Я ему через два года «Жигули» куплю. А если останусь служить, и через десять лет ничего не накоплю

Честно тезка ответил. В точку. Он вообще во всем честен. «Бородин, а мог бы ты в человека стрелять?» — это его Денисов давно, с месяц назад спросил, на занятиях по спецподготовке. «У меня дед две войны прошел, убивал», — немного подумав, ответил солдат. «Но то же были враги...» «Так и вы же не о друзьях речь ведете, так?»

Кто он, Смирнов? Ну, как резанет из автомата на крик филина? А что, вполне возможная реакция. У Шостака — одна, у этого — другая, агрессивная, так сказать. Если предположить, что Смирнов не в зону топаёт, а своим старым друзьям мстить, то уху с ним надо востро держать.

...Вот место, где делали последний привал Шостак и Смирнов. Далее — надежда на Дика. Ай, молодчина, пес. Взял след. Теперь задача — поспешать, но бесшумно. Как это делать ночью? «Значит, так, не включено, что Смирнов пальнет на звуки, на шум. Поняли, к чему я это говорю?» Вот она, практика. Вспоминайте, мальчишки, чему вас учили. Не вспомните — знайте, какая расплата может за это последовать...

Беглец, понятное дело, идет от фонаря, не имея представления, куда может вывезти его рождающийся экспромтом маршрут. А Денисов уже догадывается, что Смирнова он встретит там, где когда-то, лет десять назад, стояло небольшое село и квадрат поля. Село то умерло, дома разобрали по бревнышкам, развезли по соседним селам, поле заросло мелким ельником, по пояс деревца. Ну вот, точно. Окошко в тайге. По ельнику шагает человек, неплохо его при луне видно. Высокий. А вот были бы особые приметы — все равно не разглядел бы.

Солдаты стали за деревья, Дик лег на брюхо, положил морду на лапы. Метров двести до Смирнова. Нет смысла сокращать дистанцию. Это если он не остановится сейчас, то тогда...

— Смирнов, стой! Оружие на землю!

Смирнов упал в ельник.

— Не дури, Смирнов!

— Вы кто? — кричит Смирнов.

— Я Денисов. А ты кого хотел бы видеть?

Тот не отвечает, но приподнимается, держа над головой автомат.

— Он без патронов, гражданин начальник. Я хотел в зону вернуться, честное слово!

«ВЕЗУХА!»

Это сказал Ломовец, когда группа и двое задержанных следующим утром садилась на борт вертолета, приземлившись в тайге.

— Отдыхайте пока, — сказал командир части, выслушав подробный рассказ Денисова. — Вы в резерве, может статья такое, что с этой же группой еще поработаете. Очень много людей задействовано, чтоб беглецы не ушли. Если этих зверей упустить... Вопросов, пожеланий никаких?

Увидел, что Денисов нерешительно затоптался, полез в стол за сигаретами:

— Садись, Николай. Вижу, что-то не так? Люди тебя не устраивают?

— Не в том дело, товарищ полковник. Только я бы... Мне бы самому лучше, они же вооружены, Голубев и Пахомов, они не сдадутся.

— Почему — самому?

— Потому что я за это деньги получаю.

— Тогда уж давай я с начальником штаба пойду их брать. Мы же больше твоего получаем.

— Я... Дело не только в деньгах, товарищ полковник...

— Да не надо мне ничего объяснять.

На следующий день после этого разговора в квадрате Н. мальчишки таежного поселка видели двоих вооруженных людей. Приметы сходились, но и другие розыскные группы по подобной информации, по подобным приметам уже работали в других квадратах, а подозреваемые оказывались то грибкинами, то охотниками, то туристами.



579

В квадрат Н., болотистый, буреломный. вертолет забросил группу прапорщика Денисова.

* * *

ДИК ДОЛЖ приникнул к вытасненным из пакета тряпкам, принадлежавшим Пахомову, потом стал кружить там, где мальчишки видели вооруженных людей. Денисов был почти уверен, что ошиблись дети, но пес заворчал тем тоном, по которому Николай понял: есть. Есть след!

Солдаты тоже заулыбались, зашушукались радостно. Черт, лучше бы не было той легкости, с которой обнаружили Смирнова и Шостака. Страшал их прапор, страшал, а на поверку все оказалось проще пареной репы. Притом ночью дело было, а днем — днем ничего не стоит взять двоих... Не об этом ли солдаты шепчутся? Дай бог, чтоб не об этом.

На старую вырубку выскочили неожиданно для себя. После темного ельника чистое солнечное небо просто ослепило. В принципе, выскочили-то даже не все. Дик, Денисов, Магомадов, Икрамов. Остальные меж деревьями были, когда завизжали над головой пули. Стрелки, видно, от неожиданности так неточно пуляли. Стояли лицом сюда, увидели бегущих военных и... На их месте у кого бы рука не дрогнула?!

Но дело хреновое. Трое мишенями лежат на голой земле, где и трава как назло короткая. А Пахомов и Голубев — за пнями, и лес от них — рукой достать. Надо менять позицию, решает Денисов, но для этого тем из солдат, кто остался в лесу, необходимо немедленно ударить из автоматов, не дать возможности бандитам спокойно выцеливать лежащих. Кто первым догадается это сделать, Хахалев, Бородин, Ломовец?..

Автомат Бородина заработал, тотчас его поддержали еще три, чуть с большим отступом, и Иваницкий выпустил очередь в противоположную сторону поляны. Денисов, Магомадов и Икрамов успели покинуть опасное место и тоже спрятаться за деревья.

Ах, хорошо было бы отрезать беглецов от леса, прикидывает Денисов. Пусть бойцы тут остаются, держат зеков в напряжении, а он, Денисов, и еще один, Коля Бородин, к примеру, по краю леса за спиной преступников выйдут.

— Магомадов, получай задачу...

Прапорщик объясняет ему свой замысел, просят:

— Смотри только, пусть никто не высывается. Можете поорать, предложить этой паре сдаться. Главное — не дать зекам прийти в себя, в напряге их подержать минут двадцать, даже меньше. Бородин, за мной! — и уже вполголоса, словно самому себе, проворчал: — Ох, не нравятся мне ваши веселые рожцы, это ж не спектакль, это бой.

Прошли с Бородиным метров сорок, когда сзади раздался звонкий голос Ломовца:

— Граждане зеки, сливайте воду, мы уже достали вам билеты на наш вертолет, дуйте сюда, чтоб не опоздать!

Две очереди с той стороны.

— Эй, — это уже Беляков. — Не заставляйте нас вести прицельный огонь, дураки! Вы же понимаете, что уже не уйдете.

Тишина с той стороны.

Ударили автоматы солдат. Но оттуда — опять тишина. Патронов у них до черта, не должны кончиться. Значит, хитрят, затевают что-то. Или догадываются о том, какой маневр могут предпринять военные?

— Пока замерли, — сказал Денисов Бородину. — Не стоит себя обнаруживать.

— Зеки, вы живы? — знакомый акцент Икрамова. — Выходите сюда.

— Куда? — откликнулись те, кто за пнями.

И тут Денисова охватило дурное предчувствие. Не понравился ему вопрос, не поверил он этому вопросу. Тревожно оглянулся через плечо, туда, где остался костяк группы.

— Давно бы так, — прокричал Икрамов. — Сюда...

Две очереди оттуда, от пней, и шум за спиной, такой, словно кто-то упал на кустарник. Неразборчивые крики, стон...

— В глубь леса и назад, — скомандовал Бородину Денисов. — Что-то у наших произошло.

Закончил говорить и услышал: там, где залегли Голубев и Пахомов, необычно глухо бахнул одиночный выстрел. Отметил это в памяти, убедившись, что деревья надежно скрывают его от бандитов, побежал к группе.

Икрамов лежал на спине, метрах в трех от деревьев, — выскочил-таки, глупыш, клюнул на удочку, — дышал очень глубоко, прерывисто, и с уголка рта текла по щеке розовая пена. Рядышком с ним, скорчившись, громко стонал Беляков. Без объяснений было ясно, что произошло. Икрамов подставился, а когда его сразила пуля, Беляков побежал выручать товарища и тоже «споткнулся»: обе ноги пробиты.

— Доулыбались, — шипло, ни на кого не глядя, сказал прапорщик. — Я же вас просил... Вы же не на занятиях... Как перwokлашки... Опыта, что ли, нет?! Не первый же день форму носите...

Белые испуганные лица смотрели туда, где глубоко дышал Икрамов, и Денисов понял: его никто не слышит. И вообще, не то он говорит. Ну какой у них опыт? Это они теоретически под пули ходили, но разве кто думал всерьез, что такая практика их ожидает? Последний побег в роте шесть лет назад был, через четыре часа того беглеца уже обратно, за решетку, водворили. О том, каково их сверстникам в Закавказье приходится, лишь из телепрограмм узнают. И опять же выводы делают: вон где горячо, а у нас, слава богу...

— Иваницкий, выходите в эфир, надо вызывать вертолет, здесь он сядет. А пока будем думать, как взять этих гадов. Впро-

чем, — тут Николай вспомнил глухой выстрел. — Впрочем, сделать это будет сложнее. Им, кажется, удалось то, что не удалось нам. Они отвлекли наше внимание и проскочили в лес. По крайней мере, я бы на их месте так сделал.

— Товарищ прапорщик, — поднял на него глаза Хахалев. — Как вы може... Тут, может, «муха» умирает, а вы — о Пахомове...

— Могу, Владимир. Профессия у меня такая. Есть задача, и надо ее выполнять.

Денисов вышел из-за прикрытия деревьев, спокойно прошел к Икрамову и Белякову, склонился над ними:

— Сержант Магомадов, вы лучше любого санитструктора, знаю, повязки умеете накладывать. Давайте сюда. С вами остаются Ломовец, Иванецкий. Хахалев, Бородин — за мной. У пней их уже нет, но все же будьте осторожней.

Денисов почти не ошибся: из-за пней по военным никто стрелять уже не мог. Там лежал Пахомов. Только по телосложению и можно было определить, что это Пахомов: пуля разнесла ему череп, угонив в затылок. Стреляли в упор — пороховой ожог был виден на волосах. Денисов внимательно осмотрел труп. Ага, еще одна пуля угодила зеку в бедро. Значит, он не мог бежать, был обузой для Голубя, последний наверняка делился с ним планами на будущее и испугался, что Пахом выдаст все солдатам. Застрелил, приставив автомат к затылку.

Хахалев, шатаясь, отошел в сторону, не опустился, а упал на колени. Его тошнило. У Бородина нервы оказались крепче, он смотрел на лес:

— На что же этот гад рассчитывает, а? Хоть и дурная, но голова на плечах у него же есть? Наша группа его не возьмет, так другие тут все заблокируют, уж не проползет, не то, что человек.

— Он не сдастся, уж он-то не сдастся.

— Вы предлагаете?.. — помолчал, потом тихо, чтоб не слышал Хахалев. — А вы сами стреляли когда-нибудь на поражение? В человека?

— Было дело. Было, Коля.

— Это... страшно?

— Это надо делать. Тот был тоже такой, как Голубев, убийца... Ладно, надо идти. Хахалев, может, вернется?

— Нет, товарищ прапорщик, все в норме. Идем. Раз, два, три, четыре, считаем дырки в сыре...

— Вы чего, Хахалев?

— Да так. Считаю такая детская ешь, вот, вспомнил. Четвертого взять осталось.

— Идите с Бородиным сзади меня метрах в сорока, дистанцию не сокращайте.

* * *

ДЕНИСОВУ просто здорово повезло, в рубашке он, наверное, родился. За всю жизнь ни разу не споткнулся, а тут — то ли Дик сильнее обычного дернул поводок, то ли действительно

он сам не заметил корягу — упал. И тотчас пуля пропела точнехонько над ним. Денисов упал рядом со стволом лежащей сосны, немаленькой, примерно в обхват его длинных рук. Бедняга Дик пока раздумывал считанные доли секунды, к упавшему ли хозяину ему спешить, или в сторону врага, вдруг получил удар по задней лапе. При этом неведомая сила оторвала его от земли и швырнула в сторону, и теперь пес не мог пошевелить даже хвостом, даже подать голос не мог, а лишь безучастно смотрел, как из-за толстого ствола дерева выскочил тот, по чьему запаху он шел, кого уже успел возненавидеть, — выскочил и, посылая пулю за пулей, стал приближаться к лежащей сосне. Еще три, четыре метра — и сосна перестанет быть убежищем для Денисова, хранилищем его жизни. Голубь стрелял точно, чувствовалась рука охотника: пули шли впритирку с деревом, на сантиметр приподнимись прапорщик — и все.

Еще шаг — и Голубь окажется прямо над Денисовым.

Два автомата ударили сразу, до того синхронно, словно их держал один стрелок.

Голубь упал набок, ударившись головой о лежащую сосну. А солдаты даже не посмотрели в его сторону, оба бросились к Денисову:

— Все нормально, товарищ прапорщик!
— Все. Как и было задумано.

* * *

ВЕРТОЛЕТ долго ждать не пришлось. Денисов сидел на борту рядом с Бородиным:

— Видишь, врачи говорят, с Икрамовым все нормально будет. Легкое у него пробито. А у Белякова обе кости задеты, это плохо.

— Вы сами едва живы остались.

— Я бы выкрутился, не впервой. Без вас я бы другую тактику просто применил бы, но взял гада.

— У вас какой это розыск по счету, товарищ прапорщик?

— Кто его знает. Примерно сотый.

— Не надоело? А то поехали со мной, в кооперативе и для вас дело найдется.

— Нет, я пекарем стану. Вот брошу к черту службу и начну пироги печь.

— Никуда вы не пойдете.

— Это же почему?

— Да так. У каждого свой крест. Вы иначе не сможете. Сто розысков на счету... Не сможете! Это уже профессия.

— Конечно, не смогу, Бородин. Конечно, не смогу.

Рис. В. Лопаты,

580

НА ПРОИЗВОЛ

СУДЬБЫ

или О том, как поживают войска на фронтах войны законов

проблемы,
события,
люди

ВОЙСКА:



НЕСКОЛЬКО слов об общем, чтобы перейти к частному. В стране не первый год говорят о необходимости решительно бороться с организованной преступностью. В жарких дебатах участвовали Съезды народных депутатов и Верховный Совет СССР, парламенты республик. Не осталось в стороне и правительство: приняло ряд соответствующих постановлений, которые предусмотрели значительно увеличить численность внутренних войск, точнее, их оперативных и милицейских частей, предназначенных для несения службы по охране общественного порядка. А поскольку подобная акция требует немалых затрат, центр обязал правительства союзных республик «обеспечить по установленным нормам расквартирование военнослужащих срочной службы и жилой площадью офицеров, прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы».

Государственной мудростью веет от этих строк. И все было бы замечательно, как на бумаге, если бы обратили державные мужи свое внимание на, увы, не радужные реалии: на то, что на местах заняли мобильную круговую оборону против любых вердиктов центрального правительства. Ширится, набирает размах война законов. А на войне как на войне: жертв не избежать, и мы — одни из первых пострадавших. Нет, по-прежнему никто не высказывается вслух, мол, давайте повременим с этой насущной борьбой с отечественными мафиози, ибо денег нет. И жилья тоже. И мест в детских садах. Оно и понятно: противостояние преступникам, по логике вещей, экономически не выгодно только самим преступникам. Но...

Вот если бы случилось чудо дивное и войска обустроились как-нибудь сами, не трогая местные бюджеты, не настаивая на прописке, не требуя рабочих мест женам военнослужащих, в конце концов — талонов на продукты, что и вовсе несосно. Чудес не бывает. Во внутренних войсках люд, разумеется, государственный, и постановления союзного правительства для него не являются предметом обсуждения. Надо — значи надо. Потому-то началась их последовательная реализация: части разворачиваются. По сути это — тактика Наполеона: главное ввязаться в бой.

И ввязались. На свою голову. Сейчас впору отбой трубить, но назад ходу нет, ибо война законов — это единственные боевые действия в стране, в которых внутренние войска участия не принимают. Только пожинают ее горькие плоды. И, естественно, несут потери.

Капитан А. САЧЕК, заместитель командира части:

«Под новый военный городок нам сначала определили перспективное СПТУ. Однако отдел народного образования и персонал училища развернули широкую травлю войск в печати. В дело вмешался Верховный Совет республики: решение отменили, предложили другой вариант. Посхали туда,

произвели замеры грунта — уровень радиации оказался таким, что приборы зашкалило. Перспективное кладбище для нас. Мы, понятно, отказались от самозащиты, то бишь расквартирования. Тогда нам выделили территорию бывшего пионерского лагеря. Причем за счет того же отдела народного образования. Год прошел — подвижек почти нет. Условия дикие, перед солдатами, живущими очень стесненно, в спортзале, стыдно. Три умывальника на всех, столько же, прошу прощения, и унитаза. Негде проводить занятия, нет оружия, так как нет условий для его хранения, никакой учебной базы.

В этом году сменилась местная власть. Но перемены к лучшему не произошло, одни обещания. Куда ни кинь — всюду клин. Только заключили договор с кинотеатром на просмотр фильмов, сводили солдат несколько раз, как — на тебе — подскочили цены на билеты. Где брать средства на оплату кинообслуживания личного состава? Солдаты и сержанты питаются в столовой одного из предприятий города по договору. Раньше обед стоил 2 руб. 30 коп., сейчас — 6 руб. 30 коп. Где взять деньги, чтобы кормить людей? И почему, собственно, у нас должна болеть за это голова, а не у тех, по чьей воле мы здесь оказались?

Видимо, еще долго будем жить так, как живем. У моря погоды, естественно, не ждем, вкалываем по 10—14 часов в сутки без выходных. Но не так от работы тяжело, как от того, что прочно стоит стена отчуждения, непонимания между нами и теми, кто нам обязан помогать обустроиваться. Просто руки опускаются от сознания того, что государственная проблема решается не по-государственному: прежде условия надо было людям создать для жизни и службы, у нас же — все наоборот...

Не лучше обстоят дела в части, где командиром полковник Н. Кригер. Часть эту перепрофилировали в учебную для того, чтобы обеспечить сержантами те самые дополнительные милицейские подразделения, которые появились в результате постановлений союзного правительства. Новое дело начали новые люди, можно сказать, с чистого листа. Знали, разумеется, что манна небесная сыпаться не будет, но реальность оказалась суровее самых неспецифических прогнозов. Вот лишь некоторые «картинки» того, в каких условиях «ковались» кадры младших командиров, и чем на самом деле обернулась для людей спонтанно созданная «кузница».

«...Первое, куда мы попали, называлось почему-то медпунктом, в действительности — руины. Нас раздели и зазели сюда. Кругом битый кирпич, щебень, грязь несутветная. После медосмотра повели в расположение роты, где по поводу были те же грязь и битый кирпич. Проверили вещи и сразу отправили на работу. Вечером — ужин: тут не было ни столов, ни стульев. Пищу принимали под навесом, из котел-

ков. Котелки же мыли, когда была вода, а ее давали совсем не часто. Грязь готовилась недоброкачественно, все мучилось желудками. Чтобы получить свою порцию, надо было отстоять в очереди час-полтора. Постельное белье за все время учебы поменяли раз пять-шесть. Умывались на улице, если вода не замерзала. А когда замерзала — обходились без утреннего туалета. Света в казарме не было, электропроводка болталась неизолпированная, стены не оштукатурены, санузлы не работали. Форму заставляли стирать опять же в холодной воде. Жутко, но, когда форма не успевала просыхать на улице, мы надевали ее на себя, чтобы просушить на теле. Сапоги за всю учебку ни разу не сушились и потому развалились раньше времени. Учились очень мало, больше работали. Нас называли «милицейским стройбатом». Правильно в общем-то называли. На стажировку многие не поехали — работали на картошке. Машины из учебной автороты забрали для хозяйственных нужд, поэтому будущим командирам автоотделений даже за рупем посидеть не довелось...»

ПОДОБНЫЕ письма-свидетельства в редакционной почте есть и еще. И они, как говорится, позвали в дорогу, чтобы поближе познакомиться с их авторами — первыми выпускниками учебной части: не всякое доверишь бумаге. Познакомился.

Сержант И. ЛЯХОВСКИЙ:

«Что запомнилось? Прежде всего идиотизм от неразберихи: утром лейтенант приказывает вскопать поле, вечером майор требует утрамбовать его и засыпать шлаком. А следом поступает распоряжение уложить сверху дерн. Вот так меня в учебке ломали. Делали морального уroda. А каково мне было идти воровать материалы для оборудования классов? Вор в милицейской форме — разве такое забудется!»

Сержант А. ПОНОМАРЕВ:

«Многие из нас имели за плечами техникумы. Ехали в школу сержантов с желанием умножить знания, отточить навыки. А нас тут, как говорят зеки, опустили. На самое дно. Здешние офицеры считали нас рабочим быдлом, «серой массой», не способной чувствовать, мыслить, анализировать. Мы же, напротив, готовы были понять полковника Кригера: не его вина что школа основывалась задом наперед. Все можно простить, и мы готовы забыть неустраоенности. Но как забыть ежедневные уроки несправедливости, бесчестия! Ведь всех обворовали с ног до головы. Крали все — куртки, рубашки, брюки, галстуки, кепи, носки. И никому из отцов-командиров до этого не было никакого дела. Сержанты скупали в магазине сигареты и перепродавали нам за пять рублей. Коробок спичек — полтинник, каково! Офицеры, видимо, по своей мерке сержантов подбирали. Спали мы четыре-пять часов в сут-

ки: то за полночь разбудят — перенести двести носилок с углем, то до утра картошку чистишь. Неделями недосыпали перед приездом начальства из Москвы».

Младший сержант В. ЗЕМБИЦКИЙ:

«Нас ежедневно, ежечасно приучали к несправедливости, больше того — к беззаконию. К примеру, старшина роты говорит: «Найди напильник». «Где! — удивляюсь, — инструмент не гриб!» В ответ угроза наказанием. Остается одно — воровство. А как-то, помню, пошел дождь, и он заставил нас вениками разгонять лужи. Хорошо еще, что не тучи».

Сержанты В. Шостак, А. Есепчук, А. Наливайко, В. Зарубо — ничего хорошего не смогли рассказать они о своей альма-матер—школе младших командиров. Попытался я было сгладить их негативные впечатления, посетовал, что и здесь, в части, тоже не все гладко с бытом. А в ответ: так-то оно так, да ведь тут неустроенность сообща переносим, вместе с офицерами, а там на нас одних ее взвалили непомерным грузом и отвернулись.

Вот так невзгоды житейские обернулись проблемами этическими, нравственными. Впрочем, это неожиданное (неожиданное ли?) превращение упорно не замечают начальники, «наши» и «не наши», словом, все, от кого зависит нормальное существование воинских коллективов. Вероятно, еще и поэтому столь неловко было слушать подобные воспоминания:

«Комиссия всякие наезжали часто. Накануне все мыслось, шкурилось, красилось. И непременно ночами, ночами... От кого прятались? Ни минуты отдыха. Вот идут генералы по плацу, а в подъездах казарм и за каждым углом стоят «на стреме» офицеры, прапорщики, сержанты и сообщают своим, куда «гости» направляются».

Горько (за «наших» вдвойне) читать откровенные письма невольных соучастников этих событий, таких, к примеру, как старший прапорщик А. ПАВЛОВ:

«Приехала комиссия из Центрального управления внутренних войск. Так чтобы солдат не попал к ней с жалобой, каждому командиру роты выделили радиостанцию, по которой постоянно сообщалось о маршруте движения комиссии. Если в сторону роты шли — личный состав уводился подальше от подразделения». Прием не нов: нет людей — нет проблем. Не уподобляемся ли мы малым детишкам, играющим в прятки: закрыл глаза, ничего не вижу — значит, спрятался?

Жалко, что не спрятаться от результатов учебы в подобных «университетах». В частях, куда прибывают новоспеченные младшие командиры из «милицейского стройбата», диву даются (хотя, в принципе, удивляться тут нечему — так было «спланировано»). «Люди взвинчены, вспыльчивы, конфликты возникают, как говорится, на ровном месте, — делится наиболее заместитель командира части по военно-политической работе майор А. Дадаев.—Доб-

рого слова ни друг другу, ни подчиненным не скажут — либо мат, либо циничные замечания вроде того, что удар по почкам заменяет кружку пива. Сержант-неуч — настоящее горе в коллективе. Немногие сразу берутся за ум, Большинство по инерции катится вниз: или идет на панбратство с подчиненными, становится «своим в доску», или же «качает права».

А ЧТО ЖЕ «не наши» начальники? Местная власть парализована своим же бездействием — парадокс. Выясняют, кто и на каком участке фронта войны законов главнокомандующий, чьи призывы выполнять, а чьи попирает. Попутно усиленно вешают ярлыки, ведут поиск врагов по извечной нашей традиции, муссируют в печати армейскую тему, шельмуя военных на все лады. Сograждан уверяют, что бюджет военных беспределен, расходы на армию надо немедленно сократить и тогда наконец заживем припеваючи. Возсю развернули свою деятельность разномастные комитеты и общества, воюя против людей в погонах. Плюс рост цен, инфляция, межнациональные конфликты, кровь, горе, катаклизмы. И вот уже проблема расквартирования милицейских частей внутренних войск в ряде республик, краев и областей отодвигается на задний план. Офицеры, прапорщики, их семьи, солдаты и сержанты читают постановления правительства СССР и терпеливо надеются на лучшую жизнь в обозримом будущем (что им еще остается?). А пока... Пока переливаются, брошенные на произвол судьбы и законодателями, и законопослушниками...

Утром радостным голосом радиожурналист сообщил, что последний эшелон советских войск покинул Чехо-Словакия. И добавил, подчеркивая мощь передислоцированной армады, что, если все воинские эшелоны, прибывшие в Союз из Восточной Европы, поставят один за другим, они растянутся на четыреста с лишним километров.

Для кого-то это абстрактные, статистические километры и эшелоны. Но ведь вернулись на Родину советские люди. Им надо где-то жить, учиться, работать, что-то есть и пить. Они уезжали на передние рубежи защиты завоеваний социализма выполнять свой конституционный долг, а вернуться незваными, непрошеными гостями.

Казалось бы, при чем здесь сложные проблемы внутренних войск? У нас свое министерство, и мы не в составе Вооруженных Сил СССР. Но роднит эти факты одно — откровенно пренебрежительное отношение к человеку с ружьем, будь он в составе СА, ВМФ, МВД или КГБ. К человеку, на плечах которого по большому счету держится порядок и безопасность в государстве. В том самом, в котором мыкают они, словно неприкаянные, имея при минимуме элементарных житейских удобств максимум нелегких обязанностей.

Полковник запаса В. КУЗЬМЕНКО.

«ЗАЛОЖНИКОМ МОЖНО ВЗЯТЬ КАЖДОГО ИЗ НАС...»

Да, каждого, если ты живешь:
в государстве, в котором законы, призванные защищать честь, достоинство и саму жизнь сограждан, бездействуют,
или, наоборот, где миром правит растленный преступный мир,
или когда между различными политическими группировками идет беспощадная борьба за власть,
или где все продается и покупается, а сама человеческая жизнь превращается в обесцененный товар.

...Кажется, еще совсем недавно каждая попытка захвата заложников вызывала у нас в стране такую бурю гнева и негодования, когда народ готов был растерзать в клочки террористов, захватывающих ни в чем не повинных людей. Мы еще не забыли гибель бортпроводницы Нади Курченко, погибшей от руки преступников, угнавших пассажирский самолет в Турцию. Но как быстро мы ко всему привыкли: ко всякого рода попыткам угона самолетов за рубеж, захвату кооператоров ракетирями, осужденные не раз захватывали в качестве заложников работающих в колониях женщин...

Но стоило принять жесткие меры против этой мерзкой практики, волна захвата пошла на спад. Затишье, однако, было недолгим: возродилась она неожиданно-негаданно там, где этого вовсе не ждали, — заложниками стали захватывать вооруженных воинов.

Теперь трудно, наверное, установить, кто первым из военнослужащих оказался заложником в руках боевиков. Известен почти анекдотический случай, когда прапорщик Владимир Мартынов, играя во время съемок учебного фильма роль террориста, должен был «захватить» часового, но сам оказался в лапах настоящих боевиков. Потом были захвачены капитан С. Осетров с тремя солдатами. Даже бывший командующий внутренними войсками МВД СССР генерал-полковник Юрий Васильевич Шаталин побывал в заложниках.

Счет их в последнее время возрастает почти в геометрической прогрессии. Количество заложников-воинов исчисляется ныне десятками.

В канун Первой мая при проведении войсковой операции по разоружению боевиков и проверке паспортного режима в населенных пунктах Чайкенд и Мартунашен Ханларского района были захвачены армянскими боевиками полковник Машков и 14 военнослужащих.

Надолго останется в памяти и такое тревожное сообщение: 13 августа после полудня возле села Атерж Мардакертского района маневренной группой внутренних войск МВД СССР был задержан 27-летний Г. Петросян, который оказал вооруженное сопротивление. У него изъяты граната, два автомата серийного производства и около 200 патронов.

Через полчаса в этом же селе местным населением была блокирована и захвачена группа ВВ МВД СССР. В 14 часов в аналогичной обстановке, но уже с участием двух гранатометчиков была остановлена и разоружена группа военнослужащих, сопровождающих машину с хлебом. Еще через некоторое время заложниками оказались офицеры, проверявшие несение службы на КПП в селе Гетаван, и автомобиль с 17 военнослужащими. На следующий день — еще восемь. Всего в руках боевиков оказались 41 солдат и офицер.

Для освобождения заложников было стянуто около 1200 воинов внутренних войск МВД СССР, в том числе подразделения специального назначения. Начались переговоры, на которые прибыли генерал-майор В. Стариков и комендант района чрезвычайного положения полковник В. Жуков. С армянской стороны — председатель так называемого Совета обороны Армении Вагген Саркисян. Армянская сторона потребовала освобождения всех захваченных боевиков.

А меня в те дни одолевали звонки: как такое могло случиться? Вот и бывший комбат-афганец полковник Леонид Хабаров позвонил из Свердловска: «Слушай, их что, окружили пулеметами, а оружие, конечно, в комнате для хранения находилось, и повязали как цыплят?»

Святая простота. Мы привыкли к тому, что вооруженные до зубов бандиты берут в заложники беззащитных женщин, детей. И в нашем сознании никак не укладывается, что теперь все делается наоборот: «беззащитные женщины и дети» (толпа), твердо уверовав в то, что солдаты огня по ним не откроют, берут их, вооружен-

ных, голыми руками. Понятно, берут не они сами, берут те же самые вооруженные до зубов бандиты под их прикрытием. Господи, до чего мы дожили: идти в атаку, прикрывшись женщинами и детьми, — такое только фашисты себе позволяли, да и то на восточном фронте.

Вот что рассказывают те, кто побывал в роли заложников.

Старший лейтенант Геннадий ФЕДОРОВ — заместитель командира роты специально назначения:

— Я с личным составом своей группы находился в селе Камо, когда приехал полковник В. Машков. Он сказал, что от командира нашей роты нет никаких известий, что-то случилось с его БМД. Мне было приказано вместе со своей группой (а в нее входило двенадцать человек) на БТР разведать и попытаться найти БМД командира.

Когда мы въехали в село, на его окраине уже «хозяйничали» омоновцы. Говорю так потому, что вели они себя довольно бесцеремонно, грабили имущество, оставшееся в домах. И при этом постоянно стреляли из автоматов. Так что разобраться в том, кто и откуда стреляет, было трудно.

Улицы, по которой мы ехали, резко сворачивала в сторону, к площади. На ней увидели стоявшую «бэмдэшку». Подъехали, попытались связаться с командиром роты по рации. Не получилось. Наш БТР стали окружать дети, женщины — жители Чайкенда. Нужно было осмотреться. Открыл люк, и в эту минуту в нем появилась рука с гранатой. Боевик потребовал выйти всем из бронетранспортера. Если требование не будет выполнено, то БТР взорвет вместе с людьми. Я вылез на броню, остальным приказал оставаться на месте, вступил в переговоры, попытался уговорить людей отойти от боевой машины.

Обстановка продолжала накаляться. Из «бэмдэшки» вылез наш командир роты с двумя солдатами, тоже стал уговаривать людей разойтись. Но тщетно. Как раз в это время на площадь принесли беременную армянку со следами побоев, может, раненую. Руками она держалась за окровавленный живот. Потом появились другие пострадавшие. В основном это были женщины и дети. Тут уж стало не до разговоров. Толпа буквально лезла на БТР. Омоновцы, как назло, открыли такую беспорядочную стрельбу, что люди, окружившие БТР и БМД, решили взять машины силой.

В это время к нам подъехала машина, в которой находился полковник В. Машков.

Полковник Машков, как только вышел из машины, сразу же был окружен боевиками. Их требование было одно — сдать оружие, иначе всех расстреляют... Один из армянских боевиков сел за огнемёт, направил его прямо на нас. И тогда я понял, что наступила та самая критическая минута, когда от слов боевики могут перейти к делу. Полковник Машков понял это, оче-

видно, раньше меня и дал команду сдать оружие.

Конечно, можно было бы поступить иначе. Боевиков было не так уж много, обученность же личного состава роты была высокой. Постоять за себя мы могли. Но вокруг были женщины, дети, старики. Окажи мы боевикам сопротивление, в первую очередь пострадали бы именно мирные жители. Поэтому мы и выполнили приказ старшего.

ОДИН ИЗ ЗАЛОЖНИКОВ:

— Боевики завели нас в морг, показали обезображенные трупы женщин, мужчин, стариков. По словам боевиков, все это дело рук омоновцев...

И вновь угрозы, оскорбления. Один из боевиков приказал доставить труп подорвавшегося на гранате. В случае неповиновения — смерть. Пришлось выполнять и этот приказ.

ВТОРОЙ ИЗ ЗАЛОЖНИКОВ:

— Боевики сказали: «Иди ты. В тебя они стрелять не посмеют. Но ошиблись. Едва только появился в том месте, где лежал убитый боевик, омоновцы открыли огонь из автомата. Попытался отползти назад, в спину стали стрелять армянские боевики. Подполз к убитому и потащил его на себе. Когда очутился в безопасном месте, взвалил его на спину и бегом назад. Поверьте, до сих пор не по себе, когда вспоминаю эти минуты.

ТРЕТИЙ ИЗ ЗАЛОЖНИКОВ:

— Вскоре после освобождения с нами беседовал министр внутренних дел Азербайджана. И бросил такой упрек: «Какие же вы воины, если отдали свое оружие? Вы должны были погибнуть, но с автоматом в руках».

А почему мы должны гибнуть? Чтобы, как выразился генерал, стать «национальными героями Азербайджана»? А другие — чтобы стать «национальными героями Армении»? Но во имя чего? Скажите нам!

...События в Ханларе в тот раз закончились, если можно так сказать, вполне благополучно. Благополучно, потому что не было пролито крови: под дулами множества орудий и пулеметов армянские боевики отпустили 14 военнопленных-заложников, а захваченные омоновцами жители Чайкенда вернулись к своим семьям.

Но война в том районе в угоду чьих-то политических амбиций продолжалась, и никто не мог с уверенностью утверждать, что подобных позорных историй больше не повторится.

И они не заставили себя долго ждать. Только в заложниках теперь оказалось военнопленных в три раза больше. Кто следующий?

...Наверное, каждый из нас уже давно не верит в «стихийность» кровавых конфликтов, которые вспыхивают то в одном, то в другом регионе страны. И эти локальные войны, если их не погасить сейчас, могут перерасти в очень большую войну, размеры которой мы пока даже не можем себе представить.

И самое страшное, что происходит с нашим сознанием: мы безропотно принимаем тот факт, что цены на «шмотки» подскочили неизмеримо, в то время как жизнь человеческая (самое дорогое, как мы считали совсем недавно) обесценивается с каждым днем.

«Заложники» — это один из путей обесценивания нашей жизни.

Практика взятия заложников не делает чести тем, кто ею занимается, и уж во всяком случае она вызывает отвращение, коль скоро осуществляется против своего же народа. История, кажется, нас ничему не научила: ведь было уже, когда заложников брали не десятками и даже не тысячами — многие из них были расстреляны своими же.

Передо мной выписка из приказа № 130 от 12 мая 1921 года командующего войсками Тухачевского, который с невиданной жестокостью подавил крестьянское восстание на Тамбовщине.

«Параграф 3. Семьи неявившихся бандитов неукоснительно арестовывать, а имущество их конфисковывать и распределять между верными Советской власти крестьянами согласно особым инструкциям полномочной комиссии ВЦИК, высылаемым дополнительно».

«Параграф 4. Арестованные семьи, если бандит не явится и не сдастся, будут высылаться в отдаленные края РСФСР».

Еще более зловеще звучит приказ № 171 от 11 июня того же года:

«...2. Селениям, в которых скрывается оружие, властью Уполиткомиссии или Райполиткомиссий объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия».

«...4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и выселению из губернии, и имущество конфисковывается. Старший работник в этой семье расстреливается на месте без суда».

«...5. Семьи, укрывающие членов семей или имущество бандита, рассматривать как бандитские и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда».

Суровое, не правда ли, предостережение!

Вспоминаю, с каким нетерпением мы ждали сообщений о ходе переговоров по освобождению воинов-заложников, взятых в селе Атерк Мардакертского района НКАО. Скупые, но тревожные, они заставляли в страхе сжиматься сердце не только у родных и близких воинов, оказавшихся в руках боевиков.

Заместитель начальника штаба внутренних войск МВД СССР генерал-майор В. Стариков заявил корреспонденту ТАСС:

— При захвате военнослужащие не оказывали сопротивления. Они проявили гуманность, понимая, что пострадали бы прежде всего жители села—старики, женщины, дети. И это первыми осознали старейшины Атерка, потребовавшие от бое-

виков выпустить воинов. Ведь среди захваченных в качестве заложников солдаты, которые осуществляли самую что ни на есть мирную и благородную акцию — сопровождали колонну с продуктами.

А вот сообщение помощника армянского постпредства в Москве М. Казаряна «Российской газете»:

— В село Атерк выехал председатель Совета обороны Республики Армения В. Саркисян. Под председательством В. Саркисяна, при участии заместителя начальника штаба внутренних войск МВД СССР генерал-майора В. Старикова и коменданта района чрезвычайного положения полковника В. Жукова состоялись переговоры с лидерами армянских вооруженных формирований. Страсти были бурными (напомним, что командованием внутренних войск был объявлен ультиматум, а жители села Атерк в телеграммах Борису Ельцину и Михаилу Горбачеву сообщили о своей готовности совершить акцию самопожжения в случае отказа МВД от переговоров), но первые обнадеживающие результаты уже есть: армянская сторона подтвердила свое намерение не допускать никакого насилия по отношению к заложникам...

Гроза и на этот раз обошла стороной, гром не грянул. Все, наверное, вздохнули с облегчением, но тревога почему-то не отступает: что нас ждет завтра? Нельзя долгое время безнаказанно играть с огнем. Нельзя бесконечно злоупотреблять гуманностью солдат, совершая над ними насилие. Палка ведь о двух концах. Давайте только на минутку представим себе, что будет, если при попытке захвата заложников сдадут нервы у солдата за пулеметом. Или военным надоеет «игра в одни ворота», и они возьмут и себе на вооружение этот метод борьбы. Да, правильно, представить такое невозможно. Пока невозможно.

Только что позвонила Надежда Константиновна Зобнина — жена капитана милиции Юрия Зобнина. Юру я знаю давно — по Афганистану. Был он старшиной срочной службы, командовал в десантном батальоне разведкой. В одном из боев спас моего друга — комбата Леонида Хабарова. После Афгана закончил высшую следственную школу, академию МВД. И вот...

— Что же у нас творится? — горячо спрашивала Надежда Константиновна. — Сорок солдат с оружием взяли заложниками! Это же уму непостижимо! Они что, совсем обнаглели!

Затем она сообщила, что Юрия тоже отравили на Кавказ — «показали как лучшему высокому доверие».

— Проводили Юру хорошо, я не плакала — наверное, Афган все слезы высушил. На прощание заявила ему: «Юра, защищайся! Защищайся до последнего патрона!» И закончила со слезами: «Поймите, самое страшное, когда человек исчезает бесследно, как исчезла бесследно группа капитана Осетрова».

Нет, только не это!

Полковник П. СТУДЕНИКИН.



Наш адрес: 107120,
Москва,
Сыромятинский
проезд, 8,
редакция журнала
«На боевом посту»

ТРИ ПИСЬМА НА ОДНУ ТЕМУ

1. Это по мне

Купила в киоске ваш журнал... Да, вон, оказывается, как солдатам внутренних войск служитесь! И почему же о них-то никто не заботится? Гибнут парни, спасая других в самых опасных районах, а чуть что, некоторые сразу: «Кто их просил? Не лезьте не в свое дело!..» Но ведь это долг — надо, так надо. Долг и риск — вот это по мне. Решено: если не попаду в морской десант, пойду служить во внутренние войска.

ЛАЗАРЕВА Наташа,
г. Казань.

2. Где горячее

Хочу служить в спецназе. Где я только не был, куда только не обращался со своей мечтой — в райвоенкомат, облвоенкомат, УВД, местную часть внутренних войск. На приемах, посмограв на меня, цокали языками: «Давай к нам, у нас тоже горячо!» Но мне-то нужно туда, где горячее...

Благодарю за человечность

Страшное горе случилось в нашей семье, и хоть сейчас еще не утихла боль утраты, сердце гребует отдать дань глубокой признательности офицерам внутренних войск.

Сын мой, Рамунас Дудонис, служит в городе Баку. В марте этого года поехали мы всей семьей его навестить. Отнеслись к нам в части заботливо, внимательно, с сыном побыли. Но тут внезапно у мужа приступ — инфаркт сердца, и ночью он скончался. Горю моему не было предела, и страшно стало: ну как я одна в

О себе: не искатель приключений, знаю, что такое служба (срочной два года уже позади), понимаю, что «там» не малина — наслушался, посмотрелся. Но решил твердо: я должен быть там. Занимаюсь рукопашным боем, атлетикой. Водитель-профессионал, пожарный.

С уважением Юрий ШВЕЦОВ.

3. Мой идеал

До службы в армии мне еще год осталось. Но уже сейчас хочу получше подготовиться к этому важному для меня событию, ведь в дальнейшем собираюсь работать в органах МВД. Много читал в вашем журнале о «красных беретках». Эти парни для меня идеал. Ведь они, рискуя жизнью, защищают тех, кто в смертельной опасности находится. Уже год я занимаюсь рукопашным боем, неплохо стреляю, хотелось бы знать, что еще может пригодиться на первых порах солдату спецназа. Буду следовать всем рекомендациям журнала на этот счет.

С уважением Сергей СОСНИН,
г. Омск.

далеком от Литвы краю, и с горем своим, и с похоронами?! К кому из местных властей ни обращалась — никому до моих бед не было дела. И вот тут все мои тяжкие заботы взяли на себя командиры моего сына. Майор Пастушенко К. А., старший лейтенант Завгородний В. В., капитаны Межинский Ю. А., Овчаренко А. И. не только искренне переживали нашу утрату, но и организовали отправку нас в Литву самолетом, помогли с расходами.

Моя семья и все мои родственники в Литве хотим через ваш журнал выразить огромную благодарность за искреннее участие в нашей судьбе этим офицерам внутренних войск.

ДУДОНЕНЕ Геня,
г. Каунас.

Лишили очередного отпуска

Обращаться нам больше некуда, потому-то и пишу вам в журнал. Мало того, что служим мы вдалеке от Москвы, со всеми вытекающими отсюда последствиями, к нам и отношение порой далеко не цивилизованное, а прощя — бесчеловечное. Судите сами. Сложилось так, что в начале года, точнее, в марте, я в течение двадцати с лишним дней находилась на стационарном лечении в Хабаровске. В это время, как назло, захворал и сынишка — ему всего-то было тогда четыре месяца. И муж мой, старший лейтенант С. Евченко, вынужден был сидеть дома, ухаживать за больным ребенком. Когда же после моего возвращения, досрочного, надо заметить, возвращения, Сергей предъявил своему начальнику больничный лист, услышал: зачем, дескать, пришел, иди догуливай, мы тебя тут оформили в очередной отпуск...

На протест мужа никто должным образом не отреагировал.

В течение года я неоднократно потом оказывалась в больнице, так как в тот раз выписалась, не долечившись: очень переживала, что из-за меня у супруга возникли серьезные неприятности на службе.

И потом был случай, когда муж не вышел на работу — из-за высокой температуры. Вызывали «скорую», врачи оформили лист освобождения, дали направление на обследование в госпиталь. Так и эти дни мужу тоже засчитали в счет отпуска. Теперь командир говорит, мол, Сергей уже полностью использовал свой очередной отпуск...

Вот так у нас относятся к военнослужащим, в том числе и к офицерам. Те, кто должны о них и об их семьях заботу проявлять, не моргнув глазом, могут заявить подчиненному: или служи, или сиди дома с больной женой...

Но разве кто-то из тех же начальников застрахован от недугов? Случись что-то подобное с ними, наверняка возмутятся. И будут правы. А до чужого горя им и дела нет, так обидно. Тем более, что наши злоключения вполне могут повториться. У меня хронический недуг, связанный с болезнью крови, и мне обязательно минимум дважды в год необходимо проходить обследование, причем с пребыванием в стационаре. Так что при нынешнем отношении начальников к мужу он рискует ежегодно оставаться без отпуска.

Мы, конечно, надеемся на выздоровление. Тем более, что, как оказалось, больные люди в форме или их домашние у нас в части крайне незащищены.

И все же, сможет ли муж, и без того издерганный на службе, измаявшийся дома с нами, хворыми, когда-нибудь отдохнуть в своем законном очередном отпуске? Может, более высокое начальство Сергея ответит через журнал на этот вопрос?

Т. ЕВЧЕНКО, жена офицера.
Хабаровский край.

Спасибо!

Побывали на присяге у своих сыновей. Большое спасибо за теплый прием офицерам А. Вахнину, И. Лысенко, С. Щербаневу. В части настоящий воинский порядок. Созданы все условия, чтобы наши ребята честно выполняли свой конституционный долг.

ЧУПИКОВА Елена Георгиевна
(по поручению группы родителей).
Горловка, Донецкая обл.

ХОТЯ ПИСЬМО И НЕ ОПУБЛИКОВАНО

Не прошло и года...

Капитан М. Игнаткович по достижении сорокалетнего возраста уволился летом прошлого года в запас. Двадцати лет выслуги у него не набиралось, так что ушел без права на пенсию. Правда, согласно действующему положению ему в течение года после увольнения должны были выплачивать оклад по воинскому званию. По непонятным причинам, которые сейчас и установить трудно, деньги офицеру запаса в части не выплатили, ничего толком не объяснили. Игнаткович, прибыв к новому месту жительства, обратился с ходатайством по данному вопросу в военкомат. Его направили в УВД, дескать, ты не наш. А управление внутренних дел края — обратно

в военкомат, как офицера запаса. Круг замкнулся. Тогда-то первый раз тов. Игнаткович и написал в журнал. Мы посоветовали ему официально обратиться туда, где служил. Михаил Егорович так и поступил. В начале текущего года, точнее в феврале 1991 года. Шло время, летели месяцы, а родная часть хранила молчание. И лишь со второго захода, после того, как повторное письмо Игнатковича было направлено в управление внутренних войск по Северному Кавказу и Закавказью, удалось-таки решить вопрос. Как сообщил генерал-майор Ю. Косолапов, войсковая часть соизволила выслать Игнатковичу положенную сумму, ему ипринесены извинения в письменном виде. А к «лицам, виновным в несвоевременной выплате оклада по воинскому званию, приняты меры воздействия».

БЮРОКРАТЫ ПРИ ПОГОНАХ

14 ЯНВАРЯ 1990 года в горах под Азадом азербайджанские боевики захватили капитана С. Осетрова, ефрейтора А. Мороза, рядовых А. Прижимкина и В. Федотова, посланных в село для защиты армянских жителей. Вызволить попавших в плен военнослужащих не удалось, они погибли от рук экстремистов. Узнав о трагедии, тогдашний министр внутренних дел В. Бакагин обронил в сердцах роковую фразу. Смысл ее сводился к тому, что головы виновных обязательно полетят. В окружении высокого начальства всегда находятся инициативные люди, которые случайные слова шефа превращают в «знамя» и в верноподданническом экстазе насыпают курган из голов стрелочников, дабы водрузить на нем «святиню».

Первой полетела с плеч голова командира батальона подполковника М. Дубравки. Логика исполнителей воли министра была проста как дважды два. Именно Дубравка незадолго до трагедии выезжал в армянские села Азад, Камо и Чайкенд для уточнения обстановки — стало быть, ему и ответ держать. Торопясь привести в действие административную гильотину, чиновники, решающие судьбы кадров, даже пальцем не пошевелили для того, чтобы проанализировать ситуацию, в которой оказался офицер после рекогносцировки. Между тем не кто иной, как подполковник Дубравка, решительно возражал против выделения небольшой группы военнослужащих для охраны армянских населенных пунктов. В сложившейся обстановке солдаты и офицеры неминуемо оказались бы жертвами превосходящих численностью боевиков; к тому же в этих селах было полно так называемых бойцов самообороны, настроенных очень агрессивно, — от них тоже можно ожидать неприятных сюрпризов. Это убеждение комбат продолжал отстаивать и перед старшим начальником. Но тот и слушать не хотел: «Кого ты учишь? Кто ты такой? Сам в обстановке не разобрался...»

Самолет с генералом улетел в Москву, а на следующее утро поступило распоряжение направить личный состав в армянские села, обстреливаемые азербайджанскими боевиками. Пришлось подчиниться...

В марте 1990 года Дубравка вместе со своим батальоном находился в Казахском

районе — охранял границу между Азербайджаном и Арменией. Оттуда его вызвали в Гянджу. По приезде офицер с удивлением обнаружил в своем кабинете нового комбата и узнал, что слушал свист пуль в горах, будучи уже выведенным за штат.

Начальник отделения кадров соединения ему заявил: «У меня для вас вакансий нет, можете ехать куда хотите». А вскоре был подписан приказ об увольнении. В течение месяца подполковник Дубравка обивал пороги, просил, уговаривал, требовал разобраться, пересмотреть его дело. Но — тщетно...

Вот такая невеселая история.

Отбросив детали конкретной ситуации, получим типичный портрет явления, знакомого многим по личному горькому опыту. Имя ему — бюрократизм.

Больше всех от произвола чиновников страдают военные. Не только потому, что не создано еще надежных механизмов правовой и социальной защиты их интересов. Такова уж природа бюрократизма — быстрее наращивает мускулы там, где коллективы жестко регламентированы и строго управляемы. Ну а поскольку воинская деятельность зиждется на приказе, команде, директиве, именно здесь обнаруживается почва, наиболее взрывчатая для любителей погреть руки на привилегиях власти.

Солдатская масса остро подметила всеохватывающий характер армейского бюрократизма, сочинив анекдот об уставе из двух статей. Помните? Статья первая: начальник всегда прав. Статья вторая: если начальник не прав... В офицерской среде тоже ходит немало гвоздящих бюрократию афоризмов, меткости которых мог бы позавидовать и античный философ. Кадры решают все, учили жрецы командно-административной системы. В кадрах решают все, нашли скрытый подтекст в авторитарном тезисе армейские остроловы. И последний «аккорд»: в кадрах решили — и все! Как говорится, в самое яблочко.

Сколько-то судеб изломано по вине отдельных чиновников, слепо выполняющих волю начальства, которое использует свое служебное положение для сведения счетов с неугодными подчиненными!

Но—шутки в сторону. Чувство юмора как психологическая защита от произвола бюрократов при погонах спасает немногих. И люди с железными нервами часто поднимают руки перед амбразурами чиновничьих бастионов. Невосполнимые при этом потери несем. Знаю офицеров, прапорщиков, у которых все разговоры об армии, о службе сводятся к огульному очернительству. А ведь наверняка начинали писать армейскую биографию с иными настроениями. Они достойны сурового осуждения, скажут ревнители незабываемых принципов. Согласен. И все же перед тем, как навешивать ярлыки, надо хорошенько подумать о причинах, заставивших человека привести к общему знаменателю и грешное, и праведное.

«Почему дырявят древний собор? Потому что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой. Почему гадят в любезных сердцу Барских усадьбах? Потому что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа»,—писал Александр Блок. Времена нынче другие. Но так и не срублена лоза, на которой зреют гроздьи гнева. В том числе и у нас, в военной среде.

«Среди служилых людей с давних пор не было элемента, настолько обездоленного, настолько необеспеченного и бесправного, как рядовое русское офицерство», — считал генерал А. Деникин.

А как сейчас обстоят дела у наших офицеров? Кто скажет, что «жить стало веселее»? Увы, не идут впрок уроки отечественной истории. Вот и перестройка, несмотря на свой далеко не младенческий возраст, все еще пребывает в пленках. И военная реформа «стоит куда надо». Уйму законов, указов приняли за последнее время, но ни один из них не обошел интересов номенклатуры.

НЕКОТОРЫЕ авторы военно-теоретических статей, стараясь и за перестройкой поспеть, и начальство не прогневить, убеждают в том, что армейский бюрократизм — не более чем порочный стиль деятельности части военных кадров, следствие их неисполнительности, безответственности, некомпетентности. Лукавят. Если бы правда заключалась в этом, то перестройка в войсках на основе «углубить», «усилить» и «улучшить» сразу же дала бы результаты. Однако наблюдаем обратное—вот уже который год из приказа в приказ кочует одна и та же фраза: «ко-

ренного изменения к лучшему не произошло». Стало быть, опасность армейского бюрократизма занижена, корни его спрятаны в более глубоких пластах нашей жизни. Срабатывает и объективная логика воеющего чиновника, решившего из конъюнктурных соображений погрозить пером «родной системе». Что, разве не так? Заглянем в «святыцы»: по Марксу, «сведущий чиновник, столкнувшийся в силу своей деятельности с условиями их (людей.—А. Ш.) жизни, не даст беспристрастной характеристики этих условий именно потому, что эти условия отчасти и были созданы им».

Да, учиться нам еще и учиться у «немодных» нынче классиков искусству находить главное звено в цепочке причинно-следственных связей.

«Бюрократия считает себя конечной целью государства»,—этот вывод основоположников марксизма полностью подтвержден практикой социалистического строительства в «отдельно взятой стране». Выросшая как на дрожжах гильдия советских чиновников быстро поглотила свободы, завоеванные народом в борьбе с эксплуататорами. Сложилась уникальная в истории система бюрократического абсолютизма. Опасность именно такой деформации социалистической идеи, между прочим, предвидели многие оппоненты ортодоксальных марксистов. Выдающийся русский философ Николай Бердяев, в частности, писал: «Классовое угнетение может принять совершенно новые формы, не похожие на капиталистические... новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестко эксплуатировать народные массы».

Жизнь — диалектическая штука (это мы в своих представлениях о ней зачастую игнорируем объективные законы). Коли правит бал командно-административная гвардия, то просто наивно полагать, что за державным столом бюрократам в погонах будет отведена роль бедных родственников. Все это к вопросу о корнях армейского бюрократизма. Искать их, безусловно, следует в недрах административной системы. Волокита, бумаготворчество, телефонomanия, протекционизм и другие извращения в работе военных кадров — всего лишь следствие тотального обюрокративания государства, общества и Вооруженных Сил.

Для успешного противодействия военной бюрократии необходимо хорошо знать типичные черты ее механизма. Это спекулирование на объективных трудностях и лишениях воинской жизни; единовластие вместо единоначалия. Это заинтересованность в социальной и правовой незащищенности военнослужащих; ставка на «секретность» для прикрытия бесконтрольности; использование фактора бдительности для ограничения гласности. Это, наконец, подчинение демократических институтов воинских коллективов должностным лицам; произвольное толкование правовых норм,

регламентирующих жизнедеятельность войск.

Тяжелая болезнь редко проходит без осложнений. Господство бюрократии привело к дегуманизации воинских отношений, нивелировке личности. Последствия — хуже некуда: «дедовщина», хамство, чинопочитание, формализм. А можно ли было ожидать чего-то другого от системы, которая выносит за скобки своих интересов конкретного человека с его заботами, проблемами и радостями, видя в нем лишь носителя определенных служебных функций? О какой гуманности можно вести речь, если даже сегодня, на шестом году перестройки с ее вниманием к «человеческому фактору», офицеры, прапорщики, солдаты, потерявшие здоровье в чернобыльской зоне, рисквавшие жизнью в горячих точках балансирующего на грани гражданской войны Отечества, не могут добиться узаконенных правительством льгот?

...Два с половиной года командир взвода старший прапорщик А. Павлов выполнял воинский долг в тридцатикилометровой зоне Чернобыльской АЭС. По возвращении был назначен на должность контролера — в ИТК, расположенную в «грязном» поселке. Начались мытарства, унижительные хождения по инстанциям с просьбой о переводе в другой, «чистый», район: Чернобыль отнял все здоровье, оставаться на зараженной местности — равносильно самоубийству.

Во время отпуска Павлов рискнул поехать на прием к начальнику УВВ по Украинской ССР и ССР Молдова. Три дня ждал аудиенции, ночевал на вокзале (в гостиницу устроиться не удалось), да так и не дождался. «Своих дел полно, неужели не ясно?» — упрекнул прапорщика в отделении кадров полковник А. Пекельный. Уехал Павлов с камнем на сердце, но все же решил не сдаваться. После отпуска начался новый круг хождения по мукам, который в конце концов завершился долгожданным переводом. Справедливость восторжествовала. А какой ценой! Черствость, равнодушие, вопиющее беззаконие подкашивают человека порой сильнее, чем радиация.

Однако бюрократам на это наплевать, нравственных категорий для них не существует. Все приносит в жертву инструкции, «высочайшему» мнению. И противостоять такой системе в одиночку очень трудно. Оклеветает, сломает, сомнет.

И ТАК, сделав шаг от частных суждений и оценок к общему выводу, попробуем определить главный феномен военной бюрократии. Он заключается в корыстном использовании состояния жесткой управляемости: людьми и обстоятельствами их службы, в спекуляции на слабости и несовершенстве механизма правового регулирования воинских отношений, в воспроизведении способов и приемов, подменяющих принцип права должностным положением.

Вопрос вопросов: как вести борьбу с бюрократизмом? И можно ли вообще уничтожить это зло? Как ни странно, многие предлагают несложный рецепт: провести комплекс мероприятий в частях и соединениях, сократить число приказов, инструкций и параграфов, снизить вал бумаг по отчетности — и можно заказывать лавровые венки победителям многоголовой (и отнюдь не мифической) гидры. Смею заверить, все не так просто, как кажется оптимистам. Сорвем верхки — новые вырастут, если корешки останутся нетронутыми. И потом: бюрократизм в принципе до конца преодолеть невозможно. Пока существует разделение труда на управленческий и исполнительский, будут сохраняться лазейки для бюрократических извращений. Так что останемся на позициях реализма, имея в виду лишь ограничение устремлений бюрократии в социально неопасных рамках. Этого можно добиться путем постепенной замены старых механизмов регулирования воинской жизни новыми, более совершенными в правовом, социально-психологическом и нравственном отношении.

Вот тезисный набросок антибюрократической программы.

Прежде всего необходимо на деле обеспечить гарантированную защиту прав военнослужащего, надежно оградить его законом от административного произвола отдельных руководителей. Далее. Как воздух нужны социальные ограничители бюрократической стихии (телефоны доверия, регулярные отчеты командиров и начальников об их общественной работе, проведение и обнародование опросов общественного мнения и т. д.). Демократическим институтам Вооруженных Сил, внутренних войск надо предоставить право самостоятельного, автономного функционирования. Узаконить для собрания военнослужащих процедуры, ограждающие от давления сверху, когда речь идет об интересах коллектива, не противоречащих руководящим документам.

«Вашими бы устами...» — предвижу скептические улыбки. — Бюрократия прекрасно знает свои слабые места и в любой момент готова упреждающим маневром обезопасить фланги.

Неужели борьба с бюрократизмом в армейских условиях заведомо обречена на поражение? Да, если каждый из нас будет отсиживаться в окопах, ожидая, пока кто-то принесет на блюдечке с голубой каемочкой свежие плоды демократии. Чтобы потеснить государственного, военного бюрократа, окончательно лишив его монополии на власть, необходимо осознать себя не только объектом, но и субъектом преобразований. Безусловно, это нелегко, но иного выхода нет.

Человек измеряется не с ног до головы, а с головы до неба, говорил Конфуций. Не пора ли голову поднять?

Полковник А. ШАХОВ,
кандидат философских наук.

ДУБЛЮЩИКА

БОЛЬШЕ ТЕНИ. БОЛЬШЕ СОЦИАЛИЗМА?

Лозунг «Больше света — больше социализма!» ныне позабыли. Заглядывая с тусклым фонарем гласности в теневые структуры общества, наши чиновные ученые видят теперь прообраз эффективной экономики именно там. Нас убеждают: под черной маской мафиози скрывается довольно симпатичное, хотя и немного усталое от борьбы с застоем лицо потенциального спасителя Отечества.

Популяризируется мысль о том, что на Западе к теневой экономике относятся только наркобизнес, руководство сомнительной индустрией развлечений и т. п. Что же касается нас, то «теневая экономика — нормальная экономика, действующая в ненормальных условиях». Верно ли это? С такого вопроса наш обозреватель Ю. Воробьевский начал беседу с начальником отдела исследований чрезвычайных ситуаций НИИ МВД СССР В. ОВЧИНКИМ.

— «Нормальна» ли экономика США? Тем не менее, по данным американских специалистов, государством не контролируется оборот, составляющий 15 процентов от национального дохода страны. Это — не считая наркобизнеса! Аферы в строительстве, банковская спекуляция валютой, уклонение от налогов... Теневая экономика — не советская специфика, против нее государственные структуры ведут жесткую борьбу везде.

Кроме того, под красивыми вывесками честного бизнеса нередко идет вторичное или третичное отмывание тех же наркодолларов. Для исследования подобных тенденций в 1982 году в США была создана комиссия, возглавлявшаяся Дж. Бушем, тогда вице-президентом США. Она выявила, что прачечной для наркодолларов только в Штатах стали около сорока банков.

А в 1986 году в Нью-Йорке вышла книга известного криминолога Д. Миллса, который в этом ряду назвал также швейцарские банки.

- Владимир Семенович, о каких суммах идет речь!
- По данным той же комиссии Дж. Буша, годовой доход

одного лишь Медельинского картеля составляет 100 миллиардов долларов. И эти деньги постоянно куда-то вкладываются. Мы же, прежде рисуя всех банкиров акулами империализма, теперь склонны видеть в них исключительно порядочных людей.

Крупные чины швейцарской полиции, например, подтвердили факты крупномасштабных спекуляций с рублями. В них замешаны весьма сомнительные силы вплоть до Медельинского картеля.

Это подтверждает: происходящее у нас нельзя рассматривать в отрыве от мировых процессов. О связях наших и зарубежных преступников мы скоро все услышим. Подобные уголовные дела станут достоянием гласности.

А что означает погнавшая на страницы прессы информация о попытках создать могильники радиоактивных и химических отходов на советской территории? Этот теневой бизнес стал в США, например, уже более прибыльным, чем связанный с наркотиками.

Выходит, если у теневой экономики и есть «человеческое лицо», то это то самое лицо, которое изобретено на пиратском флаге — «веселом Роджере»!

— На Западе мафии посвящено множество публикаций. У нас же, судя по прессе, наложено табу на системный прогноз возможного слияния стечественного и мирового преступного мира.

— Более того, в средствах массовой информации все чаще звучит голос таких экономистов, как С. Меньшиков: теневики, дескать, это те самые предприниматели, которых нам не хватало. Пусть они нарушали застойные законы, зато ведь выпускали нужную людям продукцию.

— О том, как мафия строит целые жилые кварталы в Италии, хорошо пишет в своей книге судья из Флоренции Р. Минна. Здания, скрепленные замешанным в основном на песке раствором, после землетрясения рассыпались. Как тут не вспомнить Армению, где произошло то же самое!

— Неподконтрольные государству действия не нормированы вплоть до последней технологической операции. Так что потребитель теневой экономики рискует так же, как покупатель на бывшем Рижском рынке. Нет контроля — нет и ответственности. Есть только стремление к сверхприбыли. И при «нормальной» западной экономике он побуждает действовать «в тени» весьма большое количество дельцов. Возможно, кстати, что при честных правилах игры они бы и не выдержали конкуренции с теми, кто подконтролен обществу. Боюсь, и в отношении наших «гениев коммерции» верна формула: не воруя у

государства, невозможно конкурировать с ним.

Кроме того, люди, которые не были законопослушными при Брежневзе, не станут таковыми и при либерализации экономики. Они своего рода социально-экономические мутанты. Опыт Запада показывает со всей очевидностью: они никогда не смогут выйти из тени на свет божий — какими бы законы ни были «хорошими».

Да, хотя некоторые ученые пытаются убедить нас, что теневая экономика — это результат отсутствия частной собственности. Именно так сказано в программе «500 дней», которую по заданию Правительства СССР мне довелось анализировать на предмет криминологических последствий.

Конверсия теневой экономики названа в этом документе одним из главных факторов ресурсного обеспечения программы. Особенно интересен раздел о конвертируемости рубля. Чтобы поднять его престиж, предложено запретить хождение на внутреннем рынке иностранной валюты. Западным инвесторам все сделки следует совершать в рублях. В то же время советским предприятиям и организациям можно иметь валютные счета. Естественно, все они окажутся в зарубежных банках, поскольку здесь с ними делать нечего.

Что дальше? Инофирмы начали бы активно скупать наши деньги по ценам черного рынка (понятно, у кого). СССР превращается в рублевый заповедник. Если учесть, что сейчас за доллар уже пятьдесят рублей дают, то возникает механизм для рекордно дешевой скупки нашего сырья. Формируются отличные условия и для приватизации: рубли дешевы, а ограничения на участие зарубежного капитала в создании акционерных предприятий отменяются.

— Владимир Семенович, вызывали ли подобные ваши оценки возражение?

— Возникли довольно странные вопросы: будут ли бизнесмены покупать наши дымящие химические фабрики? Отвечаю: именно их-то и будут. Во-первых, в своих странах дыма им не надо, а, во-вторых, только у нас можно производить, например, некоторые наркотики.

— Почему только у нас?

— Еще несколько лет назад появилась информация о том, что в ряде московских и ленинградских институтов были получены уникальные вещества. По галлюциногенным свойствам они близки ЛСД, но в некоторых случаях не дают эффекта привыкания. Технологи» рассчитана на сырье, которое есть только у нас...

Это, конечно, только частный пример. Наиболее же циничные наши оппоненты возражают так: пусть распродается страна, зато колбаса будет. И вообще, что в подобных сделках противозаконного? Назовите статью!

Называю — статья 69 Уголовного кодекса РСФСР. Она предусматривает наказание

за вредительство, направленное на умышленный подрыв экономического потенциала Советского государства.

— Владимир Семенович, насчет вредительства — не слишком ли сильно сказано!

— Судите сами. По программе «500 дней» государство полностью лишается валюты. Все валютные операции передаются зарубежным банкам. Выброс к нам товаров пойдет, а эмиссии долларов не будет, поскольку их не придется печатать для ввоза в СССР. В итоге вместо наметившегося кризиса американской экономики — резкое укрепление доллара.

Еще вопрос: как стала бы инофирма аккумулятором рублевой массы? Путем вбрасывания в СССР неконкурентоспособного ширпотреба по крайне высоким ценам (сигареты, спиртное, синтетика). В результате происходит «удушение» советского производства товаров группы «Б». Стимулируется развитие добывающей промышленности, экологически вредных производств.

Когда минувшей осенью возник этот прогноз (вплоть до регулирования Западом нашей структуры производства), мы и представить себе не могли, как скоро это может произойти. На 140 миллиардов можно было наворочать много.

Не означает ли все это попытку вползания в еще более глубокий кризис, чем был при Брежневле?

140-миллиардная сделка сорвалась, но подобные ей — только более мелкие — совершаются...

Отказ от централизации валютных поступлений — огромная ошибка. Мы и золото вынуждены продавать не только из-за сокращения добычи нефти, а и по этой причине. По сравнению с тем, как поступают во время финансовых трудностей за рубежом, у нас все сделано наоборот. Во Франции, например, в 70-е годы ввели жесткий, централизованный валютно-таможенный контроль. Он действует до сих пор. Внедрено электронное слежение за сделками, на каждую заведено досье. Сотрудники этой службы располагают широчайшими правами — вплоть до обыска любого лица.

Но попробуйте заговорить сейчас о чем-то подобном у нас! Сразу закричат о возвращении авторитарного режима.

Привыкшие покупать себе «мерседесы» директора заводов, кооп-перекупщики вроде А. Тарасова — долговременное наследие бездумной либерализации. Компрадоры, опьяневшие от экономического беспредела, будут оказывать бешеное сопротивление попыткам государства навести порядок. И — через средства массовой информации блокировать сознание людей разговорами о свободе на Западе и несвободе в «совдепии». Но такой свободы для сомнительных дел, как сейчас в СССР, нет, пожалуй, нигде. Наша страна — это система со сломанными фильтрами. И через них

можно прогонять, запихивать в нее и наркотики, и радиоактивные отходы, и черные капиталы. Сомнительное место в мировом разделении труда!

— Приведенный вами, Владимир Семенович, пример Франции показывает: наши либералы-западники в сторону Запада смотрят как-то очень избирательно. Обращают внимание только на то, что ведет к деструкции, не замечая полезного.

— Это касается и идеи формирования межрегиональных подразделений по борьбе с организованной преступностью. Мировой опыт убеждает: региональные структуры, на которые могут оказывать давление местные власти, неэффективны. Службы ФБР подчинены только центру. Но в то же время некоторые республики у нас выступают категорически против межрегиональных подразделений на своей территории! Дескать, этим ущемляется суверенитет.

Вообще я поддерживаю практику президентских указов. Только вот в чем проблема: появился хороший указ по борьбе с экономическим саботажем, а соответствующая норма в закон не вносится. А ведь Президент имеет право сначала ввести норму, а потом поставить ее на утверждение.

Время не ждет. Теневики изобретают все новые механизмы обхода законов.

— Пока мы рассуждаем о суверенитете, децентрализации, самоуправлении, они гетоят в нашей стране не только радиоактивные могильники, но и могильник для самой нашей государственности.

— Колумбийский вариант по существу у нас уже существует на региональном уровне. Происходит огосударствление мафии. Не только в том смысле, что она подкупает аппарат, а в том, что власть становится она сама.

Эти тенденции мы отметили еще в 1989 году. Тогда мы сформулировали периодизацию общественно-политических процессов в ряде республик примерно так.

Первый этап. Возникают движения типа Народного фронта в поддержку перестройки. Лидерами зачастую становятся представители творческой интеллигенции. В широких массах популярны призывы борьбы с мафией, коррупцией, дефицитами и экологическими язвами.

Второй этап. Общедемократическое движение перерастает в национально-демократическое. Речь заходит о региональном хозрасчете, критикуется централизованная система управления. Среди лидеров появляются лица с явно антисоциалистическими взглядами и дельцы теневой экономики.

Третий этап. Демократические начала постепенно вымываются. Формируется образ врага — либо в центре, либо по соседству. Создаются формирования «для самозащиты». Лидерами становятся националистически настроенные буржуазные радикалы.

— Теперь, Владимир Семенович, можно сказать, что периодизация верна?

— Обратите внимание: происходит «перехват команд». Там, где имелось в виду обновление социализма, начинается его устранение. Как только речь зашла о возрождении национального самосознания, одной из первых отреагировала на это мафия. Она ведь всегда была достаточно интернациональной. Например, карабахский (армянский) клан делил прибыль с бакинским (азербайджанским). А тут вдруг пошла ориентация на Ереван. Здесь очень пригодились и полузабытые территориальные споры.

Недооценивать влияние мафии на проблемы, которые принято считать межнациональными, нельзя. Задуматься об этом заставляет и такое «совпадение». Наиболее крупные межэтнические столкновения в Средней Азии, требующие привлечения больших сил правопорядка и армии, начались в последнее время именно в сезон уборки опиумного мака.

— Но ведь от хронической нестабильности прибыль теряет и мафия?

— Да, поначалу в Армении и Азербайджане, например, взаимный сгон «инородцев» позволил на их грабеже огрести преступникам миллиарды. Однако затем, я знаю, масштабы нестабильности взволновали даже мафию. Она предпринимала попытки навести порядок. Не удалось.

— Очевидно, включилась еще какая-то сила!

— Как-то все получается по сценарию З. Бжезинского, написавшего еще в 1986 году: «Поощряя требование нерусских национальностей к большему уважению их национальных прав, нужно постепенно переориентировать политические процессы в Советском Союзе на сложный и поглощающий силы вопрос, отражающий самую суть современной политической системы, а именно перераспределение политической мощи.

Очевидно, что с точки зрения Запада было бы желательно, чтобы главной заботой советских руководителей стала именно эта проблема, а не проблема экономических реформ, решение которых может усилить способность к соревнованию с США».

...Надо сказать не только о международной интеграции преступного мира, о его блокировании с националистами, но и его политических пристрастиях.

Я не случайно упомянул об импульсах из Боливии, Южной Африки... В этих и других регионах после разгрома фашистской Германии было образовано немало немецких колоний. И они вприсынули в местный преступный мир не только капиталы третьего рейха, но и идеологию. Думаю, можно допустить организацию ими борьбы с помощью наркотиков против «ялтинских хищников»—США, СССР и Англии.

— Известным стало выступление по ко-

лумбийскому телевидению одного из главарей наркомафии К. Ледера в 1985 году. Восхваляя Гитлера, он угрожал войной президенту собственной страны, а также США.

— Кстати, и в СССР—ценности, которые гитлеровцы не сумели вывезти из Прибалтики,—стали начальным капиталом для организованной преступности. Не стоит забывать и того, что самые крупные формирования СС из местного населения на территории Советского Союза также были в Прибалтике.

— Однако вернемся к теме «мафия и власть». Можно привести более частный, но конкретный пример на эту тему. В публикации «Гнездовья на Арбате» рассказывалось, как теневики взяли под контроль комитет самоуправления в столь оживленном микрорайоне. Если в 1905 году в лице Совета рабочих в Иваново-Вознесенске появился зародыш Советской власти, то здесь—зародыш государственной власти мафии.

— «Самоуправление»—идеал авторов «500 дней». Похоже, самоцель для них—разрушить коррумпированный централизованный аппарат. Можно подумать, что децентрализованные структуры подвержены этому злу в меньшей степени. Если первые, по нашей оценке, были достаточно коррумпированы в годы застоя, да и сейчас, то вторые проявляют, пожалуй, даже больше прыти.

— Владимир Семенович, надо определить с понятием «коррупция».

— Существуют документы ООН, которые не рекомендуют облеченным властью людям заниматься бизнесом. А у нас что? Сотрудники многих райсоветов Москвы чуть ли не поголовно участвуют в коммерческих структурах. По международным стандартам это и есть коррупция.

— А по нашим!

— Нарушение постановления Совмина СССР, которое запрещает совмещение двух руководящих постов.

...Говоря о свободе, кое-кто, видимо, действительно подразумевает и свободу от всех цивилизованных норм. Только ведь стихийного рынка сегодня быть не может. Он будет регулироваться либо демократическим государством, либо—мафией.

У НАС В ГОСТЯХ ГАЗЕТА «ДЕНЬ»



В январе нынешнего года появилось на свет новое издание Союза писателей СССР — газета «День». Этому событию предшествовала почти детективная история. Среди бела дня, на глазах у не искушенных в юридических тонкостях писателей украли орган СП СССР — «Литературную газету». Коллективным вором оказались несколько десятков честолюбивых и не очень чистоплотных журналистов, составляющих редакцию «Литературной газеты». Они объявили, что Союз писателей, объединяющий десять тысяч человек, имущественных прав на свою газету более не имеет. Вот так — просто и изящно — совершено было преступление, которое в нашем правовом государстве таковым так и не было признано.

Союз писателей СССР вынужден был создать свою новую газету — «День», возглавить которую было доверено известному советскому писателю Александру Проханову.

Десятки, а может, и сотни самых различных по своей политической и идеологической ориентации газет появились и появляются в последние месяцы в нашем большом обществе. Какие-то из них не скрывают своей радости по поводу мук, переживаемых страной, другие деловито зарабатывают деньги, обслуживая крепнущую советскую буржуазию, третьи пробавляются порнографией...

«День» занимает свое, особое место с этой вакханалией гласности. Газета не скрывала и не скрывает под ширмой «беспристрастности плюрализма» своей позиции, своей идеологии, своих принципов.

Кредо «Дня»: только сильное общество может быть уверено в своем завтрашнем дне. Но сильное общество невозможно без сильного государства. Только мощное государство может гарантировать безопасность своих граждан, стабильность социальных и правовых институтов, развитие экономики и культуры. Только сильная держава может обеспечить реальную, а не иллюзорную свободу личности в рамках национального.

Газета «День» против бюрократического застойного социализма, но она и против анархической, дикой капитализации страны, проводимой ныне под знаменем ускоренного построения «рыночной экономики».

Газета «День» против американизации нашей многонациональной культуры, против безудержной эйфории по поводу «примата общечеловеческих ценностей». Истинно общечеловеческими являются только те принципы, которые способствуют развитию исконно национальных, глубинных ценностей и традиций.

Газета «День» хотела бы стать выразителем мыслей и настроений всех истинных патриотов нашей великой Родины, которые гордятся своим прошлым, пусть порой и трагическим, чтобы уверенно ждать встречи с непростым будущим.

У газеты есть и своя растущая аудитория, которая не только читает «День», но и активно участвует в уточнении ее концепции своими материалами, советами, пожеланиями.

«День» — газета для реалистов, твердо стоящих на своей земле; для всех, кто не забывает о священном слове — Родина.

Ответственный секретарь
редакции газеты «ДЕНЬ»
Евгений НЕФЕДОВ.

Александр ПРОХАНОВ,
Шамиль СУЛТАНОВ

ИЗМЕНИТЬСЯ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ

К теории переходного периода

Теперь, когда мы в голоде, в кровопролитии, в разрухе, среди остановленных заводов и застывших топок, когда отвратительные митинги парализуют центры больших городов, а безответственные парламенты парализуют любое движение власти, когда у нас нет союзников, а наш новый великий партнер бомбит с нашего молчаливого согласия малое, еще вчера дружественное нам государство, когда правительство становится вечно зременным, а верховный правитель бездействен и вял, словно у него отняли волю, когда народ, еще вчера бунтующий, дерзкий, сегодня, измученный, обескровленный, поставлен в бесконечные голодные очереди, готов к любому насилию, к любой лжи, — сегодня все громче, ярче и искусительней звучит формула неосталинизма.

Ошельмованный либеральными идеологами, отвергнутый коммунистами, выставленный на посрамление среди мировых извергов и палачей, Сталин странно и неумолимо встает над поверженным государством как огромная туманная статуя, и в этот плотнеющий бронзовый туман все пристальней, все с большей страстью и верой вглядываются люди, стараясь в нем, в этом воскресающем кумире, отыскать последнюю надежду для гибнущего государства.

Неужели тому и быть? Неужели нам снова идти монолитными толпами, оглядываясь на своих конвоиров, выламывать из своих ребер заводы и космические корабли, работать в шарашках над технетронными технологиями, отнимать у детей последний кусок, чтобы были сыты ученики и летчики, и в конце пути, когда будут такими близкими и достижимыми великое го-

сударство, великая промышленность и наука, когда исчезнет страх оказаться на задворках истории — вдруг убедиться, что нас уже нет, народ исчерпал себя, превратился в дым, в ничто, израсходовался весь в неосталинистском насилии?

Сегодня, когда либералы, потеряв все зубы, кусают «государственников» пустыми деснами, когда «государственники», страшась содеянного, пугаясь изувеченного народа, вот-вот набросят на страну большой намордник, пока не поздно нам следует вернуться к тому, с чего мы безуспешно пытались начать когда-то, шесть лет назад, стремясь исследовать наши пути и задачи, — сформулировать теорию переходного периода и бережно, не теряя ничего из остатков прошлого и приобретенный настоящее, начать конструирование нового государства и общества, восстанавливающего нас как полноценного носителя родной культуры, как полноценного участника мировой истории.

Каждое общество на пути от одной социально-экономической модели развития к другой проходит определенный переходный период. В рамках этого периода формируются новые ценности и ориентиры, изменяются экономический механизм и общественная психология, идеологические установки и социальные отношения, появляются новые слои в обществе.

От эффективности переходного периода зависит последующее развитие. В истории нашей страны правление Петра Первого является ярким примером целенаправленного переходного периода к новому состоянию. В то же время попытка спонтанной капитализации в

переходный период после 1861 года привела к появлению и нарастанию глубинных противоречий в обществе и революции 1917 года.

Немало государств двадцатого века, пережив глубокий упадок, болезнь, социальную смерть, нашли в себе силы воскреснуть, реорганизоваться, сменить тип развития, уклады, социальную психологию, пласты элиты и подойти к черте, за которой начинается качественно новый виток технотронной истории — подойти как мобильное, оснащенное общество, принимающее вызов нового тысячелетия. Западная Германия была разгромлена, расчленена и унижена — и возродилась. Япония испытала атомный ожог, лишилась экономического потенциала, ослепла, онемела — и возродилась. Чили пережила социалистический хаос, симптомы гражданской войны, провал в нищету и безвластие — и возродилась.

Что мы имеем? На какой площадке мы станем возводить наше сооружение? Из каких деталей и материалов? Какими силами и умениями? Где перечень оставленных нам возможностей?

Мы по-прежнему будем обладать стройплощадкой в седьмую часть мира, евразийским космодромом, с которого нам лететь в грядущее. Силы, разрывающие страну на части, покрывающие трещинами наше взлетное поле, слабее геополитической гравитации, собравшей нас некогда среди хребтов и океанов. Глубинные поля притяжения стяннут нас вновь в единое государство. Невроз сепаратизма, истерия микрорправителей уступят место устойчивому сознанию нашего неразрушимого единства, сохраняемого на геополитическом и космическом уровнях.

Мы по-прежнему будем обладать достаточными природными ресурсами, пусть замутненными, но великими озерами и реками. Таким же ресурсом станет этническая стомерность нашего населения, где каждый народ имеет свой драгоценный талант, свой способ думать, творить, трудиться, что обеспечит нам творческий экспромт, эффективную инвариантность в непредсказуемом будущем. Тем же ресурсом станут опыт нашего вселенского страдания, горьких неудач, умудренность в катастрофах, способность на жертвы и обретенные бережное отношение друг к другу и умение различить в вождях лжецарей и лжепророков.

Нашей главной бедой окажется нехватка интеллектуальных школ и проектов, способных сконструировать целостные модели развития. Нехватка новых организационных идей, соединяющих наших талантливых интеллигентов, незаурядных творцов и концептуалистов в штабы развития. Нехваткой же обернется отсутствие решительных и честных политиков, готовых взять на себя ответственность за будущее нашего государства, обладающих волей и твердой

властью, верных заповедям былых государственных кризисов, создавших страну.

В настоящее время ни одна партия в стране не способна выработать реалистическую программу переходного периода. Только сильная авторитарная власть национального согласия, кладущая предел бесплодному парламентаризму и безвременью, и будет конструкторским бюро, которое предложит народу стратегическую модель переходного периода.

Что в них, в этих первых набросках?

Мировая практика позволяет выделить три основных этапа переходного периода. На первом, в условиях углубления кризиса, идет интенсивный поиск модели развития, появляется авторитарный лидер, вокруг которого собирается новая политическая и интеллектуальная команда. Второй этап — это начало целенаправленных действий, связанных с реализацией стратегических программ, изменениями в экономике, идеологии, управлении социальными процессами. Начинается процесс интеграции в мировое разделение труда. Всяческое содействие оказывается той прослойке общества, которая обеспечивает эту интеграцию. Третий этап обычно характеризуется полным преодолением апатии общества, качественно новым вхождением в мировую экономику. Внутри страны авторитарное правление постепенно сменяется демократическим.

Сильная власть, опирающаяся на согласие измученного народа, на поддержку угнетенных и разоренных промышленников, на признание ученых и художников, вырванных из творческого процесса, власть, имеющая гарантию в армии, озабоченной безопасностью страны, что доведена до низших отметок, — такая власть начнет конструировать новую экономику, новый социум, новый многонациональный союз, осторожно и постепенно выводя из действия утомленные и омертвевшие элементы нашей угрюмой затратной экономики, наши мономерные структуры управления, выталкивавшие к руководству нацией вялых и продажных политиков. Как шахтеры, пробиваясь в толщу породы, подлирают свод крепями, меняют сгнившие и разрушенные, то усиливают, то ослабляют подпорки, так и мы станем продвигаться в грядущее, не повторяя абсурда перестройки, когда, врубившись в монолит, обрушили на себя весь жуткий свод нерешенных проблем.

Программа этой работы такого конструирования будет основываться на стратегическом планировании. Оно пронизательно всматривается в будущее, чувствительно к едва приметным далеким сотрясениям, мгновенно реагирует на возможные обвалы множеством предохранительных средств. Теория такого управления, добытая в глобальных проектах, военных и

мирных, в нашей цивилизации и в цивилизации наших соперников, — такая теория есть, и она будет изучаться и примериваться к нашим бедам, детализироваться и наполняться конкретным содержанием, станет в переходный период главным инструментом развития.

В рамках авторитарного режима переходного периода особую роль играют военные. Южная Корея. В переходный период действовали военные и полувосемные режимы Ли Сын Мана, Пак Чжон Хи, Чон Ду Хвана. Западная Германия и Япония. Переходный период разрабатывался и начинался в условиях оккупационного режима. Тайвань. Нацию в переходный период возглавила милитаризованная партия Гоминдан под руководством генералиссимуса Чан Кайши, затем его сына — Цзян Цзынго. Чили. Экономический рынок обеспечивала сильная личность — генерал Аугусто Пиночет. Испания. Реформы начались при генералиссимусе Франко. От гражданской войны страну уберегла армия, католическая церковь и ответственность новой политической элиты.

Исходным пунктом идеологии переходного периода было провозглашение легитимности авторитарного режима, обеспечивающего политическую стабильность. Такой режим признавался единственной силой, способной вывести страну из кризиса, а приоритетными ценностями провозглашались самоограничения на благо родины, эффективность труда, требовательность к себе и к другим. Доверие к авторитарной власти обеспечивалось общей для всех идеей выживания. Исторический стыд и комплекс неполноценности, переживаемые нациями в периоды крушений и кризисов, преодолевались за счет обращения взора к прошлому, возрождения сильного национального духа.

Системы осмысленных, сформулированных национальных интересов — вот чего нет у нас, самой огромной и многосложной страны. Потеря этих формул в годы революции, вторичное их возникновение в горниле Отечественной, с последующей постепенной утратой во второй половине века делают нас государством, блуждающим в потемках, обрекают на катастрофическую внешнюю и внутреннюю политику, военное строительство, порождают сумбур и разногласия в каждом новом поколении.

В переходный период на первых же ступеньках нам надлежит выработать общую формулу интересов и сделать ее составной частью стратегического планирования и управления вместе с провозглашенными идеалами и ключевыми ценностями. У каждой, даже самой маленькой нашей нации есть свои неповторимые националь-

ные интересы, национальный идеал, бережно сохраняемый, сберегаемый в коконе народной мудрости, в действиях национальной элиты. Безопасность — вот основа таких интересов: физическая, культурная, религиозная, экономическая, территориальная, футурологическая. Когда один из компонентов начинает страдать, угнетаться, нация протестует, сопротивляется, воюет, порождая вокруг себя расширяющееся поле конфликтов. Сегодня мы — гудящее конфликтами общество, не умеющее согласовать свои национальные интересы, поручающее их формулирование эгоистам, глупцам и преступникам.

Немедленный диалог армянина и азербайджанца, русского и литовца, грузина и осетина, узбека и киргиза — первое, что должна обеспечить жесткая и мудрая авторитарная власть, способствуя выработке каждым народом системы национальных интересов и побуждая одновременно искать пути их совмещения, формируя также систему общенациональных интересов нашего евразийского социума и систему глобальных государственных интересов страны, вынужденной интегрально выступать на международной арене. Такая шкала, такая менделеевская таблица идеалов и целей будет путеводной звездой для дипломатов, военных, идеологов, конкретных политиков. В этом миссия нынешнего поколения интеллигентов, разочарованных перестройкой, изнуренных враждой, жаждущих позитивного духовного вклада в судьбу измученной Родины.

В США тему национальных интересов в той или иной форме ведут практически все крупные университеты и исследовательские центры. Примерно раз в 15 лет полемика вокруг характера развития национальных интересов выплескивается из научных аудиторий на страницы газет и журналов.

Есть ценности, которые никогда и ни при каких условиях нельзя терять. Например, после окончания мировой войны США проникли, казалось, во все поры поверженной и сокрушенной Японии. Однако в японскую банковскую систему они не были допущены! Разрушенное вроде бы до основания общество через свою интеллектуальную элиту сохранило предостережение о глубинных национальных интересах.

Петр Первый осуществил свою революцию в России, конфликтуя с окраиной дезинтегрированной Европы, не питавшей больших интересов к семеновским и преображенским новациям русского царя. Европа давала Петру шанс для реформы, а семнадцатый век накопил для него обильные ресурсы национальной энергии.

Сталин занимался своей жестокой социалистической реконструкцией, имея соседями обессиленный, утомленный депресси-

ями, кризисами, послевоенной разрухой мир, в котором возникали военные гиганты Германии и Японии. У Сталина было историческое время и колоссальный ресурс неизрасходованного этноса, который он кинул в камнедробилку социалистического обновления.

Нам же, в нашей нищете и разрухе, предстоит ныне действовать на фоне мощных, цветущих цивилизаций, взирающих на нас как на объект экспансии, не желающих нашего величия, готовых пользоваться любой нашей слабостью, выстраивая нас по своему произволу, ведя нас к целям, для нас загадочным.

Наш переходный период затевается в опасном для нас геополитическом пространстве, требует сверхчуждости и внимания.

Мы станем строить свой социум, свою экономику и промышленность в пору оскудения энергоресурсов. Русская, татарская, азербайджанская нефть кончатся. Ближний Восток с арабской нефтью оккупирован Америкой, и нам предстоит осуществить развитие в период острейшего энергетического кризиса, когда моторы и паровые турбины будут вращаться все медленней, когда в мире может развернуться невиданная ранее борьба за энергию, чреватая агрессиями и войнами, глобальным столкновением Севера и Юга, когда на наших границах появятся новые государства — обладатели ядерного оружия.

Мир проходит очередную технологическую революцию. Создаются новые типы обществ, где новые технологии, помноженные на открытия в сфере социальных наук, позволяют добиваться высочайших темпов прогресса, управлять развитием собственным в своих интересах и развитием неудобных соседей, замедляя его, направляя по ложному следу. Военная мощь соседей, обеспеченная экзотическими технологиями, равнодушная к пипифаксам «нового мышления», станет серьезной угрозой для нашей безопасности, потребует трат на оборону, что может продлить переходный период, отвлечет драгоценные средства от основных магистралей развития. Концепция сильной обороны, подорванной ныне неумелой конверсией и безоглядным разоружением, должна быть частью теории переходного периода.

Многие страны послевоенного мира так или иначе возводились из праха Америкой. Нам же не придется рассчитывать на Соединенные Штаты. Не в их интересах видеть могучего евразийского гиганта, сохранившего свою неповторимую духовную сущность, неповторимый идеал блага, формулу социальной справедливости, отрицающую олигархическое подчинение слабого сильному, бедного богатому, неудачника счастливцу. Нам придется, в который уж раз, опираться на себя, на свой исторический опыт, физический и моральный потенциал, вынуждая мир делиться с нами своими открытиями лишь в той мере, в

какой это необходимо для общей безопасности.

В нашем случае важно также осознать, что в новых геополитических реалиях, быть может, еще более конфликтного XXI века мы остаемся самобытным социумом с уникальной духовно-социальной миссией. Равно открытые для Востока и Запада, создав на бескрайних евразийских просторах единственную в своем роде культуру многонационального общезития, мы, быть может, даем будущему миру надежду на спасение. И если возобладает другая социальная культура, а эта будет истреблена и выветрена, мир, возможно, ждет катастрофические потрясения. Вот почему, действуя во имя своего социума, во имя сохранения социальной мечты, идей терпимости, добра и блага, мы будем действовать в интересах планеты в целом, человечества в целом.

Переходные периоды в истории различных стран XX века инициировались разнообразными кризисными событиями и катастрофами. После великого спада 1929 года в США была разработана новая-неокапиталистическая — модель экономического и социального развития, основанная на стимулировании массового потребления.

После второй мировой войны США через план Маршалла и другие крупные программы предложили свою модель странам Западной Европы, Японии, а позднее — Южной Корее и Бразилии, Тайваню и Турции, Чили и Малайзии. Для этих стран модели переходного периода были сконструированы извне — американской цивилизацией, американскими интеллектуалами именно потому, что это соответствовало долгосрочным глобальным интересам Соединенных Штатов.

Режим, который займется мучительной реконструкцией, сменив нынешнее апатичное правление, деморализованное неудачами, связанное психологически с провалившейся перестройкой, — этот режим станет синонимом эффективного управления. Не сатрап, не вождь, не верховный жрец станет добывать себе смиренных и податливых управленцев, а само управление, научное, стратегическое, проверив на практике свою результативность, коснувшись всех сторон жизни: экономики, культуры, глобалистики, — также управление станет продуцировать власть, продуцировать лидеров всех рангов и уровней.

В центре этого режима как минимум будут присутствовать три компонента — совет федерации, управляющий потоками национальных энергий, примиряющий межнациональные интересы, приводящий к гармонии и коллективному творчеству все народы нашей многоязычной Родины. Совет безопасности, откликающийся на внешние и

внутренние угрозы, самая страшная из которых — угроза отставания и деградации, умирание этносов, потеря потенциала и силы творчества. И совет развития — интеллектуальный штаб переходного периода, где концентрируется стратегическая мысль, конденсируется в сложных моделях социальный опыт всех слоев и сословий, выхватывается из небытия любая созидательная идея и направляется в творчество.

Среди зарастающих лебедой железных дорог, среди оголяемых, некогда заселенных пространств все еще есть очаги мощной жизни, животворящие индустриальные центры, дееспособное население, местные центры твердой власти. Эти зоны, эти неисхагнувшие полюса с прилегающими аграрными окрестностями станут базой нового развития. Туда, в первую очередь пойдут национальные ресурсы, там станут осуществляться экономические и социальные идеи, там воссоздастся идеология выживания, переходящая в идеологию развития. Эти зоны, нарастающая потенциал, захватывающая и оплодотворяющая соседствующую с ними пустыню, станут прообразами нашей будущей цивилизации. В ней усилиями авторитарной просвещенной власти будут возникать корпоративные структуры, связанные с местной экономикой, сельским хозяйством, культурой и управлением. Им, этим структурам, по мере их укрепления станет отдавать авторитарная власть свои права, демократизируясь постепенно, по мере вызревания ответственной демократии в трудовых коллективах, а не на митингах и парламентских говорильнях. Два встречных процесса — авторитарное конструирование и корпоративное самосознание — сольются в синтезе, венчая собой переходный период.

Главным регулятором экономического развития в переходный период выступает государство. Под государственным надзором тайваньская экономика эффективно преодолела основные экономические этапы переходного периода [земельная реформа, программа «замены импорта», создание экспортного потенциала], а ныне реализует программу «стратегических приоритетов», в число которых включено форсированное развитие таких отраслей, как телекоммуникации, информатика, новые материалы, автоматизированные системы и сложная электроника. И еще один важный штрих. Особое покровительство государства в Южной Корее, Бразилии, Малайзии, Египте получают те компании, которые работают на реализацию долговременной экономической стратегии.

Во всех государствах, идущих от упадка к благоденствию, опорой авторитарной власти становился класс буржуа. Этот класс культивировала и насаждала Америка в рамках американской модели глобального развития. Тот же слой внедряется в

нашу жизнь, возвращается на жирном бульоне распадающегося государства, вскармливается на телах государственных и экономических гигантов. Мы все чувствуем этот класс как враждебный, беззастенчивый, аморальный, действующий во имя неведомых, чуждых нам целей.

Это не наш путь, не наша модель, не наш «переходный период». Опорой государству в его необъятных сверхусилиях должен стать не наивный неоперившийся арендатор, не заезжий коммивояжер-финансист, а отечественная интеллектуальная элита, в первую очередь заинтересованная в развитии. Эта элита, успев народиться на месте истребленной в послереволюционные годы, став по многим параметрам ровень с миром, наделена государственной этикой, гуманитарным и технологическим знанием, близка к народу, связана с ним через структуры промышленности, армии и культуры. Создание слоя предпринимателей-патриотов — задача этой интеллектуальной элиты.

Интеллигенция, пусть измученная, пусть расщепленная на полюса, станет опорой для новой власти, наполнит советы и штабы, поведет народ к возрождению. К ней, интеллигенции, прошедшей сквозь ожог перестройки, следует подходить крайне бережно — как к единственному гаранту нашей будущей идеологии. Она, эта идеология будущего, покоясь с рефлексией саморазрушения, угрюмым индивидуализмом, станет взывать к понятным народу ценностям, окормляя народ идеалами света, добра, созывая народ на общий труд во имя достижимого блага, великой национальной мечты, в которую как исчезающий компонент входит всенародное коллективное действие.

В конечном счете весь переходный период будет направлен на единственное: воссоздать творческий потенциал народа. Целые периоды нашей истории были связаны с коллективным всенародным творчеством. Мы сотворили страну, состоящую из девяти часовых поясов, населенных множеством уникальных народов. Сотворили социум, одухотворенный идеалом добра. Сотворили космическую по своим устремлениям культуру. В недавнем прошлом мы сотворили Великую Победу, дважды на столетие выходили из небытия.

Мы стоим на пороге нового непознанного мира. Мы, измученные и искушенные, не растеряв своей веры, своей способности объединяться и действовать войдем в этот мир, что так пристально, то с недоверием, то благосклонно смотрит, как мы заносим ногу для первого шага. Мы делаем его, выдирая наши стопы из липкой топи безвременья. Мы выбираем не унижительную роль сателлита, не безнадежный путь диктатуры, но путь к просвещенному, самоорганизующемуся, творческому обществу.

ВОЕННЫЕ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Не секрет — вся тяжесть сдерживания межнационального противостояния лежит сегодня на плечах военнослужащих внутренних войск и Советской Армии. Они защищают людей и государственное имущество от экстремистов и бандитов. Однако вместо благодарности за предотвращение братоубийства их захватывают в качестве заложников, устраивают на них засады, осыпают градом камней и обливают грязью унижительных оскорблений. События в регионах высокой социальной напряженности и межнациональных конфликтов выявили, что участие войск в поддержании правопорядка нуждается в законодательном закреплении, а военнослужащим необходима социальная и правовая защищенность.

Под правовой защищенностью военнослужащих понимается наличие работающих законодательных актов, гарантирующих имущественное и материальное обеспечение их прав государством. Жизнь требует защитить военнослужащих специальной нормой закона. Законодатели должны принять закон, где посягательство на жизнь, здоровье, права военнослужащих и членов их семей в связи с принадлежностью к Вооруженным Силам СССР, войскам МВД, КГБ рассматривалось бы как отягчающее вину обстоятельство.

Однако мало оградить права военнослужащего от посягательств — необходимо обеспечить условия для их реализации.

Построение правового государства нельзя считать завершенным, пока специфические интересы военнослужащих не будут защищены так же надежно, как их общегражданские права.

Иными словами, в правовом государстве у военнослужащего и членов его семьи не должно быть проблем с жильем, дошкольными учреждениями, размерами доходов как во время службы, так и после нее.

Указом Президента СССР восстановлено обязательное государственное страхование военнослужащих и военнообязанных во время прохождения ими сборов, причем за счет Министерства обороны и внутренних дел, КГБ, других

заинтересованных ведомств. Такой вид социальной защиты существовал в годы становления Красной Армии, однако в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР в марте 1926 года социальное страхование военнослужащих было прекращено. Теперь военнослужащие и члены их семей вновь обрели право на государственную помощь.

Закон СССР о порядке обжалования в суд неправомερных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан, на военнослужащих не распространялся, поскольку процедура обжалования действий начальника установлена Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил СССР. Указ Президента и здесь восстанавливает справедливость. Другое дело, как скоро такое право будет закреплено в законодательстве, каков будет механизм его реализации. Однако следует подчеркнуть, что порядок обжалования действий начальника по команде не изменен. Обращение в трибунал будет выглядеть логичным и обоснованным, когда не срабатывает действующая система.

Часто, ратуя за социальную защищенность военнослужащих, прежде всего офицеров, забывают об одном из ее слагаемых — нормальном рабочем дне. Служебное время офицера в некоторых частях иногда составляет 340—360 часов в месяц, что превышает все разумные пределы. В разработанных с участием Главной военной прокуратуры и уже опубликованных проектах законов СССР, в частности о статусе военнослужащих, эта проблема разрешена: предусмотрено ограничить продолжительность рабочего дня и недели, еженедельно предоставлять дни отдыха. Но уже сейчас в армии и на флоте во многих учреждениях существует пятидневная рабочая неделя. Правда, для офицеров и прапорщиков строевых частей установлен рабочий и шестой день — так называемый парково-хозяйственный. Для работы в этот день офицеры и прапорщики привлекаются поочередно. Другое дело, что некоторые командиры в этом вопросе нарушают существующий приказ. Здесь свое слово должна сказать военная прокуратура.

Люди нередко спрашивают у работников Главной военной прокуратуры, когда же будет принят пакет «военных» законов: об обороне, о всеобщей воинской обязанности, статусе военнослужащего — нет ли здесь чьих-то происков или злой воли, ведь проекты хорошие. Став законами, они

значительно поднимут уровень социальной защищенности военнослужащих, помогут им с меньшими потерями выдержать переход страны к рынку.

Нет, чья-либо злая воля здесь ни при чем. У новых законов нет недоброжелателей или противников. Дело в том, что принятие этих законов до подписания Союзного договора вряд ли целесообразно: под крепкий дом нужен надежный фундамент.

А вот у действующих законов противники есть. Если раньше правовых актов, ущемляющих права военнослужащих, было немного, то сейчас, во время массовой «суверенизации» территорий районов, областей, республик, их более чем достаточно. Даже Моссовет внес лепту в ущемление прав военнослужащих, отказываясь выделять им и их семьям жилую площадь.

В период «войны законов» нижестоящие Советы присвоили право не выполнять решения и постановления центральных органов власти. И хотя прокурорский надзор за их деятельностью должны осуществлять территориальные органы прокуратуры, военные прокуроры в этой ситуации не бездействуют. Так, военный прокурор Московского гарнизона генерал-майор юстиции Л. Объектов предъявил иск Моссовету о ликвидации задолженности Министерству обороны в выделении жилья.

Для удовлетворения этого иска есть все законные основания, однако судебные органы поставлены в очень нелегкое положение. Если иск удовлетворить, по всей стране начнется цепная реакция: военные, ссылаясь на прецедент, потребуют возврата задолженности по жилью через суд... Судьба этого конкретного иска покажет, сколько еще нам идти к правовому государству.

Главную военную прокуратуру беспокоит рост правонарушений, связанных с уклонением от военной службы, дезертирством, чему в немалой степени способствует бездействие территориальных правоохранительных органов на местах. Нами совместно с командованием, органами внутренних дел предпринимаются меры по розыску и задержанию дезертиров и лиц, самовольно оставивших части, для привлечения их к уголовной ответственности. Розыском дезертиров занимаются также органы военного управления — военные комендатуры и военкоматы.

Богатый опыт военных прокуратур сейчас используется в горячих точках страны. В условиях блокады дорог, уличных беспорядков, межнациональных конфликтов деятельность территориальных прокуратур в некоторых регионах в значительной мере парализована, и, естественно, нагрузка на военные прокуратуры возросла. Это относится, в частности, к военной прокуратуре Степанакертского гарнизона, возглавляемой подполковником юстиции И. Лазуткиным.

Она содействует поддержанию общественного порядка, защите жизни и здоровья, прав и законных интересов граждан и военнослужащих. Работникам прокуратуры с учетом дислокации частей и подразделений внутренних войск приходится постоянно перемещаться по гарнизонам, выполняя различные следственные действия. Много времени и сил они отдают предупредительно-профилактической работе как в соединениях и частях внутренних войск, так и среди местного населения.

Жизнь все больше убеждает нас — необходимо создать военные прокуратуры, обслуживающие непосредственно внутренние войска. Ведь, например, в первые дни Великой Отечественной войны были приняты меры к приближению прокурорских органов к частям: от системы корпусных военных прокуратур как низшего их звена перешли к системе дивизионных прокуратур. Структурные изменения диктовались практическими потребностями частей. Создание прокуратур, обслуживающих внутренние войска, позволит следить за строгим соблюдением конституционных прав и законных интересов военнослужащих, от солдата до генерала. Тесное взаимодействие с командованием находящихся в войсках прокурорских работников сделает более действенным надзор, позволит принимать оперативные меры по пресечению нарушений законности, оперативно и качественно расследовать правонарушения.

Демократизация общества, создание правового государства, начавшаяся военная реформа выдвигают в ряд неотложных задач совершенствования прокурорского надзора в Вооруженных Силах.

Некоторые средства массовой информации периодически подбрасывают идею ликвидации военных прокуратур под предлогом повышения их независимости.

Да, мы за известную реорганизацию и повышение гарантий независимости военных правоохранительных органов. В то же время не вызывает сомнения, что, пока существуют экстерриториальные общесоюзные вооруженные силы, режим законности в них, защиту прав и интересов военнослужащих обеспечит только независимая от местных влияний централизованная система прокуратуры. Военные юристы руководствуются только Законом. В предвоенные годы, утверждая законность, военная прокуратура, как могла, против-

стояла репрессиям. Для прокуроров Н. Татаринцева, П. Павловского, Н. Кузьмина, С. Орловского и других, первыми открыто выступивших против репрессий, такое противостояние закончилось трагически. Но многих командиров, оказавшихся в поле зрения «органов» и потому фактически обреченных, удалось спасти.

В годы Великой Отечественной войны прокурорский надзор, наряду с обеспечением соблюдения правовых норм, имеющих первостепенное значение для боевых действий армии и обороны страны, сохранения военной тайны, снабжения войск вооружением, был направлен на исполнение правовых норм обеспечения военнослужащих всеми видами довольствия, а членов их семей — пособиями, правовых положений о льготах различным категориям граждан, на рассмотрение жалоб и заявлений воинов, их близких родственников. Важное место занимал надзор за соблюдением законности при рассмотрении уголовных дел в военных трибуналах и за исполнением приговоров.

Юристы военных лет — не только знающие свое дело специалисты, но и храбрые, мужественные воины. За боевые заслуги и личную доблесть в годы войны свыше 1800 человек были награждены орденами и медалями. Звание Героя Советского Союза присвоено А. Торопкину, М. Радченко, Г. Гапону, П. Власенко, А. Панихидникову и другим. Во имя Победы отдали свои жизни военный прокурор Черноморского флота А. Кошелев, заместитель военного прокурора Юго-Западного фронта Л. Калугин, заместитель военного прокурора Северо-Кавказского военного округа С. Кондратьев, десятки военных прокуроров объединений и соединений, военных следователей, технических работников военных прокуратур.

О качестве и оперативности следствия, строгом соблюдении конституционных прав и законных интересов граждан заботились военные прокуроры и следователи, которые перенесли все тяготы войны в Республике Афганистан. Обстановка существенно затрудняла осмотр мест происшествий, допросы свидетелей, особенно местных жителей. Неоднократно подвергаясь смертельной опасности, под обстрелами душманов исполняли служебный долг офицеры Д. Гелеверя, А. Пихуля, братья Воронины и многие другие. В неравном бою с мятежниками героически погиб следователь Баграмского гарнизона старший лейтенант юстиции Е. Евсеев, посмертно награжденный орденом Красной Звезды. Более 100 офицеров военных прокуратур награждены орденами и медалями за мужество и героизм при выполнении служебных обязанностей.

Как бы ни назывались офицеры воен-

ной прокуратуры — военнослужащими или лицами, приравненными к военнослужащим, без них не обойтись. Не могут правоохранительные работники нести все тяготы военнослужащих: беспрекословно следовать за войсками, периодически менять место жительства и испытывать прочие превратности службы — и оставаться на положении гражданских лиц. Если передать военную юстицию территориальным органам, оголится сложнейший участок законности, откроется путь к росту преступности, долежу армии. К тому же это отрицательно скажется на обеспечении социальной защиты военнослужащих.

У нас сейчас и так сложное положение с кадрами. Нынешняя система комплектования военных прокуратур за счет выпускников военного института себя не оправдывает. Практически отсутствует шестая часть следственного аппарата, пятая часть работает только потому, что принуждена к этому по призыву на военную службу. Половина молодых офицеров стремится перейти в более спокойные и лучше оплачиваемые штатские условия. Огорчительна близорукая скупость в материальном стимулировании офицеров военных прокуратур. Из двух с половиной сотен выпускников военного института за три последних года половина ушла в науку, управленческие кадры и в гражданские организации. Поэтому есть настоятельная необходимость создания специального учебного заведения по подготовке военных юристов. Как нам представляется, этим заведением могла бы стать возрожденная военно-юридическая академия.

Сегодня мы видим: углубление экономического кризиса, всплески сепаратизма, воинствующего национализма и антисоветизма отражают обострение политической борьбы. Причем это борьба не нового и старого, не сторонников и противников перестройки. Это борьба за руководство перестройкой между силами, стремящимися сохранить Союз и социалистическое русло преобразований, и теми, кто хочет ускоренной капитализации общества, что невозможно без устранения союзных органов власти и государственных структур.

В этих условиях огромная ответственность ложится на союзные правоохранительные органы, в том числе и на военную прокуратуру, которая, опираясь на гласность, будет неукоснительно добиваться выполнения требований Конституции СССР и общесоюзных законодательных актов в Вооруженных Силах и внутренних войсках МВД СССР.

Генерал-майор юстиции А. БОРИСКИН,
старший помощник
Главного военного прокурора.



Петр ДМИТРИЕВ

Петр ДМИТРИЕВ родился в 1934 году в селе Сиротино на Луганщине. Четверть века прослужил во внутренних войсках. Прапорщик в отставке. Он участвовал в 1 се-

минаре литераторов войск, дважды становился лауреатом литературных конкурсов нашего журнала. Живет в подмосковном городе Дмитрове.

ТРУДНЫЙ ХЛЕБ

* * *

*От скверны очищаясь споро,
Клеймим посмертно палача.
Здесь постарались резонеры
И накорезили сплеча!*

*Запрета нет, и нету квоты,—
И изощряются умы,
Тщась доказать: повинен кто-то
В невзгодах наших, но не мы.*

*И нет проблем. И нет печали.
Безгрешны все до одного.
А мы всю жизнь «ура!» кричали.
«Ура!» И больше ничего.*

* * *

*Когда в стране дошло до дележа
Житейских благ, постов и
привилегий,—*

*Вам выпало податься в сторожа
И в дворники, армейские коллеги.*

*Вы честно дело делали свое,
Но в эйфории нового процесса
Оклеветало армию жулье,
Оболгала коричневая пресса.*

*Погоны снять — не стоило труда:
Пусть с горечью, но все ж приказу
вняли.*

*Да только не припомнится, когда
Коней на переправе бы меняли.*

ПРАПОРЩИК

*Иду селом.
Подслеповато,
Как любопытная родня,
Оконцами взирают хаты
На возмужавшего меня.*

*А земляки ко мне с приветом,
И не волнует их вопрос —
Чего достиг я в жизни этой
И до каких высот дорос.*

*Иные, знаю, преуспели —
Машины, дачи там, чины...
А на моих погонах еле
Две мелких звездочки видны.*

*Две самых маленьких.
И это,
Считай, достиг я потолка.
И на погонах — ни просвета,
И на груди — ни ордена.*

*Не скопидомил я, родные,
Не превышал свои права,
Не ел украдкой, как иные,
Свой трудный хлеб из рукава.*

*Зовете в гости — так вот это
Иных наград дорожке мне.
Усажен чинно под портреты
Тех, кто остался на войне.*

ТЕПЛОВОЗ

Всю жизнь его манили рельсы,
И мчал по ним он день и ночь,
Как вдруг подъем в привычном

Не стало силы перевозмочь.

В депо ремонтная бригада
Лечить пыталась, только зря
Мудрили много суток кряду
Над ним, остывшим, слесаря.

Отбегал он свое по свету,
Вода составы в поводу...
И, право, лучше доли нету,
Чем кончить век свой
На ходу.

БРАТ

Из козвей шерсти мама рукавицы
Трехпалые сработала, и тут
Задумал я:

«К дядьям—пусть так случится,
А нет,
так к братьям старшим—попадут!»
А над посылкой убивалась мать:
«Бойцам на фронт...
и нечего послать».

Мы стерпим все.

Умрем от голодухи,
Замерзнем от колодца на пути.
Не дрогнув, мы снесем любые муки,
Но этого вовеки не снести:
Чтоб поле наше, тропку у реки
Чужие попирали каблуки!

А над страной

опять вставало солнце,
И «кто кого» не возникал вопрос.
Желудок набивая чем придется,
Как ни спешил, я все же слабо рос.
А надо было, надо торопиться:
Бои уже придвинулись к границе.

Я не успел.

На праздничном параде
Не увидеть при майском свете дня
Ни братьев моих старших
и ни дядей,
Что жизни положили за меня.
Но я не точен: есть среди родных
Один в живых. Один из пятерых.

И я в руках держал его медали,
К своей груди их примерял порой.
Они с войны. И знаю я—едва ли
Их заслужил не истинный герой!
Но почему же свой «иконостас»
Брат словно прячет

от досужих глаз?
Лишь позже—не умом,
а сердцем больше

Сумел дойти до истины простой:
Израненному брату нету горше
Воспоминаний о године той,
Что пронеслась над жизнями, разя.
Награда—бой, погибшие друзья...

ЕГЕРЬ

Работенку выбрал как нарочно я!
День и ночь ответственность несу,
Если вдруг во время неурочное
Грохнут чьи-то выстрелы в лесу.

Чай ли пил,

картошку ли окучивал,—
Все бросай и в темный лес быстрее!
Предостерегли: мол, были случаи,
Путали с лосями егерей...

Зря ко мне вы лезете с намеками
Попрозрачней видимых угроз.
Надо—поделюсь и я уроками,
Что познать на службе довелось.

ВОПРОСЫ

Изучаю корни и основу,
Выявить пытаюсь до конца:
Почему в деревне Кузнецово
И в помине нету кузнеца?

Сказочный мой край,

земля былинная,
До чего тебя мы довели!
Над усохшей мабью Журавлиною
Не курлычат больше журавли.

Те названья —

просто горе луково —
Оставляют в жизни неуют.

Дед и бабушка —

в деревеньке Внуково,
Внуки — где-то в городе живут.

Ох, как много погребли мы заживо,
Будто по-иному и нельзя...
Я давно хочу проведать Княжево —
С благостью ли княжете, князь?

• КНИГА В ЖУРНАЛЕ • КНИГА В ЖУРНАЛЕ • КНИГА •



АГАТА КРИСТИ

Свидетельство со смертной

РОМАН

В

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Заговор

— Ну, теперь ты понимаешь, что нам остается только убить ее?

Фраза выпорхнула в тишину ночи, на мгновение повисла в воздухе и унеслась в темноту, к черной бездне моря.

Рука Пуаро замерла на шпингалете.

Детектив нахмурился и резко захлопнул окно. Эркюль Пуаро твердо верил, что свежий воздух, а тем паче ночной, пагубен для здоровья и лучше его оставлять снаружи.

Он тщательно задернул шторы и, снисходительно улыбаясь, направился к постели.

«Ну, теперь ты понимаешь, что нам остается только убить ее?»

По странному совпадению бельгийский детектив случайно подслушал эти слова в вечер своего прибытия в Иерусалим.

«Решительно, куда бы я ни отправился, вечно что-нибудь да напомнит о преступлениях», — сказал он себе.

И, по-прежнему улыбаясь, Пуаро вспомнил занятую историю, приключившуюся однажды с Энтони Троллопом. Как-то раз, плывя по Атлантическому океану, писатель услышал, как двое других пассажиров обсуждают эпизод его романа-фельетона, только что напечатанный в журнале.

— Все это очень мило, — заявил один, — но автору следовало бы прикончить старую ведьму — она становится невыносимой!

Энтони Троллоп с сияющим видом подошел к собеседникам.

— Бесконечно благодарен за предложение, джентльмены, — сказал он. — Немедленно пойду и убью ее!

Эркюль Пуаро на мгновение задумался. Интересно, какие соображения продиктовали ту фразу, которую он только что слышал? Наверняка парочка соавторов обсуждает ход романа или пьесы.

«Запомни хорошенько эти слова, — подумал он, все еще улыбаясь. — Кто знает, вдруг не сегодня-завтра они обретут более трагический смысл?»

Детективу показалось, что он уловил в голосе некоторую нервозность... дрожь, выдающую сильное чувство. Кто это сказал? Мужчина или юноша?

И, гася ночник, Эркюль Пуаро невольно подумал:

«Я непременно узнаю этот голос».

* * *

Облокотившись рядом на подоконник, Рэймонд и Кэрол Бойнтон вглядывались в бархатную синеву ночи.

— Ну, теперь ты понимаешь, что нам остается только убить ее? — раздраженно повторил Рэймонд.

Кэрол Бойнтон нетерпеливо передернула плечами.

— Это ужасно... — глухо пробормотала она.

— Так больше продолжаться не может! — с чувством отозвался Рэймонд. — Просто необходимо принять какое-то решение. И я не вижу другого выхода...

— А что, если попробовать сбежать? — неуверенно предложила Кэрол.

— Невозможно. Ты знаешь это не хуже меня.

Девушка вздрогнула.

— Увы, да! Слишком хорошо знаю, Рэй,

Молодой человек засмеялся горьким отрывистым смехом.

— Узнай кто-нибудь, что мы и шагу не можем сделать одни, нас приняли бы за сумасшедших.

— Кто знает? — вздохнула Кэрол. — Может, мы и в самом деле безумны?

— Ну, если мы и не чокнулись до сих пор, то уже на грани. Во всяком случае, услышь кто, о чем речь, нас бы мигом уpekли в сумасшедший дом. Подумать только, мы ведь дошли до того, что хладнокровно обдумываем убийство собственной матери!

— Начнем с того, что она нам не настоящая мать! — отрезала Кэрол.

— Ты права.

Наступило долгое молчание, потом Рэймонд уже более спокойно проговорил:

— Так, значит, ты со мной согласна, Кэрол?

— Да. По-моему, эта женщина должна умереть. Она ненормальная! Я в этом уверена... Уже много лет мы только и делаем, что повторяем: «Так больше продолжаться не может!» Но она цепляется за жизнь и покинет эту землю, только если...

— Если мы убьем ее! — закончил Рэймонд.

Кэрол судорожно сцепилась в подоконник.

— Этим придется заняться кому-то из нас, — продолжал ее брат. — Леннокс не ударит палец о палец из-за Нэдин. А на Джинни рассчитывать нечего.

Кэрол содрогнулась.

— Бедная маленькая Джинни! Я так боюсь за нее!

— О, я знаю. Она больше не может, правда? Вот почему надо действовать без промедления... иначе она погибнет.

Кэрол резко выпрямилась и откинула назад густые темные волосы.

— Как ты думаешь, Рэй, мы совершим очень предосудительный поступок?

— Нет, — тем же ледяным голосом отозвался Рэймонд, — не больше, чем если бы пристрелили бешеную собаку или другую опасную тварь. У нас нет иного способа помешать ей вредить.

— Но нас все же отправят на электрический стул, — прошептала Кэрол. — Мы никогда не сумеем объяснить всю злобность этого создания. Она выходит за все вообразимые рамки... Люди подумают, будто мы сами себя накрутили...

— Никто ни о чем не узнает. У меня уже есть план. Риска — никакого.

Кэрол повернулась к брату.

— Я перестаю узнавать тебя, Рэй. С тобой явно что-то случилось. Кто подсказал тебе эту мысль?

— Что ты имеешь в виду?

— О, я догадываюсь, — проговорила Кэрол, пряча от брата глаза. — Скажи, Рэй, не та ли девушка из поезда?

— Конечно, нет! Что тебе взбрело в голову? Послушай, Кэрол, поговорим серьезно и вернемся к...

— К твоему плану? Ты вполне уверен, что он осуществим?

— Совершенно. Только надо выждать подходящий момент. И тогда, если все пройдет удачно, мы все станем свободны... Свободны!

— Свободны?

Кэрол тихонько вздохнула, посмотрела на звезды и, задрожав всем телом, неожиданно разрыдалась.

— Что с тобой, Кэрол?

— Как же все это прекрасно! — сквозь слезы пробормотала она. — Ночь, синее небо и звезды! Какой волшебный мир! Если бы только мы могли быть похожи на других, а не терзались от злости и зависти!

— Но так и будет... когда она умрет!

— А ты совершенно уверен? Не слишком ли поздно? Вдруг мы так и останемся уродами, навсегда отверженными от жизни?

— Да нет же, успокойся, Кэрол! Но, может, мне лучше действовать одному?

Девушка оттолкнула пытавшегося успокоить ее брата.

— Нет! Положись на меня. Я помогу тебе... ради других. Надо во что бы то ни стало спасти Джинни!

Рэймонд немного помолчал.

— В таком случае решение принято?

— Да.

— Хорошо. Сейчас расскажу, в чем заключается мой план.

Глава II

Семейство Бойнтон

Доктор Сара Кинг рассеянно листала газеты и журналы, стоя возле стола в салоне отеля «Соломон» в Иерусалиме. Ее нахмуренный лоб выдавал некоторую озабоченность.

В комнату вошел высокий француз средних лет. Он окинул девушку быстрым внимательным взглядом и сел на противоположном конце стола. Встретившись с ним глазами, Сара улыбнулась и приветливо кивнула — этот человек помог ей дотащить чемодан, когда на каирском вокзале не оказалось ни одного свободного носильщика.

— Ну, мадемуазель, вам нравится в Иерусалиме? — спросил, поздоровавшись, француз.

— В определенном смысле это ужасающий город, — заметила девушка. — Какая странная штука — религия!

Это наблюдение, видимо, очень позабавило француза.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — отозвался он, почти безукоризненно произнося английские слова. — Все эти склоки и свары между бесчисленными сектами!

— А что вы думаете об архитектуре некоторых культовых зданий?

— Увы!

Сара вздохнула.

— Как раз сегодня меня выпроводили из церкви, потому что я оказалась в платье без рукавов. Очевидно, Всемогущий терпеть не может мои руки, хотя сам же их и создал!

Француз расхохотался.

— Я собирался заказать кофе... Может быть, вы доставите мне удовольствие, мисс...

— Кинг... Сара Кинг.

— А я...

Француз протянул девушке визитную карточку.

— Так вы доктор Теодор Жерар? — Сара восхищенно посмотрела на собеседника. — Какое счастье познакомиться с вами! Я знаю все ваши труды. Ваши исследования шизофрении в высшей степени замечательны.

Доктор Жерар изумленно вздернул брови.

— Невероятно!

— Дело в том, что я только что получила диплом врача... — смущенно пояснила девушка.

— А! Тогда все понятно.

Доктор Жерар заказал две чашечки кофе, и они уселись в уголке салона. Медицинские познания Сары явно интересовали француза гораздо меньше, чем ее волнис-

тые темные волосы и яркий, красиво очерченный рот. И он внутренне подсмеивался над ее растерянностью.

— Вы здесь долго пробудете? — спросил доктор Жерар, возобновляя прерванный разговор.

— Всего несколько дней. А потом собираюсь поехать в Петру.

— Ах, вот как? И я тоже. Если, конечно, это не очень длинное путешествие. К четырнадцатому числу мне надо вернуться в Париж.

— Эта экскурсия занимает примерно неделю: два дня — туда, два — на осмотр и два — на обратную дорогу.

— Сегодня же зайду в бюро путешествий и наведу справки.

В салон вошли и уселись несколько человек. Взглянув на них, Сара понизила голос:

— Вы не обратили внимание на этих людей в поезде? Они выехали из Каира одновременно с нами.

Доктор Жерар вставил в глаз монокль и окинул взглядом другой конец комнаты.

— Американцы?

— Да. Американское семейство. Но довольно странные люди.

— В каком смысле?

— Посмотрите на них. Особенно — на старуху.

Профессиональный взгляд врача принял ся изучать лица новоприбывших.

Сначала он заметил высокого худощавого мужчину лет тридцати с приятным, но безвольным лицом. Потом двоих молодых людей редкой красоты... У юноши — настоящий греческий профиль. «Вот по меньшей мере занятный экземпляр, — подумал доктор Жерар. — Да... он явно на грани нервного срыва. А девушка, по всей видимости, его сестра. Она очень похожа на брата и тоже, бесспорно, сильно перевозбуждена». Наконец взгляд врача остановился на девочке. Хрупкое личико в ореоле золотисто-рыжих волос. Положив руки на колени, она непрерывно теребила краешек носового платка. Молодая бледная брюнетка, очень спокойная на вид, дополняла группу, в центре которой доктор Жерар с едва сдерживаемым отвращением заметил невероятно жирную старуху. Она неподвижно сидела в кресле, похожая то ли на уродливого будду, то ли на гигантского паука, замершего посреди паутины.

— Мамаша не блещет красотой, а? — заметил доктор Жерар, обернувшись к Саре.

— Какой у нее зловещий вид, правда?

Доктор Жерар снова изучающе посмотрел на старуху, на сей раз — с чисто профессиональным интересом.

— Водянка... большое сердце... — объявил он.

— Да, конечно! Но вам не кажется странным поведение всего этого народца вокруг нее?

— Вы знаете, кто они такие? — спросил врач.

— Их фамилия — Бойнтон. Мать, старший сын с женой, младший сын и две девочки.

— Семейство Бойнтон путешествует, — шуточно заметил доктор Жерар.

— Да, но путешествует более чем странным образом. Они ни с кем не разговаривают, и никто не может даже мизинцем шевельнуть без позволения старой ведьмы!

— Откровенная сторонница матриархата, — задумчиво проговорил доктор Жерар.

— По-моему, скорее, ужасающая тиранка.

Доктор Жерар пожал плечами.

— В Америке над миром властвует женщина. Это общеизвестно.

— Да, но тут совсем другое, — продолжала настаивать Сара. — Она всех держит под башмаком... они ее боятся... Это просто возмутительно!

— Женщины вредно доверять слишком большую власть. Как правило, она ею злоупотребляет, — торжественно изрек доктор Жерар.

Он поглядел на Сару. Девушка во все глаза смотрела на семейство Бойнтон, вернее, на одного из его членов. Доктор Жерар понимающе улыбнулся. «Ага, я, кажется, догадываюсь, в чем дело», — с чисто галльской проницательностью подумал он.

— Вы уже говорили с ними? — спросил француз шепотом.

— Да... по крайней мере, с одним.

— А, с молодым человеком... с младшим?

— Да, в кантарском поезде. Он стоял один в коридоре, и я с ним заговорила.

В Саре не было и тени робости. Девушку живо интересовало все человечество, и она к каждому относилась с доброжелательным любопытством, не теряя, впрочем, способности к критике.

— Почему вы с ним заговорили? — поинтересовался Жерар.

— А почему бы и нет? Путешествуя, я часто болтаю со случайными спутниками. Я изучаю людей, их поступки, манеру думать и чувствовать.

— Иными словами, кладете под микроскоп.

— Если угодно...

— И каковы ваши впечатления об этих американцах?

— Право же, — неуверенно призналась девушка, — они довольно странные... Во-первых, молодой человек покраснел до корней волос.

— Ну, и что ж тут необычного? — сухо осведомился Жерар.

Сара расхохоталась.

— По-вашему, он принял меня за бесстыдную кокетку в поисках добычи? По правде говоря, я так не думаю. Мужчины всегда угадывают, с какого рода женщиной имеют дело, не так ли?

Сара вопросительно взглянула на француза. Тот кивнул.

— У меня возникло ощущение, — медленно продолжала девушка, что он... Как бы вам это объяснить?.. Одновременно



взволнован и напуган... Это невероятно! Обычно американцы великолепно умеют держать себя в руках. Янки к двадцати годам уже обладает гораздо большим жизненным опытом и практической сметкой, чем его сверстник англичанин. Меж тем молодому Бойнтону наверняка за двадцать...

— Я бы дал ему года двадцать три-двадцать четыре.

— Так много?

— Да.

— Вероятно, вы правы. Он только кажется совсем юным.

— Слабая ментальность. В его характере еще осталось много детского.

— Значит, я не ошиблась. Тут есть какой-то сдвиг.

Доктор Жерар улыбнулся и пожал плечами.

— Моя дорогая барышня, а много ли на свете нормальных людей? Впрочем, я согласен с вами — этот юноша страдает каким-то неврозом.

— И можно не сомневаться, все из-за этой жуткой старухи!

— Можно подумать, вы ее ненавидите, — сказал Жерар, изумленно глядя на девушку.

— Да. Она мне глубоко неприятна. У нее... злые глаза.

— Как и у многих матерей, когда их отпрыска пытается очаровать хорошенькая девушка.

Сара раздраженно передернула плечами. Эти французы всегда одинаковы! Только о женщинах и думают! Но девушка не успела развить эту мысль — она вдруг заметила, что Рэймонд Бойнтон поднялся и направился к большому столу за журна-

лом. Когда на обратном пути он проходил мимо, девушка спросила:

— Удалось вам сегодня осмотреть горло?

Рэймонд чуть замедлил шаг, густо покраснел и кинул испуганный взгляд к центру семейной группы.

— Честно говоря, да, конечно... я... — пробормотал он.

Потом, словно почувствовав удар шпор под ребра, молодой человек вместе с журналом поспешно отпрянул к своим.

Женщина, похожая на чудовищного будду, протянула жирную лапку. И, пока она брала журнал, ее глаза, как заметил доктор Жерар, пристально изучали лицо Рэймонда. Вместо слов благодарности послышалось какое-то ворчание. Потом старуха слегка повернула голову и вперила взгляд в Сару. Лицо ее по-прежнему хранило неподвижность маски. Невозможно даже угадать, что у этой женщины на уме!

Сара посмотрела на часы и, тихонько вскрикнув, вскочила.

— Я и не думала, что уже так поздно! Большое спасибо за кофе, доктор Жерар! А теперь мне пора заняться письмами.

Врач пожал ей руку.

— Надеюсь, мы еще встретимся.

— Непременно. Может быть, вы поедете в Петру?

— Постараюсь.

Сара улыбнулась и пошла к выходу. По дороге она нарочно прошла совсем рядом с семейством Бойнтон.

Доктор Жерар наблюдал эту сцену. Миссис Бойнтон поглядела на молодого человека. Мать и сын встретились глазами. Потом Рэймонд Бойнтон повернулся, но не к девушке, а в противоположную сторону. Это было медленное вымученное движение: миссис Бойнтон потянула за невидимую веревочку.

Сара заметила этот маневр, и он оскорбил ее. Они с Рэймондом так мило поболтали в полусосвещенном коридоре спального вагона! Сравнили впечатления о Египте, весело смеялись над забавным жаргоном торговцев и погонщиков ослов. Сара рассказала, как один погонщик верблюдов с надеждой и едва скрытым нахальством спросил: «Вы английская или американская леди?», она ответила: «Китайская». Как же она смеялась, увидев глубокого разочарование на лице туземца! Рэймонд тогда вел себя как милый, серьезный и старательный школьник. А теперь ни с того ни с сего вдруг стал робким и даже грубым... почти хамоватым...

«Этот молодой человек меня больше не интересует», — возмущенно подумала она.

Сара не страдала избытком гордыни, но все же была о себе высокого мнения. Она знала о своей привлекательности и не терпела, чтобы особы мужского пола пренебрегали ею.

Может быть, мисс Кинг слишком по-дружески отнеслась к этому молодому человеку, неизвестно почему почувствовав к не-

му острую жалость? Но теперь никаких сомнений быть не может: он просто самонадеян да еще и плохо воспитан!

Вместо того чтобы заняться перепиской, как она сказала доктору Жерару, Сара Кинг уселась перед туалетным столиком, зачесала волосы назад, внимательно посмотрела в зеркало на затуманенные грустью глаза и принялась подводить итоги своего юного существования.

Сара только что пережила острый эмоциональный кризис. Месяц назад она разорвала помолвку с женихом. Он тоже врач, четырьмя годами ее старше. Их очень тянуло друг к другу, но темпераменты были слишком схожими, и то и дело, по поводу и без повода возникали разногласия, вспыхивали ссоры. Сара сама оказалась слишком властной, чтобы молча покориться мужчине. Как и многим женщинам, ей казалось, что она воскищается силой. Сара воображала, будто мечтает найти мужчину, способного укротить ее. Но встретив такого столь желанного господина и повелителя, девушка поняла, как жестоко ошибалась в себе. Разрыв разбил Сару сердце, но у нее хватило здравого смысла понять, что физического притяжения далеко не достаточно, чтобы обеспечить счастливую жизнь. В утешение Сара решила устроить себе каникулы за границей, а уж потом всерьез приняться за работу.

Через некоторое время она очнулась от воспоминаний и снова вернулась к действительности.

«Интересно, — подумала она, — захочет ли доктор Жерар поговорить со мной о своих работах? Это такие блестящие исследования! Хоть бы он согласился воспринимать меня всерьез! Возможно, если он поедет в Петру...»

Потом Сара снова вернулась мыслью к молодому американцу. Она не сомневалась, что его поведение продиктовано присутствием домашних, но не могла не испытывать легкого презрения с примесью обиды. Так подчиняться материнскому игу — поистине совсем не по-мужски. И однако...

Сару охватило странное ощущение. В этой семье, несомненно, разыгрывается какая-то трагедия.

— Мальчика нужно спасти. И я этим займусь! — неожиданно для самой себя проговорила она вслух.

Глава III

Диагноз

После ухода Сары доктор Жерар еще немного посидел за столом. Потом он взял последний номер «Матэн» и устроился в кресле в нескольких метрах от семейства Бойнтон. Сначала его просто забавляло

любопытство юной англичанки к этой американской семье, и доктор не без некоторой доли лукавства обнаружил, кем оно вдохновляется. Но теперь эти люди уже вызвали у него чисто научный интерес.

Доктор Жерар изучал их, деликатно прикрывшись журналом. Сначала — молодого человека, предмет особого внимания хорошенькой дочери Альбиона. «По всей видимости, — думал Жерар, — это как раз тот тип мужчины, который подходит темпераменту Сары Кинг, энергичной женщины с крепкими нервами, холодной головой и твердой волей».

Врач решил, что молодой человек чувствителен, умен, робок и крайне впечатлителен. Взгляд специалиста сразу отметил сильное нервное возбуждение. Это заинтересовало доктора Жерара, и он стал размышлять, с чего бы у безусловно здорового молодого человека, к тому же путешествующего за границей ради собственного удовольствия, мог начаться такой невроз.

Затем внимание доктора Жерара обратилось к другим членам семьи. Юная шатенка, конечно же, сестра Рэймонда. Оба принадлежат к одному типу: тонкокостные, изящного сложения, наделенные от природы какой-то хрупкой грацией. У обеих узкая рука, чуть вытянутый овал лица, та же посадка головы на высокой тонкой шее. Девушка тоже выказывает признаки нервозности... непроизвольно делает руками ненужные движения... темные глаза неестественно блестят... голос звучит глухо и отрывисто.

«Ей страшно, — подумал доктор Жерар. — Да, она вне себя от страха».

До него доносились обрывки разговора. В них не было ничего особенного.

— Мы могли бы посмотреть конюшни Соломона, правда?

— А не слишком ли утомительно для матери?

— А что, если утром мы отправимся к Стене Плача?

— Да, Храм, конечно... Мечеть Омара... как его называют... Никак не могу понять, почему?

— Потому, конечно, что его превратили в мусульманскую мечеть, Леннокс.

Короче, самые банальные замечания туристов. И однако доктор Жерар не сомневался, что за этими ничего не значащими фразами скрывается смятение чувств, запрятанное слишком глубоко, чтобы вырваться наружу...

Он снова незаметно окинул взглядом семейство.

Леннокс? Это старший брат. У него есть семейное сходство с двумя младшими. Молодой человек держится спокойнее, но и он производит весьма странное впечатление.

Сбитый с толку врач стал вспоминать. Леннокс Бойнтон напоминал некоторых его пациентов, с отрешенным видом сидящих в больничных палатах.

«Он дошел до полного истощения, до последней точки страдания. Взгляд ране-



ной собаки или больной лошади... Немая животная покорность. И это тоже кажется мне странным... можно не сомневаться, что совсем недавно этот человек выдержал ужасающие духовные пытки. Теперь он смирился. И ожидает готового обрушиться на него удара. Но какого? Может, у меня разыгралось воображение? Нет. Он ждет... ждет какой-то развязки. Как раковый больной — благодетельного укола, который усыпит его боль».

Леннокс Бойнтон встал и поднял клубок шерсти, который уронила старая дама.

— Держите, мама.
— Спасибо.

Что может вязать эта невозмутная чудовищная старуха? Какую грубую и неуклюжую вещь? «Какие-нибудь рукавицы для пансионерак богадельни», — нелепое предположение тут же вызвало улыбку на губах доктора Жерара.

Затем его внимание сосредоточилось на самой юной представительнице семейства, девушке с золотисто-рыжей шевелюрой. Ей, видно, лет девятнадцать. Светлая кожа кажется прозрачной, как это часто бывает у рыжеволосых женщин. Лицо, несмотря на худобу, красиво. Очаровательное улыбающееся дитя. Глаза ее устремлены куда-то вдаль, а мысли улетели далеко-далеко от отеля «Соломон» и вообще от Иерусалима. При виде этой застывшей, немного загадочной улыбки, похожей на улыбку девушек с Акрополя, у врача сжалось сердце.

Он с удивлением заметил руки девушки: под столом, незаметно для остальных, нервные пальцы рвали и терзали тонкий батистовый платочек.

И доктор Жерар просто оцепенел при виде этой неземной улыбки, неподвижной фигурки и яростно разрушающих рук...

Глава IV

Нэдин

Раздался свистящий астматический кашель. И, занятая вязанием, монументальная старуха заговорила:

— Джиневра, ты устала, пойдй ляг.

Девушка подскочила. Пальцы замерли.

— Я не устала, мама.

Жерар отпустил мелодичный тон певучего голоса, сообщавший особое очарование самым обычным словам.

— Ты утомлена. Я знаю, что говорю. Завтра ты не сможешь пойти ни на какие экскурсии.

— О, нет, мама! Я очень хорошо себя чувствую.

— Нет, плохо. Говорю тебе: иди в постель! — хриплым, неприятным и каким-то жирным голосом настаивала мать.

— Нет, нет!

Девушка вся дрожала.

— Я поднимусь вместе с тобой, Джинни! — вдруг раздался еще один голос.

Женщина с серыми глазами, задумчивым лицом и хорошо уложенными темными волосами встала.

— Нет, пусть идет одна! — вмешалась миссис Бойнтон.

— Я хочу, чтобы Нэдин пошла со мной! — воскликнула Джинни.

— Ну конечно, я пойду с тобой, — повторила молодая женщина и шагнула к ней.

— Девочка предпочитает идти спать одна, — возразила старуха. — Правда, Джинни?

Недолгое молчание. Потом Джиневра Бойнтон почти равнодушно проговорила:

— Да, действительно, лучше я пойду одна. Спасибо, Нэдин.

И она с редкостным изяществом пошла прочь.

Доктор Жерар опустил газету и установился на старую миссис Бойнтон. Та следила взглядом за дочерью, и на ее опухшем лице играла бледная усмешка, казавшаяся карикатурой на ангельскую улыбку, только что озарявшую личико дочери.

Затем глаза старухи обратились к Нэдин, которая уже успела снова сесть. Молодая женщина не дрогнув, выдержала злобный взгляд свекрови.

«Да видана ли такая тиранья?» — подумал Жерар.

Неожиданно старуха посмотрела на врача. Но он уже успел разобраться в ней.

Нет, миссис Бойнтон — не властная и избалованная больная, которую можно успокоить, лишь выполняя ее малейшие капризы. Эта старуха — необычайно сильная личность. В ее маленьких глазах посверкивает змеинная злоба. Да, старая, больная и беспомощная миссис Бойнтон, бесспорно, сохранила массу энергии. Она чувствует свою власть, пользуется ею всю жизнь и ни разу не усомнилась в себе. Доктор знал когда-то женщину, проделывавшую очень опасные номера в клетке с тиграми. При звуках ее голоса огромные дикие звери проскальзывали на место и выполняли уничижительную работу. Глаза и сердитое ворчанье выдавали затаенную ненависть. И однако звери подчинялись. И все потому, что юная, одаренная величавой красотой укротительница обладала таким же взглядом, как миссис Бойнтон.

И доктор Жерар начал понимать, что кроется за невинными замечаниями молодежи: ненависть. Темная и жестокая ненависть!

«Честное слово, узнай обо всем этом мои друзья, они обозвали бы меня болваном, — сказал себе врач. — Что на меня нашло? С чего это я вдруг стал сочинять какую-то мрачную драму вокруг самого обыкновенного американского семейства, приехавшего в Палестину просто-напросто развлечься?»

Он с любопытством посмотрел на молодую женщину по имени Нэдин. На ее левой руке посверкивало обручальное кольцо. Сейчас она обменялась молниеносным взглядом с высоким блондином. Ленноксом...

И тут Жерар понял...

Эти двое — муж и жена. И однако Нэдин посмотрела на мужчину взглядом скорее матери, чем супруги: в нем отражались готовность защитить и участие. В тот же миг врач обнаружил и еще кое-что: из всей группы Нэдин Бойнтон ускользала от тирании старухи. Возможно, она ненавидела свекровь, но, во всяком случае, несколько ее не боялась. Если Нэдин и страдала, то лишь за мужа. Самой ее могущество старухи не касалось.

«История становится занятной», — подумал француз.

Глава V

Мистер Джефферсон Коуп

Пока врач предавался невеселым умозрениям, в салон вошел еще один человек. Увидев семейство Бойнтон, он направился к ним.

Это был американец средних лет, довольно приятный, типичный янки: элегантно

одетый, гладко выбритый, с мягким, немного монотонным голосом.

— Я вас искал, — заявил он, церемонно пожимая руки всем членам семьи. — Как вы себя чувствуете, миссис Бойнтон? Путешествие вас не слишком утомило?

Тщето пытаясь изобразить любезный вид, почтенная матрона просвистела:

— Нет, благодарю вас. Но, как вам известно, здоровье у меня хрупкое.

— Да, это очень досадно.

— Но хуже мне не стало. — И со змеиной улыбкой она добавила: — Нэдин хорошо опекает меня, так ведь, Нэдин?

— Стараюсь, как могу, мама.

— Не сомневаюсь, — заметил молодой человек. — Ну, Леннокс, что вы думаете о граде царя Давида?

— Право, не знаю, — вяло отозвался тот.

— Уж не разочарованы ли вы? Честно говоря, у меня было такое же ощущение сразу по приезде. Но вы еще далеко не все видели.

— Конечно, — сказала Кэрол Бойнтон. — Из-за мамы мы можем посмотреть лишь очень немного.

— Я не могу позволить себе гулять больше двух часов в день, — пояснила миссис Бойнтон.

— Но и это просто чудесно, миссис Бойнтон! — поспешил заметить новоприбывший.

— Я не сдаюсь физической усталости, — пророчила старуха. — Для меня имеет значение только дух! Да, дух...

Голос ее оборвался. Доктор Жерар заметил, как Рэймоид Бойнтон нервно вздрогнул.

— Вы были у Стены Плача, мистер Коуп? — спросил молодой человек.

— Естественно. Это была одна из первых моих экскурсий здесь. Через два дня я осматрю весь Иерусалим, и агентство Кука наметит мне маршрут по другим точкам Святой Земли: Вифлеем, Назарет, Тиверия и Галилейское море. Все это захватывающе! Потом есть еще Джераш с любопытными римскими развалинами. Кроме того, я хотел бы взглянуть на розовый город Петру, весьма замечательный феномен природы, но такая экскурсия немного выбивается из обычного маршрута, и на нее уйдет минимум неделя.

— Да, Петру стоит посмотреть.

Мистер Коуп немного помолчал, бросил неуверенный взгляд на миссис Бойнтон и добавил:

— Может, я сумею уговорить кого-нибудь из вас составить мне компанию? Разумеется, я понимаю, что для вас, миссис Бойнтон, такое путешествие невозможно, и кто-то из детей наверняка захочет остаться подле вас. Но, если бы вы согласились разделить свой штаб, если можно так выразиться...

— У нас очень дружная семья. Что вы скажете, дети? Не думаю, чтобы нам хотелось разлучаться.

Голос старухи прозвучал как-то стра-

на боевом посту
ЖУРНАЛ



ВНУТРЕННИХ ВОЙСК
ИНДЕКС 70610

БОЛЕЕ 30 ЛЕТ ИЗДАНИЕ БЫЛО НЕДОСТУПНО МАССОВОМУ ЧИТАТЕЛЮ. ВПЕРВЫЕ С 1992 ГОДА ОТКРЫТА ШИРОКАЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ "НА БОЕВОМ ПОСТУ" И ЕГО ПРИЛОЖЕНИЕ ГАЗЕТУ "СИТУАЦИЯ"

- ЕСЛИ ВАМ БЕЗРАЗЛИЧНЫ НЕЛЕГКИЕ СУДЬБЫ ИСТИННЫХ ПАТРИОТОВ ОТЕЧЕСТВА, ДЛЯ КОТОРЫХ ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ — МЕСТО СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНОЙ СЛУЖБЫ...
- ЕСЛИ ВАС ИНТЕРЕСУЕТ, КАКОЙ ЦЕНОЙ ОБЕСПЕЧИВАЕТСЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ...
- ЕСЛИ ВЫ УВЛЕКАЕТЕСЬ ДЕТЕКТИВАМИ, ОСТРОСЮЖЕТНЫМИ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИМИ И ФАНТАСТИЧЕСКИМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ...
- ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ ПРИОБЫТЬСЯ К ИСКУССТВУ БОЕВЫХ ЕДИНОБОРСТВ...

Вы непременно должны подписаться на общественно-политический и литературно-художественный журнал внутренних войск МВД СССР "На боевом посту" и приложение к нему — газету "Ситуация".



ИНДЕКС 50157

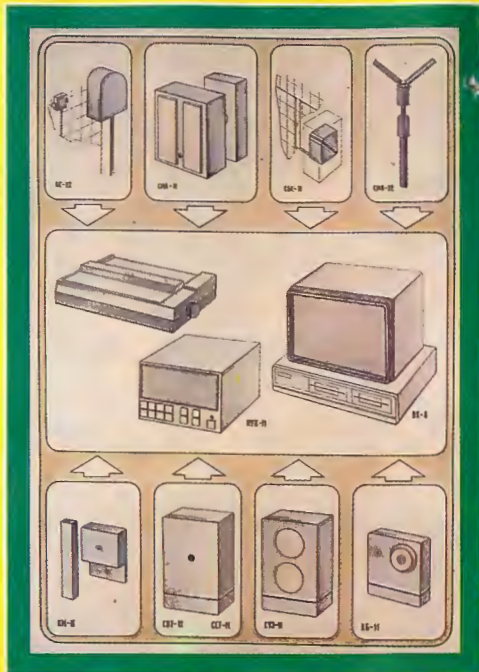
Цена годовой подписки журнала 18 руб., газеты — 9 руб. 60 коп.

Подписывается по почте

Специальное научно-производственное объединение "Элерон" выполняет работы по оснащению объектов средствами и системами охранной сигнализации. Объединение производит полный цикл работ, включая предпроектное обследование, проектирование, поставку средств охранной сигнализации, монтажно-наладочные работы, гарантийное и послегарантийное обслуживание.

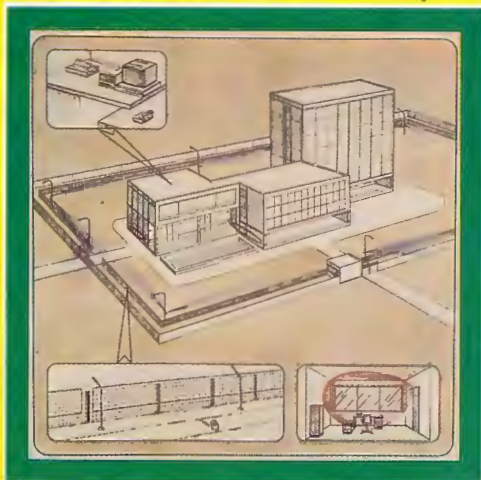
В СНПО накоплен большой опыт создания комплексов средств охранной сигнализации для объектов различного характера: промышленных предприятий; промышленных зон и складов с протяженными периметрами; административных зданий; музеев и культурно-зрелищных учреждений.

ОХРАННАЯ СИГНАЛИЗАЦИЯ



ПРОДАДИМ УСТАНОВИМ **ПРОДАДИМ УСТАНОВИМ**

115563, МОСКВА, УЛ. ГЕН. БЕЛОВА, 14,
СНПО "ЭЛЕРОН", ТЕЛ. 399-97-83.



СНПО "Элерон" выпускает и реализует высокоэффективные средства и системы охранной сигнализации для блокирования периметра и помещений, в том числе наиболее перспективные изделия:

емкостной сигнализатор для блокирования периметровых ограждений "Радиян—13";

вибрационный кабельный сигнализатор для блокирования периметра "Дельфин";

емкостной сигнализатор для блокирования сооружений и групп предметов в помещениях "Ромб—12";

емкостной точечный сигнализатор для блокирования отдельных предметов в помещении "СЕТ—11";

ультразвуковой сигнализатор для блокирования объема помещений "СУЗ—11";

микроволновый сигнализатор для блокирования объема помещений "СМВ—11";

магнитоконтактные датчики для блокирования дверей, ворот;

аппаратуру для сбора, обработки и отображения информации; системы контроля доступа на объекты (до 8 тыс. сотрудников).

СНПО "Элерон" может выполнять научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по созданию средств и систем охранной сигнализации и контрольно-измерительной аппаратуры по требованию заказчика.

На СНПО "Элерон" налажен выпуск товаров народного потребления: ультразвуковое электронное устройство для охраны автомобилей "Спрут—2"; вибрационное электронное устройство для охраны автомобилей "Дубна"; средство индивидуальной охраны "Свирель"; автономная система охраны квартир "Пчела".



АВТОСБОРОЧНЫЙ КОРПУС



После службы - на ЗИЛ

УВАЖАЕМЫЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ!

Обращаемся к тем, кто в ближайшее время увольняется в запас и имеет московскую прописку. Если вы хотите участвовать в освоении выпуска новых отечественных автомобилей и реконструкции Московского автомобильного завода им. И.А. Лыжачева, ЗИЛ ждет вас. Предприятию **ТРЕБУЮТСЯ:** специалисты в области электроники, автоматики, наладчики, операторы автоматичес-

ких линий ГПС, станков с ЧПУ, электрики, водители, испытатели двигателей, слесари механосборочных работ, водители-испытатели, специалисты инструментального производства и другие профили, а также рабочие всех строительных специальностей. Лица, не имеющие специальности, обучаются избранной профессии без отрыва от производства.

109280, Г. МОСКВА,
УЛ. АВТОЗАВОДСКАЯ, 18.
УПРАВЛЕНИЕ РАБОЧИХ КАДРОВ.
СПРАВКИ ПО ТЕЛЕФОНАМ:
277-87-58, 277-93-09.

ПЛУТОН

ПРИГЛАШАЕТ

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

107120, МОСКВА, НИЖНЯЯ
СЫРОМЯТНИЧЕСКАЯ УЛ., Д. 11.
ТЕЛЕФОНЫ: 297-18-40, 227-00-25,
ДОБ. 2-42, 2-69.



Производственное объединение "Плутон" приглашает на работу станочников, гальваников, работников с радиотехническими специальностями, электрогазосварщиков.

Предприятие специализируется на изготовлении микроволновой бытовой печи "Электроника". Заработная плата рабочих и специалистов составляет 700—800 руб. в месяц.

Завод имеет комплекс современных культурно-бытовых, медицинских учреждений, санаторий в Кисловодске, базы отдыха.

но, и сразу же посыпались подтверждения ее словам:

— О нет, мама! Нет, мама!

— Вот видите! — на губах миссис Бойнтон появилась торжествующая улыбка. — Они вовсе не жаждут оставить меня. А вы, Нэдин? Вы ничего не сказали.

— Я тоже, мама. Разве что захочет поехать Леннокс...

Миссис Бойнтон повернула голову к сыну.

— Ну, Леннокс, что ты об этом думаешь? Почему бы тебе не съездить вместе с Нэдин? Она мечтает туда отправиться.

Молодой человек подскочил.

— Право, нет... по-моему, лучше, если мы все останемся вместе здесь.

— И в самом деле, у вас очень спаянная семья! — воскликнул мистер Коуп с несколько наигранной веселостью.

— Нам хватает друг друга, — сказала миссис Бойнтон, сматывая клубок шерсти. — Кстати, Рэймонд, кто эта девушка, которая только что говорила с тобой?

Тот нервно вздрогнул, покраснел, побледнел, но все же ответил:

— Я не знаю, как ее зовут. Мы ехали в одном поезде.

Медленно, с огромными усилиями миссис Бойнтон попыталась приподняться.

— Я думаю, нам не придется много общаться с ней.

Нэдин помогла старухе выбраться из кресла.

— Мы идем спать, — заявила миссис Бойнтон. — Доброй ночи, мистер Коуп.

— Спокойной ночи, миссис Бойнтон. Спокойной ночи, миссис Леннокс.

Маленькая процессия удалилась. Никому из молодых людей и в голову не пришло остаться.

Мистер Коуп смотрел им вслед со странным выражением на лице.

Доктор Жерар по опыту знал, что путешествующие американцы дружелюбны и легко заводят знакомства. В отличие от некоторых англичан они в этом плане не страдают предрассудками. Такому светскому человеку, как доктор Жерар, познакомиться с мистером Коупом не составило труда. Американец ничего так не жаждал, как поболтать с приятным человеком. Врач протянул ему визитную карточку.

Взглянув на нее, мистер Коуп, очевидно, сразу проникся уважением.

— Доктор Жерар? — изумился он. — Так это вы недавно ездили в турне по Соединенным Штатам?

— Да, прошлой осенью я прочитал курс лекций в Гарварде.

— Вы занимаете почетное место среди своих коллег. В Париже вы крупнейший авторитет...

— Вы меня смущаете, дорогой сэр. Готов спорить...

— Нет-нет! Для меня великое счастье побеседовать с вами. Похоже, сейчас в Иерусалиме собралось много знаменитостей: вы, лорд Уэльдон, финансист Гэбриел Штейнбаум. Есть еще английский архео-

лог, сэр Мандерс Стоун, а также леди Уэстхольм, дама, весьма известная в политических кругах. Кроме того, не следует забывать знаменитого бельгийского детектива Эркюля Пуаро.

— Как? Крошка Эркюль Пуаро здесь?

— Я заметил его имя в регистрационном журнале среди новоприбывших. Можно подумать, все на свете назначили друг другу свидание в отеле «Соломон». Впрочем, это первоклассное заведение, к тому же оформленное с большим вкусом.

Мистер Коуп был явно в восторге от нового знакомства. При желании доктор Жерар умел привлекать всеобщие симпатии. Через некоторое время мужчины направились в бар.

— Скажите мне, дорогой сэр, — после двух бокалов спросил врач, — люди, с которыми вы только что говорили, — типичное американское семейство?

Джефферсон медкими глотками допил коктейль и на мгновение задумался.

— Нет, я бы этого не сказал.

— И однако они производят впечатление очень дружного семейства.

— Вы хотите сказать, все они живут как бы под сенью старой дамы? Это верно, старуха — весьма примечательная личность.

— Вы шутите?

Этого оказалось достаточно, чтобы вызвать мистера Коупа на откровенность.

— Знаете, доктор, в последнее время я много наблюдал за этой семьей. И для меня было бы большим облегчением поделиться с вами своими мыслями, если, конечно, это не нагонит на вас тоску.

Доктор Жерар поспешил отместить такое предположение, и мистер Коуп медленно, взвешивая каждое слово, продолжал:

— Прежде всего скажу вам, что миссис Бойнтон — мой друг. Я имею в виду не старуху, а молодую миссис.

— Это очаровательная темноволосая молодая особа?

— Да, Нэдин, Нэдин Бойнтон. У нее золотой характер. Я знал ее еще до замужества, в то время, когда она была сиделкой в больнице. Потом Нэдин устроилась к Бойнтонам медсестрой и вышла замуж за Леннокса.

Мистер Коуп глотнул коктейля и продолжал:

— Если я не злоупотребляю вашим временем, доктор Жерар, то охотно расскажу вам историю семьи Бойнтон.

— Напротив, мне это очень интересно.

— Так вот. Покойный Элмер Бойнтон был очень приятным и довольно известным человеком. Он был женат дважды. Первая его жена умерла, когда Рэймонд и Кэрол еще лежали в колыбели. Вторая миссис Бойнтон, по слухам, в те времена отличалась поразительной красотой. Разумеется, когда на нее смотришь теперь, в это трудно поверить. Муж на все глядел ее глазами и во всем соглашался с ее мнением. За несколько лет до смерти он стал инвалидом, и жена одна занималась воспитанием детей. Надо признать, она проявила мас-

су ума и сноровки. После смерти Элмера Бойнтон вдова полностью посвятила себя семье. Последняя, Джиневра, хорошенькая рыжеволосая девушка хрупкого сложения, — ее родная дочь. Миссис Бойнтон «высжидала» свое семейство, как наследка. Как, по-вашему, доктор Жерар, хороший ли это метод воспитания?

— Разумеется, нет! Так можно только задушить в детях личность!

— Совершенно с вами согласен. Миссис Бойнтон оберегает семью от любых контактов с внешним миром. И вот результат: все до крайности нервозно и безумно впечатлительно. Ни один не может завести знакомство с кем бы то ни было. Это ужасно.

— Да, действительно, кошмар.

— Я не сомневаюсь в добрых намерениях миссис Бойнтон. Но ее опека заходит уж слишком далеко...

— Все дети живут вместе с ней?

— Да.

— И никто из молодых людей не работает?

— Нет. Элмер Бойнтон получил очень большое наследство и оставил все свое огромное состояние жене... с условием, однако, что она будет содержать всю семью.

— Значит, дети зависят от нее и в финансовом отношении?

— Да. А миссис Бойнтон поощряет их жить дома и не искать никаких занятий на стороне. Ничто, правда, не заставляет их добиваться какой-либо карьеры, но, по моему мнению, работа — великолепный стимулятор, по крайней мере для мужчины. И другое: они живут, в сущности, как медведи! Не играют в гольф и не ходят ни в один клуб. Избегают балов и общества других молодых людей, они прозябают в настоящей казарме в глухой деревне, за много километров от всякого жилья. Повторяю, доктор Жерар, такой метод воспитания представляется мне неразумным.

— Мне тоже.

— Ни один не отличается общительностью. Все очень дружны, но, кроме домашних, никого не знают.

— И никто не пытался избавиться от материнской опеки?

— Насколько мне известно — нет. У них нет внутренних сил.

— Вы считаете в этом повинна миссис Бойнтон?

— В какой-то степени — да, — с легким смущением ответил мистер Коуп. — Однако, когда молодой человек достигает определенного возраста, он имеет право сопротивляться и должен отцепиться от материнской юбки. Если, конечно, хоть сколько-нибудь любит независимость.

— Иногда это невозможно.

— То есть как это?

— Дорогой мой мистер Коуп, существует немало способов помешать дереву расти. Джефферсон Коуп изумленно открыл глаза.

— Послушайте, доктор Жерар, все эти дети великолепно себя чувствуют!

— Но дух, как и тело, может чахнуть и деформироваться.

— Однако у всех у них интеллектуальный уровень выше среднего.

Жерар только вздохнул, и Джефферсон продолжал:

— Поверьте мне, доктор Жерар, у каждого из нас есть свобода воли. Мужчина, достойный этого имени, освобождается от рабства и живет собственной жизнью. Он не сидит неподвижно, сложив руки. Иначе какое уважение может испытывать женщина к подобному субъекту?

Некоторое время доктор Жерар молча разглядывал собеседника.

— Вы намекаете в первую очередь на мистера Леннокса Бойнтон? — наконец спросил он.

— Да, я в самом деле думал о нем. Рэймонд еще почти ребенок. Но Ленноксу скоро стукнет тридцать. Ему давно пора показать, на что он способен!

— Должно быть, его жена ведет мучительное существование?

— Нэдин — удивительная женщина, и я даже передать не могу, какое испытываю к ней уважение. Ни разу никто не слышал от нее жалоб. Но я знаю, что она несчастлива. Вы и представить себе не в состоянии, какую пытку терпит бедняжка.

— Догадываюсь.

— Но и женское терпение имеет границы. На месте Нэдин я поставил бы Леннокса перед выбором. Или он доказал бы мне, что он мужчина, или...

— Или вы бы его покинули?

— Разве Нэдин не имеет права на личную жизнь? Если Леннокс не ценит ее, то кто-нибудь другой вполне на это способен.

— Вы, например?

Американец покраснел, выпрямился и с достоинством взглянул на собеседника:

— Да, хотя бы... и мне не стыдно в этом признаться. Я уважаю эту молодую женщину, глубоко к ней привязан и желаю только ее счастья. Если бы я знал, что она счастлива с Ленноксом, то навсегда исчез бы из ее жизни.

— Но при нынешних условиях...

— Я здесь. Жду ее указаний.

— Короче говоря, вы истинный рыцарь?

— Что?

— Дорогой мой сэр, подобные чувства можно встретить только у американца. Вы служите даме ваших грез без всякой надежды на вознаграждение. Это восхитительно! И чем вы надеетесь быть ей полезным?

— Не знаю, но она всегда найдет меня готовым откликнуться по первому зову.

— А могу я узнать, как относится к вам старая миссис Бойнтон?

— Я никогда не знаю точно, что у этой дамы на уме, — медленно произнес Джефферсон Коуп. — Как я уже говорил вам, она не любит посторонних. Что до меня, то мне не в чем ее упрекнуть; миссис Бойнтон очень любезна и обращается со мной, как с членом семьи.

— Другими словами, она поощряет вашу дружбу с миссис Леннокс?

— Да.

Доктор Жерар пожал плечами.

— По-моему, это выглядит довольно странно.

Мистер Коуп немедленно стал на дыбы.

— Уверю вас, доктор Жерар, в нашей дружбе нет ничего предосудительного. Моя любовь — чисто платоническая.

— Не сомневаюсь. И все же позвольте мне повторить, что меня изумляет синхронность старой дамы к вашим чувствам. Знайте, мистер Коуп, миссис Бойнтон интересуется меня... необычайно.

— Удивительная женщина! С огромной силой характера и исключительной индивидуальностью. Элмер, муж миссис Бойнтон, высоко ценил ее мнение.

— До такой степени, что поставил собственных детей в полную финансовую зависимость от нее. В моей стране, мистер Коуп, такого рода поступки запрещены законом!

Мистер Коуп поднялся.

— Мы, в Америке, сторонники полной свободы, — сказал он.

Доктор Жерар, на которого эти слова не произвели ни малейшего впечатления, тоже встал. Сколько раз люди самых разных национальностей весели при нем подобную чушь! Этак, пожалуй, вообразишь, будто свобода — достояние того или иного народа. Какое заблуждение!

Доктор Жерар был мудрее. Он знал, что ни одна нация, ни одна страна и ни один человек не пользуются полной свободой. Тем не менее он охотно признавал, что существуют разные степени закрепощения.

Врач задумчиво поднялся в свою комнату и лег спать.

Глава VI

Бывшая тюремная надзирательница

Сара стояла возле храма Харамеш-Шериф, повернувшись спиной к Каменному Своду, и слушала журчание фонтанов. Свующие взад-вперед туристы насколько не нарушали безмятежности окружающего.

Сара вспомнила, что некогда это плато царь Давид купил за шесть сиклей золота и превратил в святое место. Сегодня здесь можно услышать говор народов из всех уголков света...

Девушка обернулась, чтобы посмотреть на мечеть, раздумывая, так же ли прекрасен был Храм Соломона.

Послышался шум шагов — из мечети вышла небольшая группа. Это оказались Бойнтон в сопровождении бодливого гида. Леннокс и Рэймонд с двух сторон поддерживали мать. Нэлли и мистер Коуп шли следом. Кэрол замыкала шествие.

Немного поколебавшись, последняя обернулась и, заметив Сару, бесшумно скользнула через дворик.

— Простите меня, задыхаясь, проговорила она. — Мне надо... надо с вами поговорить.

— В чем дело?

Кэрол была смертельно бледна и дрожала, как осиновый листок.

— Это... насчет моего брата. Когда вы с ним заговорили вчера вечером, то, наконец, сяди его очень невежливим. Но Рэй не виноват; он просто не мог поступить иначе. Умоляю вас, поверьте мне.

Сара эта сцена показалась нелепой. Ее гордость и чувство такта были задеты. С чего вдруг эта незнакомка явилась исподтишка просить у нее прощения за хамство брата?

Мисс Кинг уже собралась ответить довольно резко, но вовремя спохватилась: отчаяние на лице собеседницы поразило ее до глубины души, и та струнка души, которая заставила Сару избрать стезю врача, откликнулась на мучительную тревогу девушки.

— Я вас слушаю, мисс, — мягко сказала она.

— Он разговаривал с вами в поезде, правда?

— Да. Вернее, это я сама с ним заговорила.

— Иначе и быть не могло. Но вчера Рэю стало страшно.

— Страшно? Чего же он испугался?

Лицо Кэрол покрылось краской стыда.

— Да я знаю, это выглядит дико и постыдно. Понимаете, наша мать больна. Она запрещает нам общаться с посторонними. Но я уверена, что Рэй был бы счастлив подружиться с вами.

Такое начало заинтриговало Сару. Но не успела она ответить, как Кэрол снова заговорила:

— Я понимаю, вы сочтете меня глупой, но мы — очень странное семейство.

Она быстро, как затравленное животное, поглядела вокруг и добавила:

— Мне пора бежать. И так уже, наверное, все не могут понять, куда я девалась.

Сара мгновенно приняла решение.

— Почему бы вам не остаться со мной, если вам этого хочется? Мы могли бы вернуться вместе.

— Нет! — Кэрол отшатнулась. — Я ни за что на это не соглашусь.

— Почему?

— Невозможно. Моя мать будет...

— Родители не всегда отдают себе отчет в том, что их дети растут, — вкрадчиво заметила Сара. — И они упорно пытаются по-прежнему руководить всеми их действиями. Нельзя им это позволять. Каждый должен уметь защищать свои права.

— Вы не понимаете! Совсем не понимаете! — воскликнула Кэрол, веряно ломая руки.

— Иногда уступаешь во избежание сцен, — продолжала настаивать Сара. — Это, конечно, очень неприятно. Но, по-моему, свобода стоит того, чтобы за нее бороться.

— Свобода? — повторила Кэрол, пристально глядя на нее. — Никто из нас еще ни разу не был свободен и никогда не будет.

— Ну что за чепуха! — воскликнула Сара. Кэрол нагнулась к ней и взяла за руку.

— Послушайте, я попытаюсь вам объяснить. До замужества моя мать, вернее, мачеха, была надзирательницей в тюрьме, которой управлял мой отец. И с нами она продолжает работать тюремщицей. Вот поэтому-то наше существование и похоже на жизнь заключенных. — Девушка снова огляделась. — Мое отсутствие заметили. Надо бежать.

Сара поймала ее за руку.

— Минутку! Мы еще увидимся и поговорим.

— К чему? Никогда больше у меня это не выйдет!

— Да нет же! — категорически отрезала Сара. — Когда все улягутся спать, приходите в мою комнату. Это триста девятнадцатый номер. Запомните хорошенько: триста девятнадцатый!

Она отпустила руку девушки, и та умчалась к своим.

Сара проводила ее взглядом. Доктор Жерар, подойдя сзади, вывел ее из задумчивости.

— Добрый день, мисс Кинг! Вы разговаривали с мисс Кэрол Бойнтон?

— Да, у нас произошел какой-то совершенно невероятный разговор. Позвольте мне вам его пересказать.

И Сара в общих чертах передала смысл беседы.

— Так она была тюремной надзирательницей! — воскликнул доктор Жерар. — Этим все объясняется!

— Вы думаете, ее тирания вызвана прежней работой?

Врач покачал головой.

— Нет, я скорее склонен считать, что она выбрала эту работу из любви к подавлению, из тайного желания мучить ближних. Его лицо посуровело.

— В нашем подсознании таятся странные инстинкты: жажда власти, жестокость... страсть к разрушительству... Да, мисс Кинг, мы носим в себе тягу к убийству и прочим дикарским поступкам, — наследие нашего варварского прошлого... Мы как бы закрываем внутреннюю дверь и отказываемся слушать, но часто инстинкты переселяются.

Сара содрогнулась.

— Посмотрите, что происходит вокруг нас, — продолжал Жерар, — изучайте внимательно политические страсти и все, что движет людьми в наше время. И вы увидите, чем оборачиваются порой гуманизм, сострадание и человеческое братство. Иногда идеи представляются нам великолепными... режим — умеренным... правительство — благодетельным, но при этом они навязаны силой и опираются на жестокость и страх. Все сторонники насилия открывают дверь примитивному варварству и садистскому зверству. Согласен, проблема сло-

жная. Человек — уравновешенное животное. Им управляет первостепенная необходимость — выжить. Чрезмерная торопливость для него так же губительна, как медлительность. Но выжить он должен и поэтому нередко вынужден сохранить часть древней дикости. Только ни в коем случае нельзя ее обожествлять!

Немного помолчав, Сара спросила:

— Значит, по-вашему, миссис Бойнтон — садистка?

— Почти уверен в этом. Думаю, ей нравится причинять страдания. Я говорю о духовных муках, а не о физических. Это более редкий и более сложный для изучения случай.

— Непостижимо! — воскликнула Сара.

— Старухе нравится тиранить домашних, — сказал врач.

— Охотно верю! Но почему они не освободятся от ее ига? Им же ничто не мешает...

Жерар покачал головой.

— А вот тут вы ошибаетесь. Помните старый опыт с петухом? На земле мелом проводится линия, и к ней приставляют клюв птицы. Петух воображает, будто его привязали, и не решается даже поднять голову. То же самое произошло с этими несчастными. Старуха подавляет их с раннего детства и полностью подчинила себе. Она до того всех загнипотизировала, что ни один уже не в силах ослушаться. Разумеется, многие сочли бы наши рассуждения глупыми, но мы-то знаем, как обстоит дело. Миссис Бойнтон внушила детям, что они полностью зависят от нее и никогда, ни при каких обстоятельствах не могут действовать по собственному усмотрению. Несчастные так давно сидят под замком, что, если бы сейчас темница вдруг распахнулась, они бы этого даже не заметили. Ни один не требует свободы, более того, каждый ее опасается.

Как человек сугубо практического склада, Сара тут же спросила:

— А что будет после смерти миссис Бойнтон?

Жерар пожал плечами.

— Во-первых, это зависит от времени. Исчезни она теперь же, может, было бы и не слишком поздно. Рэймонд и его сестра еще очень молоды и податливы. Они, безусловно, стали бы нормальными людьми. Что до Леннокса, его случай, кажется, безнадежен. Он позволяет старухе жить за него и руководить всеми движениями, словно это не человек, а безвольное животное.

— Его жене следовало бы давно вмешаться и увести его оттуда, — возмутилась Сара.

— Возможно, она и пыталась, но тщетно.

— Вы полагаете, жена Леннокса тоже терпит игу миссис Бойнтон?

— Нет. Свекровь не имеет на нее никакого влияния и тем паче ненавидит.

— Все же я никак не могу понять Нэдию. Отдает ли она себе отчет в том, что происходит?

541

— О да! Для этого у нее хватает тонкости.

— Гм! Эту старую ведьму следовало бы уничтожить! — отрезала Сара. — Капелька мышьяка в утренний чай — вот мой рецепт. А что вы думаете о самой юной дочери, о рыжеволосой девочке с ангельской улыбкой?

— Не могу сказать точно. Тут что-то не так. Джиневра — родная дочь старухи.

— Да. И с ней обращаются иначе, чем с прочими.

— Когда человека охватывает страсть к тирании и жестокости, он не щадит никого, даже самых родных и близких, — медленно и серьезно проговорил доктор Жерар и, помолчав, неожиданно спросил: — Вы верите в Бога, мадемуазель?

— Не знаю, — задумчиво отозвалась Сара. — Я всегда думала, что не исповедую ни одной религии. А теперь — не уверена. Я чувствую... О да! Чувствую, что если бы могла убрать прочь все эти наслоения, то увидела бы воочию спокойное лицо Христа, на ослике въезжающего в Иерусалим. И я верю в него.

— Ну, а я верю, по меньшей мере, в один из догматов христианской религии. Помните, искушение? Как врач я знаю, что жажда главенствовать, обрести власть порождает множество болезней человеческой души. Если эта страсть реализуется, возникает преувеличенное представление о собственной значимости, толкающее к насилию. А затем приходит пресыщение. Когда же властолюбие не находит выхода, путь один — в клинику. Лечебницы для душевнобольных буквально забиты теми, кто не в силах переносить убогое существование и ощущение собственной незначительности. Такие люди стремятся любым способом уйти от действительности, даже рискуя навсегда утратить связь с реальностью.

— Как жаль, что старая миссис Бойнтон не в сумасшедшем доме! — резко бросила Сара.

Доктор Жерар покачал головой:

— Нет, ее место не там, где страдают неудачники. Тут дело гораздо хуже. Сами видите, старуха чувствует себя победительницей! Ее мечты сбылись!

Сара вздрогнула.

— Бог не должен был бы допустить такого! — запальчиво воскликнула она.

Глава VII

Вылазка

Сара почти не верила, что Кэрол Бойнтон придет на свидание. Но она все же приготовилась к встрече, накинула голубой атласный халатик и поставила воду на спиртовую горелку.

После того как пробил час ночи, девушка уже перестала ждать гостей и собира-



лась лечь спать. Но тут в дверь постучали, и Сара открыла. Кэрол вошла в комнату.

— Я боялась, что вы уже легли спать, — задыхаясь, проговорила она.

Сара попыталась придать голосу естественность:

— Я вас ждала. Выпейте чашечку чаю? Это настоящий Лапсанг Сучонг. Возьмите бисквит.

Гостья приняла предложение и вскоре успокоилась.

— Как забавно пить чай в такое время, правда? — заметила Сара.

Кэрол немного удивил этот вопрос.

— Да, — неуверенно ответила она, — да, пожалуй.

— Это напоминает мне полуночные вечеринки в пансионате, — продолжала Сара.

— Вы, наверное, не представляете, как живут пансионерки?

— Мы воспитывались дома. У нас была гувернантка, или, вернее, несколько... потому что никто не оставался надолго.

— Вы мало путешествовали?

— Да. Мы никогда не выезжали из дому, и это наше первое путешествие.

— Значит, для вас это великое приключение?

— Да. Мы сами себе не верим.

— А почему ваша мачеха решила на перемену мест?

При упоминании о миссис Бойнтон девушка вздрогнула, и Сара поторопилась добавить:

— Понимаете, я только что получила диплом врача, а ваша мать, точнее, маче-

ха — крайне любопытный феномен с точки зрения патологии.

Кэрол удивленно открыла глаза.

Сара сказала это нарочно, желая отнять у миссис Бойнтон внушающий трепет ореол священного кумира.

— Некоторые люди, — объяснила она, — испытывают непреодолимую, маниакальную страсть к подавлению. Они желают, чтобы все склонилось перед их волей и перестали сноситься с внешним миром.

— Как я рада слышать это от вас! — воскликнула Кэрол, ставя на стол чашку. — Мой брат Рэймонд и я совершенно запутались и перестали понимать, что происходит.

— Иногда полезно довериться постороннему человеку. В собственной семье возникает некоторая склонность все преувеличивать. — И как бы невзначай Сара спросила: — Если вы несчастны, то почему не уедете из дому? Вы думали об этом?

— О нет! Во-первых, как это сделать? Мама никогда не разрешит...

— Но она не может вам помешать. Вы совершеннолетняя?

— Мне двадцать три года.

— Тем более.

— Но я не знала бы, ни куда пойти, ни что делать. Понимаете, у нас нет денег.

— А у друзей вы не могли бы найти пристанище?

— У друзей? — Кэрол покачала головой: — Мы ни с кем не знакомы.

Увидев крайнее смущение девушки, Сара почла за благо сменить тему.

— Вы любите мачеху?

Кэрол на мгновение замялась, потом с ужасом и отвращением прошептала:

— Я ее ненавижу! И Рэймонд тоже. Мы часто думаем, как было бы хорошо, если бы она умерла.

Сара снова сменила тему.

— Расскажите мне немного о вашем старшем брате.

— О Ленноксе? Я не знаю, о чем он думает. Он едва говорит и вечно витает в облаках. Нэдин страшно переживает из-за него.

— Вам нравится ваша невестка?

— Да. Нэдин очень милая. И она тоже страдает.

— Из-за вашего брата?

— Да.

— Они давно женаты?

— Четыре года.

— И всегда жили вместе с вами?

— Да.

— Вашей невестке нравится такое существование?

— Нет. — Недолго помолчав, Кэрол продолжала: — Четыре года назад произошла целая история. Как я вам говорила, никто из нас не выходит из дому, во всяком случае за пределы имения. Но однажды вечером Леннокс поехал в Фаунтейн-Спрингс — там устроили танцы. Узнав об этом, мать пришла в дикую ярость. Вскоре она попросила Нэдин жить вместе с нами. Нэдин —

племянница нашего отца. Она была очень бедна и работала медсестрой в больнице. Месяц она жила в доме. И они с Ленноксом полюбили друг друга. Тогда мать решила поженить их и держать при себе.

— И Нэдин это устроило?

Кэрол на мгновение смешалась.

— Такой надзор ей, конечно, не по душе, но пришлось смириться. Потом она хотела уехать вместе с мужем, но...

— Но они остались, — закончила за нее Сара.

— Да, мать была против отъезда. С тех пор она терпеть не может Нэдин. Но Нэдин... странная: никогда не знает, что у нее на уме. Она постоянно занимается Джинни, а мать смотрит на это покровительством с большим неодобрением.

— Джинни — самая младшая ваша сестра?

— Да. На самом деле ее зовут Джиневра.

— И она тоже несчастна?

— В последнее время с Джинни творится что-то непонятное. Я ее не узнаю. Джинни и так очень хрупкого здоровья, а мать еще усугубляет болезнь избытком забот. Временами можно подумать, будто девочка совершенно теряет разум и сама не знает, что делает.

— Ее показывали врачу?

— Нэдин хотела, да мать воспротивилась. Джинни устраивала истерики, вопила и кричала, что не хочет видеть врача. Но ее состояние меня беспокоит.

Кэрол неожиданно вскочила.

— Не хочу больше держать вас на ногах — давно пора спать. С вашей стороны было очень любезно пригласить меня сегодня. Наверное, мы кажемся вам ненормальным семейством?

— Все люди в той или иной мере странные. Приходите еще, если хотите. И, будьте другом, приведите своего брата.

— Правда?

— Да, начнем строить заговоры вместе. Мне бы хотелось свести вас с одним из моих знакомых, доктором Жераром. Это француз. Очень приятный человек.

Щеки у Кэрол покраснели от удовольствия.

— Это было бы чудесно. Только бы мать не узнала!

Сара сдержала готовое сорваться с губ замечание и лишь проговорила:

— Откуда ей об этом проведать? Спокойной ночи. Значит, договорились? Завтра в то же время.

— Да.

— Тогда до завтра! Доброй ночи.

— Спокойной ночи... и спасибо!

Кэрол вышла из комнаты Сары и проскользнула в коридор. Она жила этажом выше. Открыв дверь своей комнаты, девушка в ужасе застыла на пороге — закутавшись в пурпурный шерстяной пеньюар, в кресле у камина восседала миссис Бойнтон.

Кэрол испуганно вскрикнула:

— Ох!
Черные бусинки глаз безжалостно впились в ее лицо.

— Ты откуда, Кэрол?

— Я... я...

— Откуда ты пришла?

Мачеха говорила хриплым угрожающим голосом, чем повергла девушку в неописуемый ужас.

— Я ходила повидать мисс Кинг... Сару Кинг.

— Ты самую, что говорила с Рэймондом вчера вечером?

— Да, мама.

— И ты намерена увидаться с ней опять?

Кэрол беззвучно шевельнула губами. Страх, словно волной, захлестнул ее, мешая дышать, и девушка только наклонила голову в знак согласия.

— Когда? — продолжала допрашивать миссис Бойнтон.

— Завтра вечером.

— Ты больше никогда не пойдешь к ней. Понятно?

— Да, мама.

— Ты мне обещаешь?

— Да... да...

Старуха с трудом поднялась. Кэрол машинально поспешила помочь. Опираясь на палку, миссис Бойнтон заковыляла в другой конец комнаты. На пороге она обернулась к сраженной огорчением и страхом девушке.

— Я запрещаю тебе видаться с этой мисс Кинг. Ясно?

— Да, мама.

— Повтори.

— Я не должна встречаться с мисс Кинг.

— Хорошо!

Миссис Бойнтон вышла и закрыла за собой дверь.

Как автомат, Кэрол приблизилась к кровати, в отчаянии упала на покрывало и разразилась рыданиями.

Еще совсем недавно перед ней был озаренный солнцем горизонт, зелень и цветы... Теперь же вокруг сомкнулись мрачные темные стены.

Глава VIII

Человек, лишенный воли

— Можно вас на минутку?

Нэдин удивленно обернулась и увидела мрачное, но как бы озаренное внутренним светом лицо молодой незнакомки.

— С удовольствием выслушаю вас.

Отвечая, Нэдин почти бессознательно кинула взгляд через плечо.

— Позвольте представиться: меня зовут Сара Кинг.

— А!

— Я хочу сообщить вам новость, миссис

Бойнтон, которая, несомненно, очень вас удивит. Вчера вечером я долго говорила с вашей невесткой.

Легкое облачко окутало безмятежные черты Нэдин Бойнтон.

— Вы разговаривали с Джиневрой?

— Нет, не с Джиневрой, а с Кэрол.

Облачко рассеялось. Казалось, Нэдин Бойнтон и обрадована, и удивлена.

— Как вам это удалось?

— Она пришла в мою комнату довольно поздним вечером, — ответила Сара.

Заметив легкое движение бровей собеседницы, она смущенно добавила:

— Вам, должно быть, это кажется странным?

— Нет, — Нэдин Бойнтон покачала головой. — Я бесконечно счастлива, что Кэрол обрела в вас друга, которому можно довериться.

— Мы прекрасно поняли друг друга. По правде говоря, Кэрол собиралась снова прийти ко мне на следующий вечер.

— И что же?

— Но она не пришла.

— Как это?

Спокойный размеренный голос Нэдин, мягкое и невозмутимое выражение ее лица несколько не прояснили Саре, что произошло.

— Вчера Кэрол шла по холлу, я окликнула ее, но даже не получила ответа. Она лишь посмотрела в мою сторону и поторопилась убежать.

— Понимаю.

Наступило молчание. Сара не знала, как продолжить разговор, но Нэдин Бойнтон заговорила сама:

— Мне очень жаль. Кэрол — на редкость нервная девушка.

Новая пауза. И тут Сара решилась.

— Я говорю с вами как врач, миссис Бойнтон. Я полагаю, что вашей невестке необходимо общаться со сверстниками.

Некоторое время Нэдин Бойнтон задумчиво смотрела на Сару.

— Ну, если вы смотрите на это с медицинской точки зрения, тогда другое дело.

— Вы меня понимаете, не так ли?

Нэдин все так же задумчиво наклонила голову.

— Вы, несомненно, правы. Но тут есть серьезные помехи. Моя свекровь не отличается крепким здоровьем и испытывает, я бы сказала, болезненное отвращение к посторонним.

— Но Кэрол — уже взрослая женщина, — возмущенно отозвалась Сара.

Нэдин Бойнтон покачала головой.

— Нет... во всяком случае, духовно. Раз вы с ней говорили, должны были это почувствовать. Если нужно принять какое-то решение, она ведет себя, словно испуганный ребенок.

— Так что же, по-вашему, произошло? Она испугалась?

— По-видимому, моя свекровь настоятельно потребовала, чтобы Кэрол больше не виделась с вами, мисс Кинг.

— И Кэрол послушалась?

— Разве она могла поступить иначе? — поспешно отозвалась Нэдин Бойнтон.

Молодые женщины обменялись долгим взглядом. И Сара почувствовала, что, невзирая на ничего не значащие слова, Нэдин ее отлично понимает. Значит, младшая миссис Бойнтон полностью отдает себе отчет в происходящем, но предпочитает не говорить об этом.

Сару охватило глубокое уныние. В тот вечер, когда приходила Кэрол, ей показалось, что битва наполовину выиграна. Во время тайных свиданий девушка надеялась внушить мысль о бугте и Кэрол... и Рэймонду тоже. (Если быть до конца честной, то разве не о Рэймонде она неистанно думала все это время?) Но с первого же раунда ее позорно вывела из строя эта масса мягкого жира с глазами василиска!

— Какая несправедливость! — воскликнула девушка.

Нэдин не ответила. Но было в ее молчаливой что-то такое, отчего у Сары сжалось сердце. «Эта женщина лучше меня понимает всю безнадежность борьбы, — подумала Сара, — но она вынуждена жить с этим ощущением!»

В это время открылись двери лифта. Оттуда, опираясь на палку, вылезла жирная миссис Бойнтон. Сбоку ее поддерживал младший сын Рэймонд.

Сара вздрогнула. Старуха окинула взглядом Нэдин, потом посмотрела на нее. Сара ожидала увидеть в глазах старой ведьмы огонек ненависти, но никак не злобную радость.

Девушка поспешно ретировалась.

— Вот и мы, Нэдин, — сказала старуха. — Я немного посижу отдохну, а уж потом пойдем.

Нэдин и Рэймонд усадили ее в кресло с высокой спинкой.

— С кем вы тут толковали, Нэдин?

— С мисс Кинг.

— Ах, вот как! С этой девичей, которая заговорила с Рэймондом? Что ж, Рэй, почему бы тебе не поболтать с ней сейчас? Гляди-ка, вон она там сидит и что-то пишет.

Губы старухи растянулись в дьявольской ухмылке. Под ее злобным взглядом Рэймонд мучительно покраснел. Он отвернулся и пробормотал что-то неопределенное.

— Что ты сказал, сынок?

— Я не хочу разговаривать с ней.

— Так я и знала! Ты никогда больше не будешь разговаривать с этой женщиной. Даже если захочешь — я тебе помешаю! — она закашлялась. — Это путешествие доставляет мне огромное удовольствие, Нэдин. Ни за что на свете я не согласилась бы от него отказаться.

— Да?

Голос молодой женщины прозвучал совершенно бесстрастно.

— Рэй!

— Да, мама.

— Пошли принеси мне листок писчей бумаги вон с того стола в углу.

Рэймонд поспешил выполнять приказание.

Нэдин подняла голову. Но она наблюдала не за молодым человеком, а за старухой. Та всем телом подалась вперед, и ноздри ее раздувались от наслаждения. Рэй прошел совсем близко от Сары. Девушка подняла голову. На мгновение ее лицо осветилось надеждой, но тут же погасло. Молодой человек взял листок бумаги и вернулся к матери.

Когда он подошел, на лбу у него блестели капельки пота. Лицо покрывала смертельная бледность.

— Ну? — осведомилась миссис Бойнтон самым ласковым голосом.

Тут она заметила, что Нэдин наблюдает сцену, и глаза ее сверкнули от злости.

— Куда же это сегодня запропастился мистер Коуп? — спросила старуха.

Нэдин потупила глаза и все тем же равнодушным голосом ответила:

— Не знаю. Я его не видела.

— Мне очень нравится этот господин, — заметила миссис Бойнтон. — Постараемся видаться с ним как можно чаще. Это доставит вам удовольствие, не так ли?

— Да, — отозвалась Нэдин, — по-моему, он очень мил.

— А что это с Ленноксом в последнее время? Он выглядит довольно грустным. По крайней мере, между вами ничего не произошло?

— Нет. А почему вы спрашиваете?

— Обычное любопытство. Как вы знаете, супруги не всегда ладят. Может быть, вы были бы счастливее, живя отдельно?

Молодая женщина промолчала.

— Вам бы этого хотелось?

— Но уж вы-то определено не захотите нас отпустить, мама.

Старые морщинистые веки вздрогнули.

— Вечно вы настроены против меня, Нэдин, — сухо и злобно заметила миссис Бойнтон.

— Мне жаль, что вы так считаете, — без всякого выражения ответила молодая женщина.

Старуха побагровела и схватилась за палку. Потом, сменив тон, она проворчала:

— Я забыла свои капли. Сходите за ними, Нэдин.

— С удовольствием.

И под взглядом свекрови она направилась через весь холл к лифту. Рэймонд, откинувшись в кресле, грустно и устало смотрел по сторонам.

Добравшись до своего этажа, Нэдин прошла по коридору и толкнула дверь в прихожую номера. Леннокс сидел у окна с книгой в руке, но не читал. Услышав, как вошла жена, он повернул голову.

— Это ты, Нэдин?

— Да. Я пришла за каплями для матери. Она их забыла.

Молодая женщина вошла в спальню миссис Бойнтон, взяла с полочки в ванной флакон и аккуратно отлила нужное количество капель в мерный стаканчик.

На обратном пути Нэдин снова остановилась в салоне.

— Леннокс! — позвала она.

Думая о чем-то своем, он отозвался не сразу.

— Что ты сказала? — наконец спросил он.

Нэдин поставила стаканчик на стол и подошла к мужу.

— Посмотри, какое солнце сверкает там, на улице, Леннокс... Приглядись к жизни других людей... Все это так прекрасно! Мы могли бы гулять там, вместо того чтобы наслаждаться видами из окна!

— Ты хочешь выйти в город? — немного помолчав, спросил Леннокс.

— Да! С тобой вместе! Я хочу радоваться солнцу, жить настоящей жизнью... жить с тобой!

Леннокс поглубже влез в кресло.

— Дорогая моя Нэдин, неужели необходимо снова возвращаться к этому вопросу?

— Да, необходимо. Давай сбежим вместе, далеко-далеко отсюда!

— Каким образом? А деньги?

— Мы сумеем их заработать!

— Как? Я же ничего не умею!

— Я заработаю на двонх.

— Милая моя, ты даже не доучилась на медсестру. Положение безвыходное.

— Нет, это наше нынешнее существование невыносимо!

— Ты говоришь, не подумав. Мать к нам бесконечно добра и окружает нас всей возможной роскошью.

— Да, не хватает только свободы! Послушай, Леннокс, сделай над собой усилие! Бежим вместе... Прямо сегодня!

— Ты теряешь рассудок, Нэдин!

— Нет, я в совершенно здравом уме, но меня терзает жажда жизни. Я хочу жить вместе с тобой под ярким солнцем, а не пресмыкаться в тени тираничной старухи, которой нравятся только одно — делать нас несчастными.

— Мать очень властолюбива, тут я с тобой согласен...

— Да просто сумасшедшая! Буйнопомешанная!

— Это неправда, — мягко возразил муж. — У нее замечательный талант к предпринимательству.

— Возможно.

— А кроме того, Нэдин, ты должна понять: она не вечна. Мать стареет... После ее смерти состояние моего отца будет поделено между нами на равные части. Вспомни: мать читала нам его завещание.

— Когда она умрет, возможно, будет слишком поздно.

— Слишком поздно?

— Да, для того, чтобы быть счастливыми.

— Слишком поздно, чтобы быть счастливыми, — совсем тихо повторил Леннокс. Нэдин положила ему на плечо руку:

— Леннокс! Я обожаю тебя! В этой борьбе между твоей матерью и мною чью сторону ты примешь — мою или ее?

— Твою... твою.

— Тогда сделай то, о чем я тебя прошу!

— Невозможно!

— Да нет же, подумай сам, Леннокс! У нас были бы дети.

— Матери хочется, чтобы они у нас были. Разве она не повторяла это много раз?

— Знаю. Но я никогда не рожу детей, чтобы видеть, как их воспитывают подобно вам. Твоя мать может влиять на тебя, но надо мной она не властна.

— Ты всегда держись с ней вежливо и любезно, но порой ты очень раздражаешь ее, Нэдин.

— Она злится, потому что чувствует свое бессилие сломить меня.

— Я восхищаюсь твоим терпением, Нэдин. Ты гораздо лучше меня. Когда ты согласилась выйти за меня замуж, мне казалось, я вижу сон.

— В тот день я совершила большую ошибку, — спокойно ответила молодая женщина.

— Да, конечно...

— Ты меня не понял, Леннокс. Я хочу сказать, что, если бы в тот день я собралась бежать и позвала тебя с собой, ты бы послушался, я в этом уверена. К несчастью, мне не хватало опыта, и я еще не разобралась в намерениях твоей матери. — Немного помолчав, она добавила: — Ты отказываешься расстаться с ней? Я тебя не понимаю. Знай, во всяком случае, что я вольна уйти и что... я твердо намерена это сделать.

Леннокс поднял глаза и недоверчиво посмотрел на жену. Впервые в жизни он ответил с живостью, словно неожиданно ход его мыслей ускорился.

— Нечего и думать!.. Совершенно бесполезно... Мать даже слушать об этом не захочет!

— Она не сумеет мне помешать...

— У тебя нет денег.

— Я их заработаю, или займу, или украду, или выпрошу, как нищенка! Я свободна и могу по собственной воле остаться или уйти!

— Нэдин, не бросай меня!..

Она задумчиво посмотрела на мужа. На лице ее появилось какое-то загадочное выражение.

— Не бросай меня, Нэдин! — повторил Леннокс.

Он умолял, как ребенок. Молодая женщина отвернулась, и Леннокс не видел, какое страдание появилось в ее глазах. Нэдин встала на колени рядом с мужем.

— Тогда иди за мной! Если бы только ты захотел...

Он в ужасе отшатнулся.

— Я не могу, не могу, повторяю тебе. У меня никогда не хватит мужества!

Глава IX

Отъезд Бойнтонов

Войдя в туристическое агентство, доктор Жерар сразу увидел возле справочного бюро Сару Книг.

— Вот это встреча! Добрый день, — по-

здоровалась девушка. — Я собираюсь заказать место на экскурсию в Петру. Значит, в конце концов и вы соблазнились?

— Да, у меня хватит времени.

— Тем лучше.

— Нас будет много?

— Говорят, еще две женщины... это кроме нас с вами. Хватит одной машины.

— Путешествие обещает быть великолепным.

Заказав место, доктор догнал Сару у выхода из агентства. Было солнечно, но дул довольно сильный ветер.

— Как поживают Бойнтоны? — спросил врач. — Вы ведь знаете, я уезжал на три дня смотреть Вифлеем, Назарет...

Медленно, почти против воли, Сара поведала ему о своей неудаче с молодыми Бойнтонами.

— У меня так ничего и не вышло, — призналась она в заключение. — А сегодня они уже уезжают.

— Куда?

— Не имею ни малейшего представления.

— И она с горечью добавила: — Мне кажется, я просто выставила себя на посмешище.

— Каким образом?

— Сунула нос в то, что меня не касается.

Жерар пожал плечами.

— Вы меня осуждаете? — спросила девушка.

— Нет, мадемуазель! Вы заблуждаетесь. Иногда мы имеем право вмешиваться в чужие дела. Все зависит от обстоятельств. Попытавшись исправить несправедливость, можно оказать ближнему большую услугу... Следовательно, тут нет твердо установленных правил. Люди опытные, однако, считают, что чаще всего, впутавшись в чужие отношения, можно лишь нажить неприятность... И они колеблются.

— Не очень утешительно, — заметила Сара.

— А можно ли вообще осчастливить людей против воли?

— Значит, вы не хотите вмешиваться в дела Бойнтонов?

— Я? Я бы чувствовал себя побежденным заранее.

— То же самое можно сказать и обо мне.

— Ну, у вас-то больше шансов преуспеть.

— Почему?

— На вашей стороне молодость и то, что вы женщина. Вас постигла неудача с девушкой, но, принявшись за брата, вы вполне способны победить. Судя по словам Кэрл, над всемогуществом старой дамы витает некая угроза. Достигнув зрелости, старший сын, Леннокс, презрел ее волю. Разве у него не хватило пороха сбежать однажды ночью на танцы? Старая ведьма не может недооценивать силу любви. Наверняка у нее есть определенный опыт в этом отношении. Именно поэтому она и допустила в дом хорошенькую, но бедную девушку и повстряла ее брак с Ленноксом.

Таким образом она надеялась приобрести новую рабыню.

Сара покачала головой:

— Не очень-то младшая миссис Бойнтон похожа на рабыню.

— Может, и нет, — согласился Жерар. — Старуху обманул мягкий и податливый характер невесты, и она недооценила силу воли Эдди. В то время девушка была еще слишком юна, чтобы разобратся в положении. Теперь она все понимает, но слишком поздно.

— Думаете, она утратила всякую надежду?

— Если Эдди и строит какие-то планы, то втайне от остальных. Не забудьте о Коупе. Мужчина — ревнивое животное... а ревность — опасная сила. Леннокс Бойнтон еще может выйти из апатии, в которой пребывает все это время.

— И вы считаете... Рэймонд? — Сара нарочно произнесла это тоном практичной, умудренной жизнью женщины. — По вашему, я могла бы его спасти?

— Почему бы и нет?

— Может быть, мне следовало попытаться, — вздохнула девушка. — Но теперь слишком поздно, и меня это больше не прельщает.

— Сразу видно, что вы англичанка! У ваших соотечественниц сохраняются на этот счет просто смехотворные предрассудки. Для них пытаться увлечь мужчину — неприлично.

Сара возмутилась, но это не произвело на доктора Жерара ни малейшего впечатления.

— Да-да, я знаю, мадемуазель, что вы ультрасовременны. На людях вы, не колеблясь, употребляете самые рискованные выражения. И однако кое в чем вы похожи на свою мать и бабушку. В глубине души вы остались «юной чопорной мисс», хотя теперь крайне редко краснеете.

— В жизни не слышала подобной чепухи!

Слегка подмигнув, доктор невозмутимо добавил:

— И это придает вам дополнительное очарование!

На сей раз Сара даже не нашла что сказать. Но доктор Жерар вежливо приподнял шляпу.

— Спешу убраться, пока вы не успели ответить, что вы об этом думаете!

И он поспешил в гостиницу. Сара медленно пошла следом.

У входа царило сильное оживление. Несколько нагруженных багажом машин готовились к отъезду.

У роскошного автомобиля стояла Леннокс, Эдди Бойнтон и мистер Коуп. Они наблюдали за погрузкой чемоданов и сумок. Пузатый гид пытался объяснить с Кэрл на исковерканном английском.

Сара прошла мимо них.

Старая миссис Бойнтон, закутанная в теплое пальто, ожидала отправки, сидя в кресле.

При виде ее Сару охватило глубокое от-

вращение: для нее эта старуха воплощала мировое зло.

Но неожиданно в голове девушки все поменялось местами: злобщая мегера вдруг показалась ей жалкой. Родиться с безумной жадной господства, а закончить горькая судьба! Если бы только дети могли сейчас взглянуть на нее глазами Сары! Они увидели бы всего-навсего беспомощную старуху, глупую и злобную...

Под влиянием внезапного порыва Сара подошла к ней.

— До свидания, миссис Бойнтон. Надеюсь, ваше путешествие будет приятным. Старуха смерила ее злобным взглядом.

— Чем я могла вызвать у вас такую неприязнь? — продолжала Сара, сердясь на себя за безумную выходку, но не в силах остановиться. — Вы помешали дочери и сыну общаться со мной. Неужели вы сами не видите, что это просто ребячество? Вы пытаетесь разыгрывать из себя людоедку, а на самом деле только смешны. Вы, конечно, возненавидите меня за то, что я говорю вам эти горькие истины. Тем хуже! Может, это и не пройдет совсем без пользы. Существование деше, возможно, принесло бы вам немало радостей, но для этого надо стать добрее и снисходительнее к другим. Поверьте мне, попробовать стоит!

Наступило молчанье. Миссис Бойнтон застыла в полной неподвижности. Наконец она облизала пересохшие губы кончиком языка, открыла рот, но так и не произнесла ни звука.

— Говорите, — ободряюще промолвила Сара. — Говорите! И не важно, что вы мне ответите. Но подумайте хорошенько над тем, что я вам сказала.

Змеиные глаза миссис Бойнтон смотрели не на Сару, а, казалось, отыскивали какой-то знакомый призрак за ее спиной. Наконец она почти беззвучно проговорила:

— Я никогда ничего не забываю! Запомните это! Я ни разу еще ничего не забыла! Ни поступка, ни имени, ни лица!

Слова ничего не значили по сравнению с ядовитым тоном, каким они были произнесены. Сара в ужасе отступила.

И тогда миссис Бойнтон разразилась жутким, отвратительным смехом.

— Вас можно только пожалеть, сударыня! — пожав плечами, воскликнула Сара.

И она ушла. У лифта девушка едва не столкнулась с Рэймондом Бойнтонном.

— До свидания, — сказала ему Сара. — Желаю вам хорошо провести время и надеюсь, что мы еще встретимся.

Реймонд застыл как громом пораженный. И так глубоко задумался, что вышедший из лифта невысокий человек с огромными усами вынужден был несколько раз повторить:

— Прошу прощения!

— Это вы извините меня, — отозвался наконец Рэймонд, — я слишком замечтался...

К брату подошла Кэрол.

— Рэй, сходи за Джинни, ладно? Она

вернулась наверх, а нам уже пора ехать.

Рэймонд вошел в лифт.

Эркуль Пуаро, удивленно вскинув брови, посмотрел ему вслед и, словно прислушиваясь, склонил набок голову, потом кивнул и направился к выходу. Кэрол уже стояла возле матери.

Маленький детектив знаком подозвал управляющего, который в это время как раз проходил мимо.

— Прошу прощения, не могли бы вы назвать мне фамилию этих постояльцев?

— Это Бойнтон, сэр. Американская семья.

— Благодарю вас, — сказал Эркуль Пуаро.

На третьем этаже, направляясь в свою комнату, доктор Жерар столкнулся с Рэймондом Бойнтонном и Джинневрой. Молодые люди шли к лифту.

Уже входя в кабину, девушка попросила брата:

— Одну минутку, Рэй. Подожди меня в лифте.

Она помчалась по коридору, свернула за угол и догнала врача.

— Простите, я хотела поговорить с вами! Доктор Жерар удивленно замер. Девушка схватила его за руку.

— Меня похищают!.. И, может быть, убьют!.. Я не из этой семьи. Моя настоящая фамилия не Бойнтон! — слова сыпались, как горох, нелетая одно на другое. — Я открою вам тайну: я... королевской крови! Я наследница трона. Вот поэтому меня окружают враги! Меня пытаются отравить и всячески мучают... Помогите мне спастись!

Послышался шум шагов, и она умолкла.

— Джинни, ты где?

Похожая на испуганную лань девушка была неотразимо очаровательна. Она прижала палец к губам, кинула на доктора Жерара умоляющий взгляд и опрометью кинулась навстречу брату.

— Иду, Рэй!

Доктор Жерар медленно пошел дальше, недоуменно вздернув бровь и покачивая головой.

Глава X

В пустыне

Отъезд в Петру был назначен на утро.

У входа в отель Сара увидела могучего сложения женщину с внушительным, как у деревянной лошади, носом. Женщина возмущенно кричала:

— Эта машина слишком мала! Четверо пассажиров и еще проводник! Нам нужен более просторный экипаж! — вопила она. — Будьте любезны отправить эту машину в гараж и пригоните сюда другую, более подходящих размеров!

Представитель туристического агентства тщето повышал голос, пытаясь объяснить положение. Машина была вполне достаточной величины и в целом очень удобна. Более крупная машина не годится для путешествия по пустыне.

Громадная женщина, нависавшая над служащим туристического агентства с угрозой раздавить его, внезапно повернулась к Саре.

— Мисс Кинг! Позвольте представиться: леди Уэстхольм. Уверена, что вы разделяете мое мнение. Эта машина явно мала, правда?

— Честно говоря, мне кажется, что в машине чуть больших размеров нам было бы удобнее, — осторожно заметила Сара.

Молодой человек объяснил, что поездка в более просторном экипаже повысит стоимость экскурсии.

— Цена путешествия и так достаточно разорительна, и я не заплачу ни пенни больше, — отрезала леди Уэстхольм. — Разве ваши рекламные проспекты не обещают, что поездка состоится в просторном экипаже? Вы обязаны сдерживать обещание. Ничего другого от вас не требуется!

Смирившись, молодой человек пробормотал, что попытается все устроить, и удалился.

Носатая дама с торжествующей улыбкой повернулась к Саре.

Леди Уэстхольм была заметной фигурой в английских политических кругах. Достигнув средних лет, лорд Уэстхольм, человек простой и увлекательный только охотой и рыбной ловлей, во время поездки в Америку встретил среди пассажиров некую миссис Вэнситтард. А чуть позже миссис Вэнситтард превратилась в леди Уэстхольм. Эта дама, всегда облаченная в шевитовый костюм и высокие ботинки на шнуровке, разводила охотничьих собак, свирепо управлялась с крестьянами и принуждала мужа заниматься политикой. Однако, быстро сообразив, что лорд Уэстхольм не способен разобрататься в политической игре, она отправила его обратно, к прежним развлечениям, и выставила собственную кандидатуру в парламент. Ее избрали подавляющим большинством, и новоиспеченный пэр в юбке со всем пылом ринулся на политическую арену. В газетах стали появляться карикатуры на леди Уэстхольм — то был явный признак успеха. В проблемах женского труда, сельского хозяйства, трущоб и жилья для леди Уэстхольм не было секретов. Пользуясь огромным авторитетом, хотя и ненавидимая всеми, эта дама надеялась получить секретарский пост в правительстве, как только ее партия вернется к власти.

Леди Уэстхольм с довольной улыбкой смотрела вслед удаляющейся машине.

— Мужчины вечно думают, будто могут навязать свою волю женщине! — воскликнула она.

Саре подумалось, что мужчина, способный навязать свою волю леди Уэстхольм, должен быть настоящим героем! Девушка

представила ей доктора Жерара, который как раз вышел из отеля.

— Мне известно ваше имя, доктор, — сказала леди Уэстхольм, пожмая руку врача. — Недавно в Париже я беседовала с профессором Шантро о проблеме лечения немущих душевнобольных, и мне удалось убедить его принять мою точку зрения. Может быть, в ожидании новой машины нам стоит вернуться в отель?

В это время к ним подошла невзрачная маленькая женщина средних лет — мисс Амабель Пирс, четвертый член экскурсии. Леди Уэстхольм немедленно приняла ее под свое крыло и вместе со всеми прочими повела в холл.

— Вы изучаете медицину, мисс Кинг?

— Да, я только что получила диплом.

— Bravo! — воскликнула леди Уэстхольм.

— Если в мире и происходят великие свершения, то лишь благодаря женщинам.

Сару такое категоричное утверждение только смутило, и она молча последовала за леди Уэстхольм.

Все расселись, и леди Уэстхольм повела, что отвергла гостеприимство губернатора, предложенное на все время ее пребывания в Иерусалиме.

— Мне вовсе не улыбалось постоянно терпеть эти бесконечные официальные приемы. Уж лучше на все посмотреть самой. — На что именно? — спросила Сара.

Леди Уэстхольм, выбравшая отель «Соломон» ради вяшего спокойствия, объяснила, что дала управляющему несколько ценных советов для улучшения obsługi.

— Наивысшая производительность — вот мой девиз, — изрекла леди Уэстхольм.

И как в этом усомниться? Меньше чем через четверть часа у отеля появился просторный и очень удобный экипаж, а потом, в назначенное время (хотя леди Уэстхольм все же успела высказать свое мнение о том, как лучше всего расположить багаж) машина уехала, увозя с собой четырех путешественников.

Первой остановкой было Мертвое море. Путники позавтракали в Иерихоне. Затем леди Уэстхольм, вооружившись путеводителем Бедекера, удалилась в сопровождении мисс Пирс, врача и толстого гида исследовать старые кварталы города. Сара осталась одна в саду отеля.

Девушку мучила легкая мигрень, ей было тоскливо, и поэтому она предпочла побыть в одиночестве. Сару сейчас больше ничего не интересовало, не хотелось даже посмотреть Иерихон, а спутники действовали на нервы. Она очень жалела, что поехала на эту экскурсию и в результате истратит кучу денег, не получив никакого удовольствия. Луженая глотка леди Уэстхольм, непрестанная болтовня мисс Пирс и бесконечные жалобы проводника на сионистов отчаянно действовали на нервы. Девушка злилась даже на доктора Жерара за то, что он прекрасно понимал, что с ней происходит.

Сара размышляла, где сейчас Бойнтоны. Может быть, в Сирии, в Баальбеке или

Дамаске? Рэймонд... что делает Рэймонд? Сара отчетливо представляла себе его лицо, его серьезный и застенчивый вид, его нервные движения...

А потом девушка сердилась на себя — какой смысл беспокоиться о людях, которых она больше никогда не увидит. И что ее толкнуло в тот вечер выдать старухе весь этот набор глупостей? Ее мог слышать кто-нибудь еще. Саре показалось, что как раз недалеко от них стояла леди Уэстхольм. Девушка попыталась припомнить точно, что она говорила. Да, она вела себя как полная идиотка! Конечно, вина тут не только ее, а скорее миссис Бойнтон, этой старой ведьмы, обладающей подлинным талантом выводить человека из себя!

Вошел доктор Жерар. Он опустился в кресло и вытер лоб.

— Эту женщину следовало бы отравить! — заявил он.

Сара подскочила.

— Кого? Миссис Бойнтон?

— Нет, не миссис Бойнтон, а леди Уэстхольм. Она много лет замужем, не понимаю, почему супруг до сих пор не отправил ее на тот свет. Из какого же материала он сделан, хотел бы я знать?

Сара расхохоталась.

— Этот человек думает только об охоте и рыбной ловле, — объяснила она.

— Верх логики! Парень удовлетворяет свою жажду убийства, уничтожая так называемых братьев меньших.

— По-моему, он вполне доволен деятельностью своей жены.

— Еще бы! — отозвался француз. — Политика удерживает ее вдали от дома. А что до миссис Бойнтон, то и ее тоже стоило бы отравить! Это самое простое решение. Кстати, очень многие женщины заслуживают того, чтобы их отравили. С моей точки зрения — все старухи и уродины.

Доктор Жерар изобразил страшную гримасу.

Сара снова рассмеялась.

— Вы, французы, способны оценить женщину, только если она молода и красива! — воскликнула она.

Жерар пожал плечами.

— Просто мы откровеннее других, вот и все. Разве англичане уступают место в поезде или в метро дурнушкам? Нет, правда же?

Сара вздохнула.

— В каком странном мире мы живем!

— Почему вы вздыхаете, мадемуазель? Вам, право же, не с чего.

— Сегодня у меня убийственное настроение.

— Естественно!

— Почему «естественно»?

— Вы сами быстро отыщите причину, если не станете лукавить с собой.

— Пожалуй, меня раздражают наши две спутницы, — призналась девушка. — Грустно говорить об этом, но я терпеть не могу женщин. Глупые и безвольные, вроде мисс Пирс, меня злят... а всезнайки типа

леди Уэстхольм вызывают еще большую злость.

— Эти две женщины неизбежно должны были вызвать у вас антипатию. Леди Уэстхольм занимает положение, которое ей лучше всего подходит, и в полной мере наслаждается собственным успехом. Что до мисс Пирс, то после долгих лет преданного служения (она была домашней сиделкой) бедняга получила небольшое наследство, позволившее ей осуществить мечту всей жизни: путешествовать. Она еще не успела пресытиться. Зато вам придется преодолеть множество препятствий, прежде чем вы доберетесь до намеченной цели. Вот и завидуете тем, кто уже достиг желаемого.

— Может, вы и правы, — печально проговорила Сара. — Вы страшно проникающий человек. Я изо всех сил пытаюсь обмануть себя, а вы отнимаете у меня последние иллюзии.

В это время вернулись остальные. Самым усталым из всех троих выглядел гид. По дороге в Амман он сообщил туристам лишь самые краткие сведения и даже перестал жаловаться на сионистов, за что все втайне были ему благодарны. Гневные обвинения в адрес Израиля во время первого переезда и так порядком истерзали нервы слушателей.

Извилистая дорога отклонилась теперь от берега Иордана и, змеясь между кустиками цветущих олеандров, поднималась вверх. К концу дня они приехали в Амман. Наскоро осмотрев греко-римский театр, путешественники пообедали и отправились отдыхать. Утром предстояло подняться чуть свет, чтобы в полной мере насладиться видом пустыни по дороге к Маану.

Выехали в восемь часов. Говорить никому не хотелось. День обещал быть знойным, и в полдень машина остановилась, чтобы путешественники могли позавтракать на свежем воздухе (правда, под палящими лучами солнца). Оказаться запертыми в машине, на дикой жаре в обществе троих себе подобных — достаточная причина для скверного настроения. И между леди Уэстхольм и доктором Жераром завязался довольно резкий политический спор.

— Когда путешествуешь в обществе леди Уэстхольм, соскучиться невозможно, — тихо сказала мисс Пирс Саре.

— Вы находите? — ехидно отозвалась девушка.

Но старая дева даже не заметила раздражения своей спутницы и, очень довольная собой, продолжала болтать:

— Я так часто читала ее имя в газетах! Нужно быть поистине выдающейся женщиной, чтобы завоевать место на политическом поприще. Я всегда восхищаюсь женщинами, которые что-то совершают в жизни.

— Почему? — сердито спросила Сара. Мисс Пирс даже рот раскрыла от удивления.

— Боже мой! — пробормотала она. — По-моему, просто чудесно, что женщины

тоже способны играть активную роль в жизни страны.

— Я не разделяю этого мнения. Любое человеческое существо заслуживает похвал, если совершает полезное дело. А женщина это или мужчина — не важно. Почему вы считаете нужным превозносить исключительно женщин?

— Право слово!.. Признаюсь, если смотреть на вещи с такой точки зрения...

Мисс Пирс казалась смущенной и растерянной и постаралась как можно скорее перевести разговор на другую тему.

— Если бы здесь было хоть немного тени! — пробормотала она. — А все-таки пустыня производит сильное впечатление, правда?

— Да, — согласилась Сара.

В глубине души девушка находила пустыню чудесной, умиротворяющей. Там не встретишь какого-нибудь незваного гостя, который отравит вам жизнь. Наконец-то она избавилась от Бойнтонов, от этой непонятной потребности лезть в чужие дела. И на душу ее снизошел покой.

Здесь — одиночество, пустота, пространство.

Короче говоря, покой.

Правда, невозможно наслаждаться им в одиночестве. Леди Уэстхольм и доктор Жерар, закончив обсуждать опиумную проблему, перешли к непристойному экспорту доверчивых девиц в ночные клубы Аргентины. Причем доктор Жерар проявил в разговоре легкомыслие, которое леди Уэстхольм как истинный политик сочла прискорбным.

— Ну что, едем дальше? — пригласил всех в машину проводник, уже успевший нахлобучить феску.

Примерно за час до заката они прибы-

ли в Маан, и машину немедленно окружила толпа туземцев со зверскими физиономиями. После краткой остановки снова двинулись в путь.

Вглядываясь в бесконечное пространство пустыни, Сара гадала, с какой стороны перед ними возникнет каменная твердыня Петры. Пока ничто не скрывало горизонт — ни горы, ни холмы. Скоро ли они достигнут конечной точки путешествия?

Машину пришлось оставить в деревеньке Айн Муса. Там путешественников ожидали лошади. У мисс Пирс возникли трудности из-за платья. Леди Уэстхольм облачилась в костюм для верховой езды, который если и не очень шел к ее мощной фигуре, то, во всяком случае, отличался удобством.

Лошади выехали из деревни по скользкой каменной тропинке. Кое-где земля осела, и животным приходилось обходить препятствия. Солнце склонилось к самому горизонту.

Устав от долгой поездки в машине, Сара чувствовала себя слегка оглушенной. Эта конная прогулка превратилась для нее в кошмар. Девушке казалось, что сам ад вот вот развернется у нее под ногами. Пологая тропинка змеялась по лабиринту красноватых скал. И Сара все больше и больше задыхалась в этом сужающемся ущелье.

В голове вертелась навязчивая мысль: «Я спускаюсь в долину смерти!»

Караван продолжал спускаться. Наступила ночь. Красный оттенок скал потемнел. Но путешественники по-прежнему двигались по извилистой тропинке, казалось, к самым недрам земли.

«Это какое-то наваждение... мертвый город...», — думала Сара.

И снова с губ едва не сорвалось: «Долина смерти!»



Зажгли фонарики. Лошади брели по узким тропинкам. Внезапно караван выбрался в огромный амфитеатр, и путешественники увидели скопление огней.

— Вот и лагерь, — сообщил гид.

Лошади немного ускорили шаг. Они слишком устали и проголодались, чтобы сделать над собой настоящее усилие, но все-таки животные явно оживились. Теперь дорожка шла по каменистому берегу реки. Огни, казалось, приближаются.

Наконец приехали. Служители-бедуны бегом кинулись навстречу.

Уже можно было различить несколько палаток, а в скалах за ними — жерла пещер.

Сара подняла глаза и перед одной из пещер заметила сидящую фигуру. Может, каменный идол? Или гигантская статуя Будды?

И вдруг сердце девушки бешено заколотилось.

Прощай, ощущение покоя и одиночества, которым одарила ее пустыня! Теперь Сара снова станет пленницей. Она спустилась в эту мрачную долину, и здесь, словно жрица какого-то неизвестного культа, перед ней предстала миссис Бойнтон, похожая на чудовищную статую Будды.

Глава XI

Встреча

Миссис Бойнтон — в Петре!

Сара механически отвечала на все вопросы. Желает ли она обедать немедленно? Еда уже готова. Или она предпочитает немного привести себя в порядок с дороги? Где бы ей хотелось спать? В палатке или в пещере?

На этот последний вопрос девушка ответила без колебаний:

— В палатке.

Подумав о пещере и представшем ее взору чудовищном видении, Сара содрогнулась. Почему от этой женщины исходит что-то нечеловеческое?

Наконец Сара пошла за служителем-туземцем. На нем были изорванные короткие штаны цвета хаки и потрепанная куртка, а икры стягивали грязные полоски ткани. Голову украшал шеффиа с длинными складками, защищавшими шею, а со лба к затылку шел черный шелковый шнурок. Сару восхитила грациозная поступь туземца и гордая посадка его головы. Только европейская часть костюма казалась дурного вкуса. «Цивилизация губительна, — подумалось девушке. — Без нее не было бы миссис Бойнтон! В каком-нибудь племени дикарей ее бы давным-давно убили и съели!»

Сара почувствовала, что падает от усталости. Однако, облившись теплой водой и припудрив личико, девушка снова обрела прежнюю форму: освежившись и успокоившись, она теперь сама удивлялась недавней растерянности.

Сара с трудом расчесала густые темные волосы, поглядывая в скверное зеркальце при тусклом свете масляного светильника. Потом, отодвинув полог палатки, вышла в ночь и направилась к центральному шатру.

— Вы?! Здесь... — внезапно пробормотал какой-то голос.

Обернувшись, девушка очутилась лицом к лицу с Рэймондом Бойнтоном. В глазах молодого человека она прочла такой безграничный восторг, что даже испугалась. Можно было подумать, Рэю на мгновение показали рай — он стоял зачарованный и ослепленный, словно грешник, которому неожиданно открылось Небо.

— Вы! — повторил он.

Сара вдруг охватила радость, смешанная с обычно не свойственными ей робостью и смущением.

— Да, — просто ответила она.

Все еще не веря своим глазам, молодой человек подошел и взял ее за руку.

— Это и в самом деле вы, — проговорил он. — Сначала я принял вас за видение. Я так много думал о вас! — И, помолчав, Рэймонд продолжал: — Я люблю вас... понимаете... с той первой встречи в поезде. Теперь знаю точно и хочу сказать об этом, чтобы... чтобы вы поняли: это не я... не настоящий я... так грубо вел себя с вами потом. Пока я еще не могу отвечать за свои поступки. Мне придется вести себя невежливо, проходить мимо вас, не глядя, или не отвечать вам. Но теперь вы будете знать, что это не я, не истинный я повинен в этом. Меня подводят... нервы. Когда ова приказывает, я покорюсь! Вы понимаете, правда? Можете презирать меня, если вы...

Сара не дала ему договорить.

— Я не презираю вас, — ласково шепнула она.

— И все же я трус! Мне бы следовало вести себя по-мужски.

Сара почти помимо собственной воли вспомнила совет Жерара и с тайной надеждой ответила:

— Впредь вы и станете вести себя как мужчина!

В голосе девушки слышалась не только нежность, но и глубокое убеждение.

— Вы так думаете? — спросил Рэй. — Возможно...

— Теперь у вас хватит мужества. Я в этом не сомневаюсь.

Молодой человек выпрямился и поднял голову.

— Мужества? Да, вот это-то мне и нужно! Мужество...

Рэй нагнулся и поцеловал Сару руку. Мгновение спустя он исчез в ночи.

Глава XII

Прогулка

Войдя в большую палатку, Сара увидела, что ее спутники уже сидят за столом и ужинают. Гид объяснил, что до них сюда приехала еще одна группа туристов.

— Они здесь уже два дня. Они уезжать завтра. Американцы. Мамаша, очень толстый, ох, как трудно приехать сюда! Носильщики нести ее в кресле... ужасно сильно работать... как им быть жарко!

Сара не удержалась от смеха. Что ни говори, у этого приключения есть и забавные стороны!

Пузатый проводник кинул на девушку полный признательности взгляд. Работа у него — из самых неблагодарных. Леди Уэстхольм, вооружившись путеводителем Бедекера, уже трижды за сегодняшний день уличила беднягу гида в неточности, а теперь вот жаловалась, что ей не нравится постель. Поэтому толстяк спешил выразить симпатию единственной участнице экскурсии, не доставлявшей ему лишних хлопот.

— Надо же! — воскликнула леди Уэстхольм. — А я-то думала, эти люди поехали на острова Соломона. Я узнала старуху мать сразу, как только мы сюда добрались. По-моему, вы разговаривали с ней в отеле, мисс Кинг.

Сара виновато опустила голову и покраснела до ушей. Она надеялась только, что леди Уэстхольм слышала лишь часть разговора.

Но та сразу отмела все ее опасения.

— Ничем не примечательные люди! Какие-то провинциалы!

Угодливая мисс Пирс немедленно согласилась, и леди Уэстхольм пустилась в разглагольствования о видных американцах, с которыми встречалась за последнее время.

Поскольку в Петре стояла жара, удивительная для этого времени года, назавтра решили тронуться в путь как можно раньше.

В шесть часов четверо путешественников встретились за завтраком. Никто из членов семейства Бойнтон не подавал признаков жизни. Леди Уэстхольм высказала несколько ядовитых замечаний по поводу отсутствия фруктов, и все принялись за еду: чай со сгущенным молоком и плавающую в жире яичницу с кусочками пересоленного сала. Наконец отправились. Между доктором Жераром и леди Уэстхольм сразу закипел спор о содержании витаминов в тех или иных продуктах и о наилучшем пищевом рационе для трудящегося сословия.

Из гуши палаток послышался окрик, и маленькая группа остановилась в ожидании еще одного экскурсанта. Им оказался

мистер Джефферсон Коуп. Он так спешил, что его добродушная физиономия раскраснелась от бега.

— Если вы не против, я бы с удовольствием присоединился сегодня к вашей экскурсии. Доброе утро, мисс Кинг! Какой приятный сюрприз увидеть здесь и вас, и доктора Жерара! Как вам нравятся здешние виды?

Он жестом указал на разбросанные повсюду фантастические красноватые скалы.

— По-моему, они восхитительны, но немного тугают, — отозвалась мисс Кинг. — Я надеялась увидеть розовый город грез... Но этот кричаще яркий цвет невольно наводит на мысль о говядине!

— Совершенно верно, — рассмеялся мистер Коуп.

— И все же здесь чудесно, — призналась Сара.

И все принялись карабкаться на скалу. Группу сопровождали два проводника, оба — рослые бедуины. Они легко прыгали по скалам, тем более что башмаки с шипами надежно предохраняли от скольжения на крутых тропках. Скоро, однако, возникли трудности. Сара и доктор Жерар не испытывали ни малейшего головокружения, но мистер Коуп и леди Уэстхольм явно чувствовали себя не в своей тарелке. Что до бедняжки мисс Пирс, то ее в опасных местах приходилось просто нести: зажмурившись и побледнев как смерть, она только жаловалась и стонала.

Один раз мисс Пирс решила было вернуться, но, увидев отвесный склон у себя под ногами, позеленела от страха и скрепя сердце потащилась дальше.

Воплощенная любезность, доктор Жерар принялся успокаивать мисс Пирс. Он шел за ней, держа свою тросточку горизонтально между несчастной старой девой и краем пропасти. В конце концов мисс Пирс признала, что такая видимости опоры поможет ей справиться с головокружением.

Сара, задыхаясь, расспрашивала проводника Махмуда. Незвизывая на могучее сложение, тот, очевидно, нисколько не страдал ни от жары, ни от трудностей восхождения.

— Скажите, вам ведь, вероятно, иногда бывает трудно вести сюда экскурсию? Особенно стариков...

— Да, с ними вечно одни неприятности.

— И все же вы их доводите до вершины?

Махмуд пожал широченными плечами.

— Они сами просят об этом! Они заплатили за то, чтобы увидеть, и хотят получить сполна за свои деньги. Проводники-бедуины — очень ловкие люди, и ноги у них крепкие. Так что всегда выходят из положения.

Наконец, они добрались до вершины горы. Сара глубоко вдохнула.

Внизу по всей округе растянулся странный пейзаж, усыпанный красными скалами. В чистом, волшебном свежем воздухе раннего утра наши путешественники, словно боги, стояли над этим полуреальным

миром, расщепленным яркими красками.

Гид сообщил, что вершина называется Местом Жертвоприношений. Священное место...

Потом он показал путешественникам желоб, выбитый в плоской скале у их ног.

Желая избавиться от утомительной болтовни гида, Сара отошла от маленькой группы. Она уселась на скалу, запустила пальцы в густую шевелюру и принялась созерцать непривычный мир, раскинувшийся внизу.

Вскоре девушка почувствовала чье-то присутствие и услышала голос доктора Жерара:

— Теперь вы сможете по достоинству оценить дьявольское искушение, описанное в Новом Завете. Сатана перенес Иисуса на вершину горы и показал ему весь мир. «Все это будет принадлежать тебе, если ты мне поклонись». На такой высоте и вправду возникает соблазн возомнить себя всемогущим Богом! Не так ли?

Сара кивнула, но мысли ее явно витали так далеко отсюда, что доктор Жерар с любопытством посмотрел на девушку.

— Кажется, вы погружены в глубокие раздумья, мисс Кинг?

— Да. Какая гениальная мысль — устроить здесь место жертвоприношений! Я думаю, жертвоприношения необходимы. Мы слишком цепляемся за существование. А на самом деле жизнь имеет лишь ту цену, какую мы сами ей придаем.

— Если вы и в самом деле так думаете, мисс Кинг, вам не следовало выбирать профессию врача. Для нас смерть — всегда враг.

Девушка вздрогнула.

— Вы безусловно правы. И однако порой смерть могла бы разрешить множество проблем... Возможно, это лишь путь к более полной жизни...

— Хорошо, когда один гибнет ради блага других! — сурово продекламировал доктор Жерар.

Сара изумленно поглядела на него.

— Вы меня неправильно поняли...

В это время к ним подошел Джефферсон Коуп.

— Замечательное место, — заявил он, — и я очень рад, что присоединился к вам. Миссис Бойнтон, без сомнения, поразительная женщина. Я восхищаюсь упорством, с которым она добралась сюда, но, по правде говоря, в ее обществе довольно трудно путешествовать. Слабое здоровье превратило миссис Бойнтон в страшную эгоистку, и ей даже в голову не приходит, что кто-то из детей, возможно, очень хотел бы участвовать в экскурсии самостоятельно. Старая дама так привыкла постоянно видеть их, что и не думает...

Мистер Коуп умолк. На его добродушном лице появилось облачко тревоги.

— Во время путешествия я узнал о миссис Бойнтон нечто такое, что меня глубоко взволновало.

Сара снова погрузилась в раздумья. Го-

лос мистера Коупа достигал ее слуха лишь как журчание далекого ручья. Зато доктор Жерар проявил живейший интерес к разговору:

— Правда? И что же именно?

— В том отеле, где я остановился в Тибериаде, одна дама рассказывала мне о горничной, работавшей когда-то в доме миссис Бойнтон. Эта девушка... имела... была...

Мистер Коуп загнулся, кинул быстрый взгляд на Сару и, понизив голос, продолжал:

— ...Короче говоря, собиралась произвести на свет ребенка. Старая дама узнала об этом и на первых порах проявила большую снисходительность. Но за несколько недель до рождения ребенка миссис Бойнтон выставила девушку за дверь.

Доктор Жерар нахмурил брови.

— Не знаю, что вы об этом думаете, — продолжал мистер Коуп, — а по-моему, это отвратительно и жестоко. Я не понимаю, в чем дело.

— А я — да! — проворчал доктор Жерар. — Миссис Бойнтон испытала острое наслаждение, выгнав горничную.

— Я не могу в это поверить! — возмутился мистер Коуп.

— Дорогой мой, — мягко заметил доктор Жерар, — я всю жизнь посвятил изучению аномалий человеческой психики. За условностями обыденной жизни скрываются страсти, о которых люди даже не подозревают. Например, потребность творить зло ради зла. Жестокость — тоже страсть. И она существует!

Мистер Коуп нервно закашлялся.

— По-моему, вы преувеличиваете, доктор. На этих вершинах вдыхаешь божественно чистый воздух...

И он пошел прочь. Жерар улыбнулся и посмотрел на Сару. Девушка сидела нахмурившись, и на лице у нее было такое же суровое выражение, как у молодого судьи, готового вынести приговор.

В это время послышались неуверенные шаги мисс Пирс, и врач обернулся ей навстречу.

— Теперь нам пора возвращаться, — сказала старая дева. — Ума не приложу, как нам удастся добраться до подножья... К счастью, по уверениям проводника, обратный путь намного легче. Надеюсь, он сказал правду, потому что я с детства боюсь всяких пропастей и обрывов...

Они спустились по берегу ручья. Из-под ног то и дело сыпались камни, оступись и вывихнуть ногу ничего не стоило, зато тут можно было не страшиться головокружения.

Экскурсанты вернулись в лагерь страшно усталые, но в прекрасном настроении. Прогулка подстегнула аппетит, и все отдали должное второму завтраку. Шел уже третий час.

Семейство Бойнтон, устроившееся вокруг большого стола, заканчивало трапезу.

Леди Уэстхольм снисходительным тоном сказала им несколько любезных слов.

— Мы совершили очаровательную экскурсию, — сказала она. — Пэтра — незабываемое место.

Кэрол, которой, по всей видимости, было адресовано это замечание, бросив быстрый взгляд на мать, застенчиво пробормотала:

— Да, конечно.

И леди Уэстхольм, сочтя, что ее долг светской дамы соблюден, принялась за еду.

Во время завтрака четверо путешественников обменялись планами на вторую часть дня.

— Я думаю отдохнуть, — сказала мисс Пирс. — Мне, по возможности, следует избегать чрезмерного перустомления.

— Я поброжу по окрестностям, — заявила Сара. — А вы, доктор Жерар?

— Составлю вам компанию.

Миссис Бойнтон уронила ложку. От этого металлического звяканья все подскочили.

— Я последую вашему примеру, мисс Пирс, — проговорила леди Уэстхольм. — Сначала полчасика почитаю, потом посижу хотя бы час. А тогда, пожалуй, можно и погулять немного.

Миссис Бойнтон с помощью Леннокса медленно встала.

— Вам всем следовало бы пойти на прогулку, — посоветовала она детям с непривычной для них любезностью.

В испуге, появившемся на лицах молодых Бойнтонов, было что-то глубоко комическое.

— А как же вы, мама?

— Мне никто не нужен. Люблю посидеть с книгой в одиночестве. Джинни останется здесь. Она отдохнет и поспит.

— Я не устала, мама! Я хочу пойти гулять вместе со всеми!

— Ты утомлена! У тебя мигрени! Лечись. Иди ляг и усни. Я лучше знаю, что тебе делать!

— Я... я...

Девушка откинула голову и посмотрела на мать, готовая взбунтоваться, но неожиданно потупила глаза и смирилась.

— Дурочка маленькая! — воскликнула миссис Бойнтон, — возвращайся-ка в палатку.

И старая дама, сопровождаемая всем семейством, заковыляла к выходу.

— Боже мой, — вздохнула мисс Пирс, — какая странная семья! У матери очень необычный цвет лица... красный, как пингвин. Должно быть, у нее большое сердце. И эта жара для нее, наверное, очень мучительна.

«Старуха отпускает их на весь день, — думала Сара. — А ведь она знает, что Рэймонд хочет повидаться со мной. Может, тут какая-нибудь ловушка?»

Эта мысль продолжала беспокоить девушку, когда она вернулась к себе в палатку переодеться. Со вчерашнего вечера ее симпатия к Рэймонду превратилась в страстную нежность, желание спасти и убедить. А такое страдание за другого, жажда любой ценой избавить его от невзгод и

более и есть любовь. Да, Сара полюбила Рэймонда Бойнтон.

В четверть четвертого девушка вернулась в главную палатку.

Леди Уэстхольм сидела на стуле. Невзирая на сильную жару, она не сняла шевитового костюма. На коленях у нее лежал доклад Королевской комиссии. Доктор Жерар, стоя возле палатки, разговаривал с мисс Пирс. Старая дева держала в руке какой-то роман. Анонс на обложке обещал захватывающую историю непонятной любви.

— Ложиться сразу после еды — очень неосторожно, можно испортить пищеварение, — объяснила мисс Пирс. — А здесь, в теничке, так хорошо! Боже мой! Как вы думаете, не опасно ли для старой дамы оставаться там, наверху, на самом солнцепеке?

Все взгляды устремились к скале, где, как и накануне, у входа в пещеру, словно Будда, восседала миссис Бойнтон. Вокруг нее не было ни души. Весь персонал лагеря спал. Чуть поодаль, в долине, прогуливалась небольшая группа людей.

— На сей раз добрая маменька позволила им развлекаться самостоятельно, — заметил доктор Жерар. — Наверняка какая-то новая подлость с ее стороны.

— Как раз об этом я и думала, — призналась Сара.

— До чего же мы подозрительны! Пойдемте-ка лучше к этим детям, отдыхающим от опеки.

Предоставив мисс Пирс ее захватывающему чтению, доктор Жерар и Сара пустились в путь. У изгиба долины они догнали молодых Бойнтонов — те шли неторопливо. Удивительное дело — все они казались счастливыми и беззаботными.

Леннокс и Нэдин, Кэрол и Рэймонд, мистер Коуп и присоединившиеся к ним Жерар и Сара быстро завели веселый непринужденный разговор.

Всех охватило неожиданное веселье. Каждый чувствовал, что это запретное удовольствие, какая-то краденая радость, и спешил насладиться мгновением. Сара и Рэймонд не стали удаляться от остальных. Напротив, девушка подошла к Кэрол и Ленноксу. За их спиной доктор Жерар болтал с Рэймондом. Нэдин и Джефферсон Коуп немного отстали.

Внезапно француз объявил, что возвращается в лагерь. Уже некоторое время речь его звучала отрывисто и странно. Наконец он остановился.

— Тысячи извинений. Мне надо вернуться.

Сара пристально посмотрела на него.

— Вам плохо?

— Да. Небольшая лихорадка. Это началось сразу после завтрака.

Сара не отводила от него изучающего взгляда.

— Малярия?

— Да. Пойду приму хинин. Надеюсь, приступ окажется легким. Этот сувенирчик остался от путешествия в Конго.

— Хотите, я провожу вас? — спросила Сара.

— О, нет-нет, я захватил с собой аптечку. Вот досада! Но продолжайте же гулать!

И врач быстро пошел к лагерю.

Не зная, как поступить, Сара некоторое время смотрела ему вслед, потом взглянула на Рэймонда. Тот улыбнулся, и девушка больше не думала о французе.

Сначала все шестеро — Кэрл, Леннокс, мистер Коуп, Рэймонд, Нэди и Сара шли вместе.

Но вскоре Сара и Рэймонд отделились от группы. Они вдвоем карабкались на скалы, скользили по краю обрыва и наконец присели отдохнуть в тенистом уголке.

— Как вас зовут? — немного помолчав, спросил Рэймонд. — Мисс Книг, это я знаю... а имя?

— Сара.

— Сара! Можно мне называть вас так?

— Естественно.

— Расскажите мне о себе, Сара!

Прижавшись спиной к скале, девушка рассказала о своей жизни в английском графстве Йоркшир, не забыв упомянуть даже о многочисленных представителях собачьего племени, обитавших в доме ее тетки. Эта тетка и воспитала Сару.

В свою очередь, Рэймонд поведал о многочисленных событиях своей жизни.

Потом наступило долгое молчание. Они сидели, взявшись за руки, словно дети, счастливые, что сбежали от всех.

А позже, когда солнце стало клониться к горизонту, Рэймонд забеспокоился.

— Теперь мне пора возвращаться. Нет, не с вами вместе. Я хочу вернуться один. Мне надо кое-что сказать и сделать. А когда я покончу с этим, докажу самому себе, что не трус... тогда... тогда мне уже не будет стыдно попросить у вас совета и помощи. Они мне понадобятся. Может быть, мне даже придется одолжить у вас денег.

Сара улыбнулась.

— Я счастлива, что вы приняли решение. Можете на меня рассчитывать.

— Только необходимо, чтобы сначала я действовал один.

— Но что вы хотите сделать?

Юношеское лицо Рэймонда посуровело.

— Я хочу доказать, что у меня хватает мужества. Сегодня или никогда!

Он резко повернулся и быстро пошел к лагерю.

По-прежнему опираясь спиной о скалу, Сара следила глазами за сплутом Рэймонда. Что-то в словах молодого человека ее смутно тревожило. Рэймонд, очевидно, решил на какой-то важный шаг. И девушка пожалела, что не пошла с ним.

Но она тут же укорила себя за слабость. Рэймонд изъявил желание идти в одиночестве, чтобы испытать новообретенное мужество. Это его право.

И все же Сара всей душой молила, чтобы его решимость не ослабла.

Когда Сара вернулась в лагерь, солнце

уже почти село. Приближаясь к палатке, в неверном свете закатных лучей девушка увидела нелепую фигуру миссис Бойнтон, все так же восседающую у входа в пещеру. При виде этой громадной неподвижной груды жира Сара вздрогнула от отвращения.

Она поспешно прошла по тропинке и вскоре нырнула под полог ярко освещенной большой палатки.

Леди Уэстхольм, накинув на шею моток шерсти цвета морской волны, вязала свитер. Мисс Пирс вышивала на салфетке бледно-голубые незабудки и слушала разглагольствования леда-политика о реформе закона о разводе.

Слуги сновали туда-сюда, накрывая стол к обеду. Молодые Бойнтоны сидели в шезлонгах на другом конце палатки и читали. Вошел преисполненный чувства собственного достоинства толстый Махмуд и обижено сообщил, что подготовил для путешественников весьма живописную прогулку, но никто из них не явился к чаю. Теперь вся программа испорчена!

Сара поспешила успокоить гида, сообщив, что все прекрасно провели время. После этого девушка пошла к себе в палатку умыться и привести себя в порядок. На обратном пути она остановилась около палатки врача и тихонько позвала:

— Доктор Жерар!

Никакого ответа. Сара приподняла полог и заглянула внутрь. Врач неподвижно лежал на кровати. И девушка бесшумно удалилась, решив, что он спит.

К ней подошел слуга-туземец и указал на большую палатку. Наверное, обед готов! И Сара заторопилась к столу. Все, кроме доктора, Жерара и миссис Бойнтон, уже уселись. Одного из слуг послали сообщить старой даме, что обед на столе. Потом снаружи послышались какие-то непонятные шорохи. В палатку вбежали два перепуганных служителя и что-то закричали проводнику по-арабски.

Махмуд бросил встревоженный взгляд по сторонам и быстро вышел. Сара невольно побежала следом.

— Что случилось? — спросила она.

— Старая дама. Абдул говорит, она больна... Она не шевелится.

— Я поднимусь с вами.

Сара ускорила шаг. Вслед за Махмудом она вскарабкалась на скалу и добралась до бесформенной массы, поникшей в кресле. Девушка дотронулась до жирной руки, пощупала пульс и нагнулась к старухе.

Когда Сара выпрямилась, лицо ее было бело как мел.

Вернувшись в палатку, она остановилась на пороге и окинула взглядом маленькую группу на противоположном конце стола.

— Простите меня, мистер Бойнтон, — сказала она, обращаясь к Ленноксу как к главе семьи, — но я вынуждена сообщить, что ваша мать умерла.

И девушка стала с любопытством вглядываться в лица пяти людей, для которых эта новость означала свободу...

(Продолжение следует)



АЙКИДО. БОЙ БЕЗ НАСИЛИЯ

Рассказывает инструктор
рукопашного боя Геннадий ТОВКАЙ

В СЕ ТЕЧЕТ, все изменяется: воинские искусства, бывшие образом жизни бойцов многих поколений, стали модным увлечением людей, пытающихся сегодня обрести через них уверенность и стойкость в зыбком, еще очень далеком от совершенства мире. На свет извлечены и древнегреческая борьба панкратион, и звероподобный бой североамериканских индейцев, и бразильская капойра, и славяно-горицкая борьба, и французский ножной бокс сават, и, конечно же, многочисленные боевые системы Юго-Восточной Азии и Китая. Разработанные в глубокой древности методы одоления противника, пройдя долгий путь утончения от жестокой практики к философскому осмыслению, нашли четкое выражение в сравнительно новой и элегантно системе воинского искусства — айкидо.

Легенда связывает истоки айкидо с неким буддийским монахом, который обучил способу концентрации энергии (ки) и направления ее в нужную точку тела принца Тэйдзюна, одного из сыновей императора Сэйва (850—880). Это умение, тайно передаваемое по наследству, стало семейным достоянием самурайского клана Минамото и получило развитие благодаря Синра Сабуро Ёсимицу (XI век), который изобрел новые техники, наблюдая за пауком, искусно заманивающим в свою грациозную паутину неосторожное насекомое. По названию резиденции Ёсимицу Дайто, возникшая там школа (рю) стала именоваться Дайто-рю.

Надо сказать, что стиль Дайто Айки-дзюцу был лишь одной из 725 официально зарегистрированных систем дзю-дзюцу («искусство гибкости»), каждая из которых имела свою специфику, но общую цель — во что бы то ни стало и желательнее без оружия одолеть любого агрессивного противника. Зарождение дзю-дзюцу, или, как говорят на Западе, джиуджитсу, традиционно связывают с японским врачом Акаямэ Сиробеи, жившим в XIII веке вблизи Нагасаки и совершенствовавшим свое лечебное и боевое мастерство в континентальном Китае. Размышляя о возможностях слабости одолеть силу, врач, гуляя в зимнем саду, обратил внимание на то, как толстая ветка ели гулко сломалась под тяжестью налегшего на нее снега, тогда как тонкая, но гибкая ветвь ивы, наклонясь до земли, сбросила с себя тяжелый груз и

ИЗДАНИЕ

КАДЕИДОСЖОУ



спокойно выпрямилась. «Сначала — податься, а потом — победить!» — воскликнул ошеломленный Сиробеи, вложив в краткую формулу суть многих возникших в последующее время искусств японского рукопашного боя.

Технический арсенал этих изощренных систем был поистине необозрим. Сюда входили дожимы, перегибание и выкручивание суставов, удушающие захваты, броски, ломание и скручивание позвонков, болевое и травмирующее воздействие на мышцу и кость, давление на «точки смерти» и т. д. Поскольку самураи вели бой в доспехах, то ударами (атами) в стиле современного каратэ обычно не злоупотребляли, хотя, как говорят, бойцы школы Сёсё-рю могли пробить рукой даже крепкие пластины железного панциря.

В эпоху Токугава военная активность самураев резко понизилась и задача победить противника переродилась в философское стремление преодолеть самого себя. Суть его ярко выражена в известной китайской притче о знаменитом стрелке из лука, который приобрел такое мастерство, что ему больше не нужны были лук и стрелы. Он мог теперь отбросить их потому, что чувствовал, что сам стал стрелой и луком.

И вот в конце XIX века в этот гордый мир воинственного духа вступил молодой самурай Уэсиба, чей путь самопознания привел к созданию одной из самых утонченных и мирных систем японского Будо («путь воина») — айкидо. Биография Основателя тщательно изучается каждым истинным поклонником этого искусства. Уэсиба Морихэй родился в 1883 году в бедной самурайской семье и с 10 лет был приобщен отцом к японским методам ведения боя, включающим в себя техники владения мечом (кэн) и копьем (со). В возрасте 18 лет отправился в Токио, где занимался дзю-дзюцу в известной школе Кито-рю, основанной еще в XVII веке и уделявшей большое внимание рандори («свободная схватка»). Занедужив, Морихэй, однако, вынужден был вернуться в родное селение, где принял решение закалить себя воинским делом и стал изучать боевые искусства в традиционно уважаемой и древней школе Ягю-рю.

После русско-японской войны (1904—1905) молодой тренированный самурай (при росте в 157 сантиметров он весил 87 килограммов), чтобы поправить свое здоровье, поехал на остров Хоккайдо, где, несмотря на свою популярность, поступил в ученики к Такэда Сакаку и в возрасте 33 лет получил диплом его школы.

Морихэй знакомится с новым религиозным движением Омото-кё, которое призвало к исправлению мира и построению на земле идеального общества, причем суть Единого божества по этому учению можно было найти в каждом живом существе, как и в любой частице другой природы. И вместе с лидером движения Дэгуги Ванисабуро отправляется в Монголию, чтобы

создать царство добра и справедливости. Путешествие оказалось неудачным: ново-явленные миссионеры были арестованы местными властями и через несколько месяцев возвратились в Японию, где Уэсиба предается постижению секретов будо.

Пылливый мастер упорно пытался понять, в чем же заключается сокровенный смысл воинских искусств. Кому нужна победа над противником, если в глазах Природы это не имеет никакого значения? Зачем тратить энергию на подчинение других, если порой не удается подчинить даже свой ум?

И наконец понял, что истинно воинские искусства должны избегать жестокой разрушительной борьбы, но без какого-либо насилия — сохранять мир, позволяя свободно развиваться всему, что есть в Природе. Воинская тренировка не должна ставить целью победу над другими; она проявление всеобщей любви в нас самих. Желание победить во что бы то ни стало — это стремление к конфликту, который по самой своей сути противен Природе. Главное — следовать вселенским путем, а не думать о том, как превзойти других. Человеческие силы, если он следует законам Природы, и доказывать другим свою силу просто глупо. Надобно не противопоставлять противнику собственную мощь, а так направлять его силу, чтобы он понял бессмысленность агрессии и также вошел в гармонию с Природой.

Все эти соображения Уэсиба наложил на техники, почерпнутые им в скитаниях по различным (говорят, их было около двухсот) воинским рю Японии, взяв за основу уже упоминавшуюся школу безоружного боя Дайто-рю, школу фехтования Ягю-рю и школу владения копьем Ходзэин-рю.

После отмены запрета на практику восточных единоборств новое искусство быстро завоевало Японию, и в 1960 году за заслуги в создании айкидо Уэсиба Морихэй был награжден правительством почетной медалью на пурпурной ленте.

Так что же такое айкидо? Его можно определить как метод психофизического воздействия на противника, под влиянием которого тот теряет контроль над своей агрессией и обращает ее против самого себя. Характерной особенностью метода является использование круговых движений (маруи), позволяющих мягко и легко изменить направление силы противника так, что в результате своих же усилий он потеряет равновесие, будет брошен или окажется под болевым контролем, не дающим ему никаких шансов на самостоятельное освобождение.

В основе техник айкидо лежит представление о ки, некоей первозданной энергии, которая пронизывает все сущее и проявляется в самых различных формах, таких, например, как воля, физическая сила, уверенность в себе и т. д. Источником этой энергии является точка сайка тандэн, расположенная на ширине ладони ниже пупка, там, где, в частности, находится и центр тяжести тела.

Обычно ки рассеяна по всему организму, но если все ее составляющие (как физические, так и психические) сосредоточить в указанной «одной точке», то при необходимости можно делать мощные выбросы этой энергии и использовать по своему усмотрению. Поскольку человек раскрыт для космоса, источник «одной точки» тут же, на вдохе, пополняется новым запасом энергии, которую в следующий момент опять же можно пустить в дело. Более того, владея источником «одной точки», человек не знает страха, ибо он становится одним во Вселенной, ну а что может испугать Вселенную?

В практическом воплощении этих представлений, однако, есть немало сложностей. Во-первых, довольно трудно держать ки в одной точке и волевым усилием направлять ее в нужное место. Для этого необходима полная координация тела и духа, которая у большинства людей в обычных условиях попросту отсутствует. Широко известным методом достижения такой координации является создание экстремальной ситуации, выкрутиться из которой можно только сверхнапряжением своих сил. Каратэку, к примеру, предлагает вообразить, что перед ним его самый ненавистный недруг, который наносит ему смертельный удар, и единственный шанс спастись — это опередить врага и провести как можно быстрее и мощнее сокрушительную контратаку.

В том же духе, но более реально действовало и популярное шаолиньское упражнение, в котором мишень находилась за поднятым тесаком, а удар наносился через огонь. Проходя лезвие, кулак запускал механизм, и если кисть быстро не отводилась назад, острие рубило не пустоту, а неуклюжую руку исполнителя.

В айкидо к таким агрессивным методам относились отрицательно, предпочитая им более миролюбивые упражнения, причем одним из самых эффективных здесь оказался метод дыхательной медитации мисоги. Следуя ему, надо удобно и устойчиво сесть на пятки (большие пальцы ног скрещены, колени разведены на ширину двух кулаков, корпус выпрямлен), закрыть глаза и положить расслабленные руки на бедра. Теперь, сосредоточившись на сайка тандэн, начинают долгий и спокойный выдох, завершив который слегка наклоняются вперед и, не теряя «одной точки», выбрасывают остатки воздуха. Выждав пару секунд, закрывают рот и медленно вдыхают через нос, направляя входящее ки к затылку. Когда покажется, что все уже заполнено, следует втянуть еще один глоток воздуха и, выпрямляясь, направить ки от затылка через позвоночник в тандэн, где сосредоточивается внимание, задерживая при этом дыхание на 10—20 секунд. Упражнение обычно выполняют по 15 минут как утром, так и вечером.

Кроме сосредоточения ки в своем резервуаре, следовало овладеть и волевым

управлением этой энергией, что традиционно демонстрируют в популярных упражнениях типа «несгибаемая рука» или «неподнимаемое тело». В первом из них ученик стоит с согнутой в локте и с разведенными пальцами рукой, представляя, что через нее струится поток энергии, вытекающей через кончики пальцев в точку, расположенную перед ними. Силу в руку не вкладывают, но, несмотря на это, никто не может ее согнуть.

Во втором упражнении ки из тандэн направляют вниз, и даже несколько человек не могут оторвать спокойно стоящего ученика от земли. Таких упражнений или тестов было предложено изрядное количество, причем один из них имеет явную прикладную направленность, тогда как другие смахивают на цирковые трюки, часто демонстрируемые, к примеру, мастерами известной китайской энергетической системы цигун.

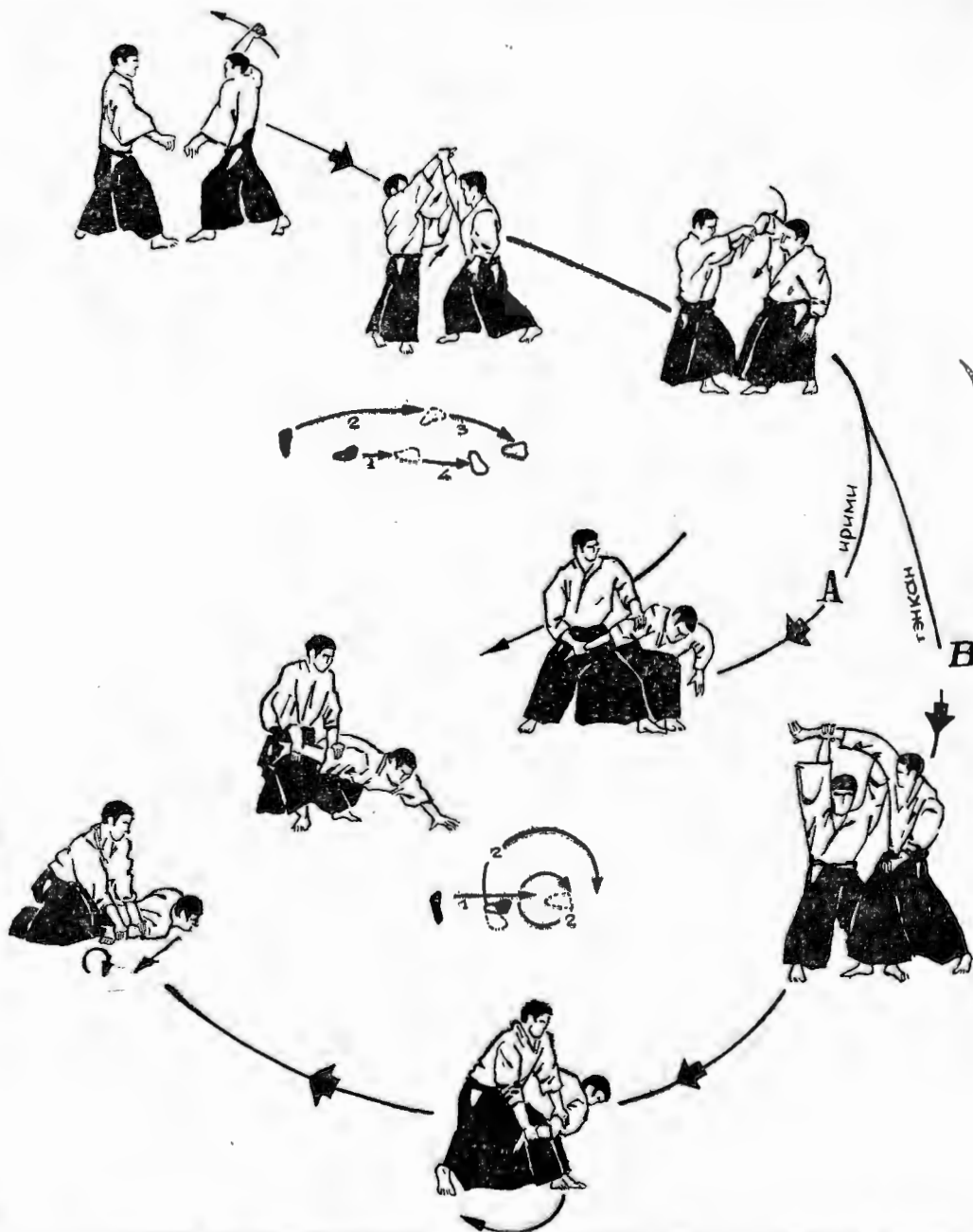
В терминах айкидо концентрация энергии в данный момент в данном месте (сюю-рёку) обретается путем усердного занятия кокю-хо или упражнениями ведения партнера посредством своего кокю. Под кокю подразумевают способность управлять противником, используя свое ки, вошедшее в полную гармонию с ритмом брюшного дыхания.

Используя кокю для проведения броска (кокю-нагэ), следует определить направление силы и устремления противника, ввести его ки в контакт со своей энергией (айки) и направить объединенное ки таким образом, что сила нападающего, оказавшись под полным контролем исполнителя, будет работать против своего хозяина, заваливая его на землю либо отбрасывая от человека, которого он пытался атаковать. Подвергаясь нападению нескольких агрессоров, опытный мастер изящным маневром может смешать их энергии в одну и действовать как бы против одного человека.

Большинство приемов айкидо работают в стиле ирими (вхождение) и тэнкан (вращение). В первом случае атаку противника встречают, не оказывая ему никакого сопротивления, но сближаясь с ним и подстраивая направленное течение своей ки к направлению действия его силы, так что последняя уходит из-под контроля агрессора и используется для его самоуничтожения. Важными моментами таких техник являются, в частности, упоминавшиеся выше сохранение «одной точки» и несгибаемость руки (орэнай-тэ). Во втором случае силой противника руководят посредством мощного кругового движения или вращения своего тела. Сила противника как бы всасывается в это вихревое движение и рассеивается, приводя агрессора к падению.

Многие техники айкидо — а их насчитывают до нескольких тысяч — могут (хотя и менее эффективно) работать и без концентрации ки, но тогда, по мнению его создателя, это уже не истинное айкидо, тем паче, что целью данного искусства как

50



раз и является развитие вселенской ки. Осознание движения энергии значительно облегчает проведение всех приемов, ибо мощь объединенного тела и духа существенно превышает силу одного лишь тела*. Более того, ощущение ки позволяет читать намерения противника, который сначала думает, а потом уже нападает. В этой связи можно упомянуть эпизод,

происшедший с мастером Уэсиба во время его поездки в Китай. Оказавшись под дулом враждебного оружия, он ощутил, что бандит решил нажать на спусковой крючок, и, опережая событие, мгновенно подскользнулся к агрессору, нейтрализовав его, прежде чем тот успел исполнить задуманное.

Постижение айкидо происходит в додзё («место, где изучают путь»), специальном тренировочном зале, пол которого покрыт циновками (татами) для смягчения падения, причём окна там даже зимой не закрываются, а зимнее отопление отсутствует,

* При верном исполнении приемы айкидо требуют минимума физической силы.

Путем аскетического интерьера, внутреннего настроя и традиционного ритуала в зале создается определенная атмосфера, которая помогает ученику «пропитаться духом» изучаемого искусства. Занимающийся айкидо, как и практик многих других воинских искусств, носит белые куртку и брюки (кэйкоги), белый или черный пояс (оби) и черные юбкаподобные брюки (хакама), которые были обычны для средневековых самураев и позволяли им скрывать перемещения ног.

Тренировочное занятие обычно включает в себя разминку, специализированные упражнения, выполняемые в одиночку либо с партнером и предназначенные для совершенствования запястьев, движения тела, падения, перемещения на коленях и т. д. После этого идет изучение различных техник и тренинг при непрерывной, следующей одна за одной атаке. Затем практикуют техники палки (бо) или меча (кэн) и, обязательно, упражнения на развитие «энергии дыхания» (кокю-хо).

Основу технического арсенала айкидо составляют броски (нагэ), сковывания (осаз) и удары (атэми). При этом удар ломает устремление (т. е. рассеивает ки) агрессора, бросок опрокидывает его на землю, а болевая фиксация суставов руки завершает процесс нейтрализации.

В качестве боевой позиции (камаэ) обычно используют модернизированную стойку из японского фехтования (кэндо), допускающую быстрые и легкие перемещения по всем направлениям с постоянным истечением ки из кончиков широко разведенных пальцев. Позиция эта полуобращена вперед (ханми) и имеет два варианта: правый (миги) и левый (хидари). Передняя стопа здесь перпендикулярна задней и отступает от нее на полторы ступни, а две трети веса тела приходится на переднюю ногу. Передняя рука слегка согнута в локте и вытянута на уровне груди, тогда как задняя располагается на ширине ладони от живота, причем пальцы обеих рук разведены и направлены вперед. Расслабленный взгляд смотрит в точку между глаз противника.

Среди различных тренировочных методик наряду с классическими упражнениями с партнером применяются, например, и такие, как наблюдение за тренингом других, индивидуальные упражнения с деревянным мечом, выполняемые у зеркала, бой со своей лунной тенью ночью или своим отражением в зеркале днем, отражение группового нападения, тренинг в зимних (холодных) и летних (жарких) специализированных лагерях, жизнь-тренинг в доме учителя и т. д.

Как и в большинстве воинских искусств Японии, в айкидо существует иерархическая система «кю-дан», отмечающая ступени совершенствования ученика, вступившего на благородный путь гармонии ки. Здесь действует 6 ученических степеней (кю), после которых идут 9 мастерских степеней (дан). Приступая к изучению айкидо, начи-

нающий повязывает белый пояс* и где-то после года упорных занятий, получив 3-й кю, надевает хакама, как бы принимая этим присягу на верность избранному пути**. Еще через полтора года ученик обретает право сдать экзамен на черный пояс и получить низшую мастерскую степень — 1-й дан.

В ортодоксальном айкидо нет соревнований; на татами действуют не соперники, пытающиеся одолеть друг друга, а партнеры, стремящиеся усовершенствовать себя и товарища***. Задуманное в качестве сугубо мирного воинского искусства, айкидо строилось как ответ на агрессивное действие, ну а если такового не было, то, соответственно, не могло быть и никакого ответа. Ввиду этого первые попытки соревновательных поединков среди пропитанных духом айкидо людей были по своей сути бессмысленны и напоминали скорее не боевую схватку, а испытание терпения, где начинающий бой обязательно проигрывал.

Время, однако, берет свое. Чтобы подогреть интерес к новому искусству, ученик Уэсиба Томики Кэндзи модифицировал айкидо и предложил несколько разновидностей соревновательного боя. В одной из них (нинин-дори) в круговом порядке участвует три человека, причем атаки осуществляются по очереди, и каждый действует как тори (защищающийся) 40 секунд. В другом варианте (танто—рандори) атакующий вооружен резиновым ножом и через минуту противники меняются ролями. И, наконец, в третьем случае (рандори—кэгхи) безоружные соперники ведут вольный бой, но на атаку накладываются определенные ограничения.

Эти начинания, впрочем, являются явным отступлением от заветов мудрейшего Основателя, который утверждал, что истинное будо не знает поражений, ибо «чтобы никогда не проигрывать, надо никогда не воевать!».

Рисунки А. ЛЯХА.

* Чтобы стимулировать интерес учеников к занятиям, в некоторых западных школах имели для каждого кю свой цветной пояс.

** Получение хакама можно сравнить с торжественной выдачей в американских спецвойсках — зеленых, а в отечественных — краповых беретов.

*** Надо сказать, что кроме классического энергетического айкидо существует и его прикладной вариант, который изучают, например, в полиции, в силах самообороны и даже в личной охране американского президента.



В октябре Военно-охотничьему обществу Вооруженных Сил СССР исполняется 70 лет. Редакция обратилась к председателю Центрального совета Военно-охотничьего общества генерал-лейтенанту И. А. МАГОНОВУ с просьбой рассказать о прошлом Общества и его сегодняшнем дне.

С ВОЗРАСТОМ НЕ СТАРЕЕТ

Наше общество родилось в октябре 1921 года на основании приказа № 2262 Реввоенсовета Республики. Называлось оно тогда — Всеармейское Военно-охотничье и перед ним ставилась совершенно определенная цель — использовать охоту и рыболовство для развития качества, необходимых воину, для воспитания его в духе бережного отношения к природе, разумного освоения ее богатств. У истоков ВВОО стоял Михаил Васильевич Фрунзе. Он активно вникал в его деятельность, многое сделал по организации и проведению занятий охотой и рыбной ловлей в РККА.

В апреле 1930 года Общество стало издавать свой журнал «Боец-охотник», пользовавшийся большой популярностью среди личного состава частей и подразделений. Журнал выходил вплоть до 1941 года. С началом Великой Отечественной войны издание его прекратилось.

В дни суровых испытаний, выпавших на долю советского народа в 1941—1945 гг., тысячи и тысячи членов Общества ушли на фронт и мужественно сражались с иноземными захватчиками. Многие из них удостоены звания Героя Советского Союза. Назову лишь некоторых. Это снайперы И. Меркулов, С. Орлов, И. Бугай, летчики А. Покрышкин, К. Вершинин, партизаны С. Ковпак, А. Сабуров, Г. Линьков...

Члены коллективов военных охотников в тыловых частях занимались заготовкой дичи, рыбы для питания войск и снабжения продовольствием госпиталей. Центральный совет ВВОО внес в фонд обороны страны более 15 миллионов рублей.

В целом же Великая Отечественная вой-

на показала, что Общество полностью оправдало свое назначение, как организация, способствующая росту боевого мастерства личного состава, его нравственной и физической закалки.

Немало славных дел на счету воспитанников Общества и в послевоенное время. Вот лишь некоторые основные итоги за четыре года, предшествующие последней по счету, XIII Всеармейской конференции Военно-охотничьего общества (так оно называется с 1959 года): в выездах на охоту и рыбную ловлю участвовало почти 3,5 миллиона человек. Члены ВОО безвозмездно отработали в хозяйствах 1,6 миллиона человеко-дней. Соревновались в рыбной ловле и стрельбе на стенде 600 тысяч человек. Только в 1990 году сдано государству 384 тонны мяса диких животных, 298 тонн рыбы, на 284 тысячи рублей пушнины.

Что еще можно отметить? В марте 1991 года наше Общество официально зарегистрировано Минюстом СССР и получило статус общесоюзной общественной организации со всеми правами юридического лица.

В заключение хотелось бы пожелать всем любителям охотничье-рыболовного и стрелково-стендового спорта — военнослужащим внутренних войск успехов в их трудной боевой службе и, как говорят у нас в Обществе, ни пуха ни пера. Кстати, напоминаю всем читателям журнала «На боевом посту», что путь им в охотничьи и рыболовные хозяйства, на стрелковые стенды ВОО не заказан — милости просим!

РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ

Эта живая, смелая, энергичная собака особенно ценна для охоты на водоплавающую дичь, розьска подранков, подачи добытой птицы из тростниковых зарослей, с открытой воды. Обычно она работает на галопе, перемежающемся с рысью, в пределах 25—30 шагов от хозяина. Стойку не делает, а отыскивает и поднимает птицу на крыло. Расстояние небольшое, и

если охотник не зазеваётся, успех выстрела обеспечен.

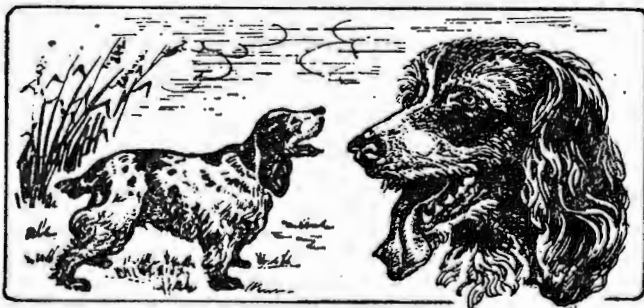
По характеру собаки этой породы ласковые, легко поддаются дрессировке и натаске. Они очень красивы в своей элегантной разной окраски шубке. Волос у них длинный, шелковистый, хорошо моется. В домашних условиях спаниель опрятен, сдержан в еде, занимает небольшую жилплощадь — мал ростом. Разбирается и в том, кто свой, кто чужой. Если кто—

поднимает громкий лай.

Малый рост ценен и для охоты. Городские охотники транспортируют собачку в рюкзаке вместе со снаряжением. Многие из них предпочитают иметь спаниеля еще и потому, что с ним можно добывать также болотную, боровую дичь, фазанов. Надо лишь своевременно натаскать собаку. Еще один плюс: в дни открытия летне-осенней охоты иногда и ружья не требуется. Шустрая собачка-вездеход отыщет в крепях и принесет всех подранков. Нормой оделит и хозяина, и его друзей, и незадачливых стрелков.

Не так давно в стране получил распространение английский кокер-спаниель. Он поменьше русского, более наряден, декоративен. Но, к сожалению, стал использоваться неправильно, как комнатная собачка. А между тем охотник кокер страстный.

Полковник в отставке
К. ОГЛОБЛИН.



РАССКАЗЫ У КОСТРА

А БЫЛО ДВЕ...

Едва резинка утянула леску с пятью поводками, на каждом из которых был нацеплен пескарь, как последовала хватка. После резкой подсечки рыба заходила в глубине из стороны в сторону. Беру подсачек, опускаю в воду у берега.

Попалась щука примерно на килограмм. Она сидит на ближнем поводке. Чем ближе подвожу к берегу, тем беспокойнее ведет себя рыба. Она уже видит меня и делает все, чтобы освободиться от крючков. Но попытки ее напрасны, еще несколько секунд — и она в подсачке.

Положил подсачек с пойманной рыбой на траву

прямо у кромки берега. Теперь надо закрепить леску на колышке и на торопясь снять щуку с тройника. Но что случилось с леской? Она круто пошла в сторону. Неужели еще поклевка? Дергаю за леску. Так и есть. На дальнем поводке бьется еще одна щука. Да какая! Судя по мощным толчкам, передающимся по леске на руку, эта гораздо крупнее. Вполне может быть, что такую «крокодилу» я никогда в жизни еще не лавливал.

Что делать? Решение надо принимать мгновенно. Теперь-то знаю: обрезать

бы поводок с первой щукой, выбросить рыбу на траву и завести в воду освободившийся подсачек. А тогда не нашел ничего лучшего, как ...опустить подсачек в воду вместе с пойманной, но еще не снятой с крючка рыбой. И вышло, что вторая щука, подведенная к подсачеку, испугалась плеска первой щуки, неистово дернулась и ушла вместе с оборванным поводком и тройником. Больше, сколько ни сидел, сколько ни менял пескарей, поклевки на этом месте не дождался.

Так в тот день остался я с одной щукой, хотя был шанс принести домой двух.

Полковник в отставке
А. ОВЧИННИКОВ.

РЫЖАЯ НЕБЛАГОДАРНОСТЬ

Начало смеркаться, и пришлось сматывать удочки. Клев был неважный, и за целый день удалось поймать всего с десяток некрупных карасей. Причудливую лодку в прогалину в камышах, высаживаю на берег, иду к товарищам. Они уже хлопочут с ужином. Только расселись «заморить червячка», как неожиданно в десятке метров от нас в терновнике мелькнула, а потом выбежала на тропинку лиса. Остановилась, смотрит на нас. Бросили ей бутерброд: «На, рыжая!» Лисица, схватив добычу, метнулась в кусты.

Живо начали обсуждать, мол, зверь чувствует, что мы



без ружей, потому и осмелел. Глядь — лисица снова появилась. Кинули еще пару кусков хлеба с сыром. Все это она проворно куда-то утащила. Не дождавись еще подачек, пропала, растворяясь в темноте.

Восточный ветер чуть пошевеливал макушки деревь-

ев. Чудная летняя ночь накрыла нас своим покрывалом.

...Собираясь на утреннюю зорьку, обнаружили: все наши садки с рыбой вытаснены из воды и разбросаны по берегу. Несколько карасей лежали тут же без голов. Кол, на котором крепились садки, валялся в метре от воды. Всюду были видны лисьи следы. Такто плутовка отблагодарила нас за гостеприимство и доброту!

Уже отплывая от берега, услышал частое стрекотание сорок, порхавших на деревьях, посмотрел вниз и увидел, как в траве мелькнула рыжая разбойница. Видимо, она искала знакомства с новыми доверчивыми рыболовами.

Л. ЖЕЛТОВ.

УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ

ЗАЦЕПЫ НЕ СТРАШНЫ

Те, кто постоянно занимаются ловлей хищной рыбы спиннингом, наверняка неоднократно испытывали горечь досады при обрыве блесен, зацепившихся за корягу, камыш и т. п. Причем, как правило, терялись самые уловистые блесны, которых, как говорится, днем с огнем в магазинах не сыщешь.

А ведь потерю можно легко избежать. Для этого надо только вместо металлического кольца, при помощи которого крепится тройник к блесне, использовать обычную леску, только меньшего диаметра, чем основная леска. Тогда даже при глухом зацепе вы рискуете оставить на дне лишь крючок.

В БИБЛИОТЕЧКУ РЫБОЛОВА И ОХОТНИКА

ОЖИДАЕТСЯ ПОПОЛНЕНИЕ

В редакцию приходят письма, в которых читатели спрашивают, где можно купить литературу по охоте, любительскому и спортивному рыболовству, появится ли что-либо новенькое в ближайшем будущем.

Такого рода книги издаются, в частности, Военным издательством МО СССР, издательством «Физкультура и спорт», многими республиканскими издательствами. Приобрести их можно в обычных книжных магазинах, магазинах «Военная книга», «Военноохот», у букинистов.

К концу года выйдет в свет «Словарь охотника-природолюбца» с пословицами и поговорками народов СССР. Объем 200—350 стр., твердый переплет, 100 000 экз., цена 15 руб. Подарочный вариант. В новом году Воениздат выпустит несколько полезных книг: Киселев В. С. «Пороша»: рассказы о природе и охоте, 1 р. 50 к., 50 000 экз.; Овчинников А. А. «На восходах и закатах: о любительском рыболовстве», 2 р. 50 к., 100 000 экз. с иллюстрациями; Оглоблин К. С. и Гавриков Ф. К.

Кое-кто успешно применяет и такой способ не терять блесен: «отпускают» тройник. Выполнить эту операцию несложно: сначала крючок нагревают докрасна, а потом охлаждают, после чего он становится «мягким», хотя и достаточно крепким, чтобы засечь рыбу. При зацепе и большом усилии такой крючок разгибается, и — блесна спасена.

В. СЕДОЙ.

«С ружьем и удочкой»: справочник военного охотника и рыболова, 3 р., 50 000 экз. В последнем будет также раздел, в котором представлено большое число рецептов различных блюд из рыбы, дичи, грибов, ягод (в том числе забытых), которые можно приготовить на костре и в домашних условиях.

Немало интересной информации готовит читателям журнал «Охотник» Военно-охотничьего общества Вооруженных Сил СССР. На 1992 год подписка будет теперь приниматься в отделениях Союзпечати, новый индекс 70688.



НА ПОМОЩЬ НАДЕЙСЯ...

На предыдущем занятии мы начали разговор о таком приеме дрессировки, как выборка вещи. И остановились на том, что перед выборкой собака должна хорошо запомнить запах вещи (палочки). После трех подходов к обнюхиванию бросьте палочку в противоположную сторону от ее аналогов, лежащих на земле, и дайте команду «апорт». Когда собака принесет палочку основного помощника, бросьте ее еще раз, но теперь уже в сторону палочек вспомогательного, подайте команду «нюхай, апорт». Упражнение повторите 2—3 раза, а затем палочку основного помощника замените «свежей» и сразу положите ее среди вспомогательных. Возьмите у основного помощника еще одну свежую палочку и дайте собаке обнюхать, после чего незаметно положите ее сзади себя, подайте команду «нюхай, апорт» и жестом руки направьте собаку к лежащим перед ней на земле четырем палочкам. Упражнение повторяйте до тех пор, пока у основного помощника не кончатся заготовленные палочки, а у вас — терпение. Теперь собака должна искать только свежую палочку основного помощника, ориентируясь исключительно по запаху. Меняйте место искомой палочки и увеличивайте количество вспомогательных палочек (и, желательнее, число помощников). Исходное положение собаки перед пуском на выборку—2—2,5 м.

Сменить основного помощника возможно и целесообразно не раньше, чем через 3 часа после окончания очередного занятия. Упражнение повторяется за одно занятие 10—12 раз. Добившись четкой, безотказной работы на палочках, переходите к вещам.

Не скрою, прием специального цикла дрессировки «выборка человека по запаху вещи» считается одним из самых сложных и в то же время наиболее престижным.

В классическом исполнении (а это наша с вами цель) выборка человека по запаху вещи имеет два основных варианта: когда собака решительно, но интеллигентно вытаскивает из строя зубами за одежду найденного ею по запаху злоумышленника, и когда собака, обнаружив его, ограничивается, попросту говоря, лаем. Рассмотрим оба варианта. А уж вы, в свою очередь, выбирайте, какому из них отдать предпочтение.

Итак, допустим, что вам удалось обрести трех помощников. Хорошо бы хотя бы худо-бедно экипировать их в куртки, телогрейки или бушлаты (желательно, конечно, старые, ненужные, ибо если ваш ученик будет усерден в учебе, вам придется исключить эти вещи, а вернее, то, что от них останется, из гардероба).

Обычное условие — наименьшее количество отвлекающих раздражителей. Подберите ровное и чистое

место возле забора или стены, дабы исключить возможность забегания собаки с тыла строя. Для начала хорошо выгуляйте собаку. Затем поставьте своих помощников (простите за невольные ассоциации) к стенке (забору) спиной на расстоянии метра друг от друга. Определите, кто из них будет основным, а кто — вспомогательными. Встаньте за два метра до и столько же правее ближайшего помощника, собаку посадите у левой ноги. К ногам крайнего помощника бросьте апортировочный предмет с запахом основного помощника, подайте команду «апорт» и дождитесь, пока собака поднесет вам предмет. И так—2—3 раза. После чего брошенный в очередной раз предмет должен поднять основной помощник и держать его перед собой на уровне пояса. И это упражнение выполните 2—3 раза, меняя место основного помощника в строю. Причем с каждым разом помощник должен все ближе и ближе пододвигать искомую вещь к поясу, чтобы в конце концов спрятать ее под одежду. Собака, хоть и привыкшая к визуальной выборке, все равно почувствует запах человека, у которого последнее время находился «пропавший» предмет. Другими словами, на помощь зрению приходит обоняние, как орган куда более сильно развитый у собак. Направляя ученика к строю помощников, подайте команду «нюхай, апорт». Обнаружив по запаху искомого помощника, собака в стремлении завладеть предметом возьмет его зубами вместе с одеждой. Помощнику следует не сопротивляться, а наоборот — двигаться за собакой. Не медлите и вы: быстро подойдите, подайте команду «дай» и, как только собака отпустит одежду, поощрите ее. Продолжим урок в следующем журнале.

Полковник В. СЕВОДНЯЕВ,
начальник службы собак
Главного управления
командующего
внутренними войсками.

шахматный клуб

Под редакцией
мастера спорта
А. КАЛИНИНА

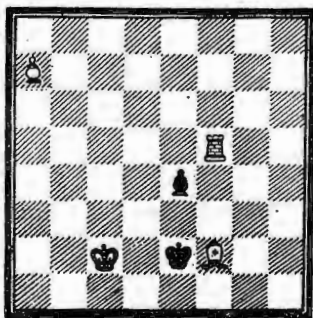
Открываем шахматный клуб нашего журнала. Выходить в свет он будет не реже одного раза в квартал. Главная цель клуба — раскрытие и показ эстетического содержания шахматной игры. Предпочтение ввиду этого будет отдаваться эффектным композициям и партиям с красивыми комбинациями.

Приводим решения первых двух миниатюр, изображенных на наших диаграммах. Надеемся, при знакомстве с ними равнодушных не будет.

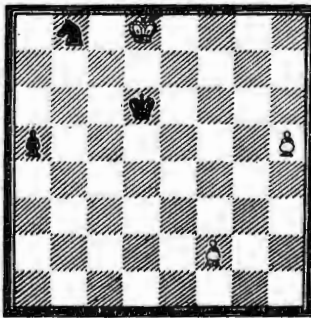
№ 1. О. Вюрцбург, 1941

№ 2. П. Васильчиков, 1946

№ 3. Автор неизвестен



Мат в 3 хода



Ничья



Мат в 3 хода

№ 1. 1.a8Cl. Цугцванг. Вступление неожиданное, не правда ли? Если пешку превратить в ферзя, то, как ни парадоксально, дать мат в три хода уже не удастся. Это подтверждается вариантом 1...Kpf1 2.C:e4 (при 2.F:e4 был бы пат) 2...Kpe2 3.Cd3X1 Еще красивый вариант: 1...e3 2.Cg2 ef 3.Je5X1

№ 2. Вначале игра рассудочная: 1.h6 Kd7 2.h7 Ke5 3.Kpe8. Угроза вилки 3...Kf7+ дает черным лишний темп: 3...Kg6 4.Kpf7 Kh8+5.Kpg7 Kpe7 6.Kp:h8 Kpf8. А теперь

сюрприз, «соль» этюда: 7.f3!! (но не 7.f4?) 7...a4 8.f4 a3 9.f5 a2 10.f6 a1Ф и симпатичный пат со связкой белой пешки.

Малютка № 3 — наше первое клубное задание. Если, глядя на диаграмму, не возникнет желание раскрыть «секрет» этой простой позиции, то вступать в члены нашего клуба мы не рекомендуем. Те же читатели, которые найдут решение и пришлют его нам, зачисляются в члены клуба. Фамилии правильно решивших будут опубликованы. Ждем ваших писем.

ШАХМАТЫ — ИГРА НАРОДНАЯ

Партии гроссмейстеров и мастеров заполняют страницы шахматных журналов и многочисленных бюллетеней. К сожалению, многие из них бесцветны, неинтересны, содержание их часто повторяется. Публикация же партий шахматистов-разрядников или просто любителей — редкое исключение, хотя их поединки иногда довольно любопытны.

Приводим один из таких поединков. Белыми играли шахматисты антарктической станции «Новолазаревская», черными — народный артист республики Анатолий Владимирович Ромашин, имеющий 2-й разряд.

1.e4 c5, сицилианская защита. Это название дебют получил еще в начале 17-го века, его классическое продолжение 2.Kf3 e6 3.d4. Однако игра развивалась не по классическим канонам, события на доске оказались стремительными.

2. Cc4 a6 3.Kf3 Kc6 4.d3 e6 5.a3 b5 6.Cb3 d6 7.c4g6 8.Cd2 Cg7 9.Cc3 e5 10.cb ab 11.Cd5 Kge7 12.C:c6+ K:c6 13.b4 cb 14.ab Л:a1 15.C:a1 K:b4 16.Фb3 Фа5 17.Cc3 K:d3+ 18.Kpd2 Kc5 и белые сдались.

Дорогие читатели! Присылайте в наш клуб игранные вами партии. Наиболее интересные поединки постараемся опубликовать. Не забудьте указать — когда, в каком соревновании и с кем вы встречались.



Неведик срок существования нашего клуба, но уже сейчас вы сообщаете нам,

насколько расширился круг знакомых, друзей, с каким интересом ждете прибытия почты—пишут со всех концов страны. Ну что ж, мы рады, если хоть кому-либо с нашей помощью становится не так одиноко. Однако помочь вам пооперативнее трудновато, и главным образом потому, что вы, дорогие читатели, невнимательно читаете правила нашей работы. Напоминаем: чтобы дать объявление на страничку клуба, надо перевести по почте 10 руб. на адрес: 111250, Москва, Е-250, коммерческий банк «Ленинградский», расчетный счет № 340616, МФО 201207. А в редакцию присылайте письмо-объявление (вместе с квитанцией

об оплате), в котором желательнее коротко (не более 10—15 строк) рассказать о себе: возраст, внешние данные (если хотите), привычки, увлечения, а также пожелания к тому, с кем хотите познакомиться. После публикации объявления клуб вышлет вам все отклики, которые будут получены на ваш абонемент.

Если же вас заинтересует чье-то объявление, то на тот же расчетный счет надо переслать 5 рублей (за каждый адрес), а письмо с просьбой выслать нужный вам адрес (вместе с квитанцией) — в редакцию.

Военнослужащие срочной службы платят за услуги клуба 5 руб. за объявление и 3 руб. — за один адрес.

000079—М. П.

В широком круге знакомых и друзей нет такого человека, о котором могла бы сказать: «Мой лучший друг». В людях ценю больше всего порядочность, доброту, скромность, отзывчивость. Мне 18 лет, студентка педагогического института. По характеру типичный Водолей, общительная, люблю детей, природу. Интересы разносторонние: и музыку люблю (Чайковского, Моцарта и современную), и шитьем увлекаюсь (и себе и другим шью), и историей интересуюсь. Но смысл моей жизни вижу в уютном доме и семейном благополучии. Хотелось бы, чтобы мне ответил парень приблизительно с такими же интересами, спортсмен и обязательно ростом не ниже 185 см — я сама высокая!

М. П.

000080—Н. Д.

Хотела бы переписываться с парнем старше меня примерно на пять лет, высоким, добрым, без вредных привычек. Мне 19 лет, высокая — рост 174! Говорят, что я добрая, тихая, на самом деле так не думаю. Люблю музыку, цветы, природу. Родилась и живу в деревне. Город не сильно

люблю — там душно, шумно. И еще: считаю, что мужчины должны во всем помогать женщинам, не делить домашние дела на женские и мужские.

Наташа.

000081—И. К.

Нет, я не ищу неповторимого, мечтаю лишь о добром и любящем (в будущем) человеке. И чтоб он был умный, веселый, отзывчивый и красивый — для меня! Мне 17 лет, закончила 11 классов, высокая, стройная, симпатичная, брюнетка. По характеру спокойная, общительная, не люблю ссор, умею ценить верность и дружбу.

Ирина.

000082—Е. Ф.

Мое увлечение — музыка, современная и классическая. Не курю, пить не собираюсь. Внешние данные: рост 169, глаза карие, волосы длинные, характер общительный. Своим другом хотела бы видеть человека от 21 до 29 лет, с таким же характером и главное — без вредных привычек и спокойного!

Лена.

000083—Н. Б.

Я живу в большом уральском городе, будущая профессия — юрист. Люблю природу, домашний уют, песни

Виктора Цоя. Мне 18 лет, рост 164, стройная, женственная, не курю, запросы скромные. А мой идеал — юноша 20—25 лет, русский, рост не ниже 176, стройный, мужественный, тактичный и добрый! Если кто-то узнает себя в этом портрете и ему нужна верная подруга, пусть напишет мне.

Лариса.

000084—Д. Г.

Я не очень-то общительный по характеру и, честно говоря, не люблю больших и шумных компаний. Наверное, это и мешает мне познакомиться с девушкой. А ваш клуб «Возможна встреча» мне понравился, хотя я и гражданский человек. Учусь в полиграфическом училище. Мне 19 лет, рост 175, волосы русые. Не пью, не курю. Увлекаюсь баффами искусствами, хочу стать инструктором рукопашного боя. Но не спортом единым живу — люблю песни Цоя, много читаю (любимые авторы — Булгаков, А. Тодстай, Есенин). Мечтаю завязать переписку с умной и симпатичной девушкой. Вот было бы здорово, если бы у нас оказалась община интересы, особенно в литературе и музыке!

Дмитрий.

554

**ВНИМАНИЮ ВСЕХ
ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ
ЛИЦ!**

За умеренную плату, подтвердив свои возможности договором с редакцией или гарантийным письмом в ее адрес, вы сможете поместить рекламу или объявление на страницах нашего издания.

**ОТКЛИКНИТЕСЬ, ДРУЗЬЯ!
Для тех, кому дорого
Саратовское военное училище**

Командование Саратовского высшего военного командного Краснознаменного училища имени Ф. Э. Дзержинского МВД СССР в связи с подготовкой к 60-летию военно-учебного заведения, отмечаемого в будущем году, обращается к бывшим преподавателям, выпускникам училища оказать помощь в подготовке материалов для сборника об училище и его выпускниках.

Напоминаем, что училище берет начало от образованной в 1932 году в г. Саратове 4-й пограничной школы НКВД. В ближайшее время ждем ваших воспоминаний, фотографий, документов.

Почтовый индекс нашего отделения связи—410023.

ПОПРАВКА: в журнале (1991, № 9) на с. 13 в правой колонке во втором абзаце вместо Муратова читайте Мурашева.

**ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ
АБОНЕМЕНТА!**

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки "ПВ—МЕСТО" производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

Выписывайте журнал «НА БОЕВОМ ПОСТУ» и газету «СИТУАЦИЯ»

Журнал внутренних войск «На боевом посту» издается с 1958 года, однако широко известен он стал массовому читателю с осени 1990 года, когда поступил в свободную продажу. Тогда же он получил статус общественно-политического и литературно-художественного издания. У него появилось приложение — газета «Ситуация».

Журнал издается ежемесячно. Цена одного экземпляра — 1 руб. 50 коп. Квартальная подписка стоит 4 руб. 50 коп., полугодовая — 9 руб., годовая — 18 руб. «Ситуация» выходит четыре раза в месяц. Цена одного номера — 20 коп. Месячная подписка стоит 80 коп., квартальная — 2 руб. 40 коп., полугодовая — 4 руб. 80 коп., годовая — 9 руб. 60 коп.

Если вы еще не подписались на наш журнал и приложение к нему, поспешите в ближайшее почтовое отделение, и вам будут доставлять их на дом. Индекс журнала — 70610, «Ситуации» — 50157.

Ф СП-1

Министерство связи СССР
„Союзпечать“

АБОНЕМЕНТ на газету **70610**
на журнал (индекс издания)

(наименование издания) **На боевом посту** Количество комплектов

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ИВ _____ место _____ литер _____ на газету **70610**
на журнал (индекс издания)

(наименование издания) **На боевом посту**

Стоимость	подписки	руб. _____ коп.	Количество комплектов:
	пере-адресовки	руб. _____ коп.	

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
(фамилия инициалы)

предлагаем



работу в столице

121248, Г. МОСКВА, КУТУЗОВСКИЙ ПРОСПЕКТ, ДОМ. 14.
СПРАВКИ ПО ТЕЛЕФОНУ:
243-72-07.



МОСКОВСКИЙ ЗАВОД ПИШУЩИХ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ ИМЕНИ САККО И ВАНЦЕТТИ

приглашает на работу по специальностям:

техник-технолог (гальваник) — 450 рублей,

мастер участка — 500 рублей,

литейщик пластмасс — 400 рублей,

гальваник — 400 рублей.

полировщик — 400 рублей,
наладчик литевых машин — 700 рублей,

фрезеровщик — 500 рублей,

токарь — 700 рублей,

шлифовщик — 500 рублей,

тракторист — до 350 рублей,

штамповщик — до 400 рублей,

слесарь-ремонтник — до 500 рублей,

водитель автомобиля — 350 рублей.

При заводе имеется филиал, расположенный по адресу: ул. Багрицкого, дом 10, корп. 3; создается сеть малых предприятий во вспомогательных цехах; функционирует Советско-Швейцарско-

Болгарское совместное предприятие "ТАНГРА".

Всем работающим выдается дотация на питание — 45 рублей, на проезд — 3 рубля.

Работникам инструментального цеха выплачивается 13-я заработная плата.

Юношам, отслужившим в рядах Советской Армии, выплачивается единовременное пособие — 500 рублей.

Молодым семьям выдается ссуда от 3 до 5 тыс. рублей.

При заводе имеется магазин по продаже продовольственных товаров, детский сад, детский оздоровительный лагерь.



ТЕЛЕФОН: 81-262-7272
 АДРЕС: 107170, МОСКВА, ЯУЛ., Д. 11.
 НИЖНИЙ СЕРВИС ЦЕНТРА

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

ПЛУТОН

приглашает

Тех, кто еще не выбрал себе специальность, приглашает завод «Плутон», выпускающий микроволновую бытовую печь «Электроника».

Предприятию требуются:
 станочники — зарплата 700 руб., гальваники — 650 руб.;
 работники с радиотехническими специальностями — 700 руб., электрогазосварщики — 600 рублей.
 Выплачивается вознаграждение по итогам работы за год.

Те, имеющие специальности приобретают ее в процессе работы на заводе.

Прибывшим на завод возматериальная помощь в размере 300 рублей.

Желаю могут продолжить свое образование в заводских группах техникумов и институтов, а также быть направленными в институт с выплатой

заводской стипендии в размере 150 рублей в месяц.

На территории завода имеются современные медицинские учреждения, культурно-бытовые учреждения, спортивные и туристические секции, санаторий в Кисловодске, сезонная база отдыха в зимнее и летнее время, пионерский лагерь, детский сад.